Виктория Наумова.

На изнанке времени.

2055

1

Весна в этом году началась не дождавшись календаря, уже в феврале обрушилась на Калифорнию пышной мимозой, цветущими камелиями и вечерним запахом роз. Было совсем по-летнему тепло, хотя темнело рано, уже в шесть вечера солнце заходило в ярко-красные облака, и сразу же наступала ночь.

Лиза Малкин и Билл Смит подъехали к дому, как раз успев до полной темноты полюбоваться падающим в залив солнцем. Билл стоял на широкой веранде, в тысячный раз любуясь видом. Сквозь верхушки сосен мерцал бликами серо-синий залив, на горизонте висели мосты и прозрачные очертания города. Солнце стремилось в воду, окрашивая все вокруг в нарочито сочные алые тона и перемешивая небо с землей. За долгие годы жизни на этом холме Билл так и не привык к почти ежевечернему шоу, которым баловал его калифорнийский закат.

– Любуешься? – Лиза тихонько подошла сзади, положив Биллу руку на здоровое плечо. Он сощурился в улыбке, отчего его черное лицо покрылось миллионом мелких морщинок.

– Любуюсь, – хмыкнул он. – А ты все принюхиваешься?

Лиза нарочито явно повела носом.

– Это невозможно не нюхать. Просто рай земной.

Дворик Билла и правда мог сойти за некую модель Эдема. Окруженный цветущими розовыми кустами и камелией, он оставался скрыт от случайного взгляда. Небольшой ажурный столик, качели под полосатым тентом, фонтанчик в виде писающего мальчика – уютная мещанская роскошь. Не хватало только виноградной лозы над головой. И тем сильнее контрастировал с этим обособленным уютом безграничный вид на залив, открывающиеся с веранды дома.

Лиза прошла на небольшую кухню. Все было по-прежнему, никаких следов технологических новшеств, заполняющих изо дня в день современный быт. У самой Лизы дома давно была кухня-панель, распознающая голос хозяйки. Достаточно было только озвучить желаемое, и через считанные минуты заказ возникал на столе. Так же легко можно было разобраться и с посудой, и с продуктами, и даже с чистотой полов. Кухонные роботы - и те давно вышли в тираж, вся техника занимала

минимальное пространство, уместившись в единственную и простенькую на первый взгляд панель, скромно примостившуюся в уголке.

У Билла же все было в натуральную величину: и добротный стол, и варочная панель, и холодильник, и старинная кофе-машина, ужасно тарахтящая при работе. «Кофе-машина времени какая-то», – усмехнулась Лиза и привычным жестом заложила за ухо непослушную рыжую прядь, щекотавшую кудряшками шею. Ее бледно-зеленые глаза сверкнули в скрытой усмешке, но она не стала в очередной раз комментировать пристрастие Билла к доисторическому стилю жизни.

– Тебе кофе делать? – крикнула она все еще стоявшему на веранде Смиту. Тот молча кивнул, полагая, что она непременно высунет нос на веранду, посмотреть, услышал ли он ее вопрос.

– Что ты киваешь, я же на кухне, – пробурчала она, подтверждая его правоту.

– Киваю, что буду кофе, – хмыкнул он, сверкая в сумраке белками глаз. Пока они переговаривались, солнце совсем скрылось. Билл втянул носом влажный сумрак, повисший на низких облаках. – Вообще, сейчас время уже не для кофе. У меня есть отличный бренди.

Лиза поставила кофе и чашки на хлипкий деревянный столик, чудом сохранившийся у Смита на веранде. Мимо них, едва не задев кофейник крылом, пролетел запоздалый орел. Лиза проводила его задумчивым взглядом.

– Попозже. Я еще долго не засну, ты же знаешь. Давай посидим, – все еще глядя в сторону орла, ответила она.

– Давай, – Билл тяжело сел, притянув стул единственной рукой.

– Ну, рассказывай. Каков план? – Лиза смотрела на него поверх чашки, отчего на ее прозрачно лбу собрались смешные неровные складочки.

– Не морщи лоб. Потом побежишь к косметологу, – по-отечески насмешливо буркнул Смит, но Лиза не отреагировала. В свои сорок пять лет она выглядела точно так же, как и в тридцать пять, а может, и в тридцать. Состояние ее кожи ни в коей мере не зависело от мимических привычек, все

давно решалось на гораздо более глубинном уровне. Но Билл, как это свойственно пока еще большинству мужчин, в тонкостях современной косметологии не разбирался.

– Не переводи тему. Рассказывай, – серьезно сказала Лиза.

– Ну, каков-каков... Прост. Поживем тут пару дней. Потом займешься списком гостей, едой, музыкой. Чтоб все как у людей. Юбилей так юбилей.

Билл смотрел на нее с вызовом. Он прекрасно знал, какое впечатление произведут его слова, и был готов к атаке. Лиза рассмеялась, глядя на его петушиный вид.

– Слушай, Смит. Ну это просто цирк какой-то. Какие гости, какая музыка. У тебя вообще знакомые-то есть? – отсмеявшись, сказала женщина. – Я за все двадцать пять лет знакомства видела от силы человек пять, с которыми ты разговаривал. Включая робота-приемщика в прачечной.

– Поверь мне, я не всегда разговариваю при тебе, Лиззи. И когда человеку исполняется восемьдесят лет, уж какой-то круг знакомых всегда наберется, даже если это одинокий однорукий хромой чернокожий пенсионер.

– Ну и что это за круг? – скептически скривила она рот.

– А я набросал тебе там на бумажке. Покажу потом.

– Хорошо. А что за музыка… Ну и вообще, Билли, ну зачем тебе все это надо? – она даже подалась вперед всем телом, пытаясь как магнитом выудить ответ. Вся эта затея с юбилеем шла категорически вразрез с ее представлением о Билле Смите. К чему эти гости, музыка и прочее, если можно было прекрасно погулять пару дней по заливу или просто поваляться на травке. Теперь она будет вынуждена провести тут как минимум неделю, занимаясь полной ерундой.

– Надо… Надо что-то менять, Лиззи. Например, поступать абсолютно не свойственным себе образом.

– Не поздновато? – хмыкнула она и отхлебнула кофе.

– А что меня хоронишь… Я еще строю планы на будущее, выращиваю новую личность…

Они замолчали. «Пару дней мы бы не проболтали, конечно, – думала Лиз. – Не осталось столько тем. Все миллион раз переговорено. Может и правда будет вокруг какой-то народ,

пусть чужой и никчемный, но разбавит это ощущение вечной неловкости».

А ощущение неловкости возникало между Лиз Малкин и Биллом Смитом всегда. И оба знали, что так будет, но встреч не избегали. В глубине души оба были рады друг другу. И, вероятно, стали бы в конце концов очень близкими друзьями, если бы не один вопрос. Так или иначе он всплывал между ними, на протяжение двадцати последних лет отравляя любое их общение. Последние пару – тройку лет Лиз, потеряв надежду получить от Билла какой-либо ответ, заставила себя хотя бы внешне принять правила игры, усилием воли пресекая временами остро накатывающее желание пойти по проторенной дорожке, и теперь на месте незаданных ею вопросов образовывалась тишина, что было противней любого скандала и выяснения отношений. Холодная, липкая, отбрасывающая самых близких и любящих друг друга людей на разные стороны планеты Земля.

И сейчас, сидя на веранде Смита, Лиза Малкин уже учуяла запашок этой подкрадывающейся тишины и призывала всю фантазию, выдумывая нейтральные темы для разговора.

– Кстати, – прервал ее напряженные изыскания Билл, – есть еще один момент.

Билл замялся, глядя на нее полу прищуренным глазом. Лиз вопросительно кивнула.

– Ты эту штуку из башки можешь отключить на эту неделю?

– Как это? – она поперхнулась кофе. – Как ты себе это представляешь?

– Ну я-то прекрасно себе это представляю, живу без нее и вполне себя чувствую.

– Билл, я не знаю, как там живешь ты и как справляешься со всеми бытовыми задачами, но каким образом ты предлагаешь мне собрать людей, заказать еду, развлечения, музыку, отключившись от сети? – вытаращившись на него на пределе выразительности, выпалила она. То, что этот мега-консерватор отрицает все тенденции современной жизни, она уже усвоила и борьбу прекратила. Но тот факт, что он и ей собирается беспредельно усложнить жизнь, вывел ее из себя за долю секунды. Чип, врощенный в височную долю, являлся продолжением ее личности, как и у девяносто процентов ее

современников. Человечество уже почти полностью отказалось от всех гаджетов, вложив информацию всемирной сети непосредственно себе в мозг. Лиз было достаточно мысленно произнести код активации, чтобы любой ее запрос был удовлетворен, начиная от вызова такси и проведения всевозможных видеоконференций, заканчивая онлайн экскурсией в любой музей мира. Стоило удобно расположиться в собственном кресле, и виртуальная реальность окружала носителя чипа. Перед ним пел Карузо, танцевала Плисецкая, таинственно улыбалась Мона Лиза. Последним достижением высоких технологий был эффект осязания, что произвело первым делом взрыв в области порнографии, а потом уже добрело и до науки и искусства. Теперь ни на одной древнегреческой статуе не было таблички «руками не трогать». Экскурсанты получили новую возможность: прикоснуться к отбитой руке Венеры и щелкнуть по истерзанному веками носу Гая Юлия Цезаря. Но, с другой стороны, отключившись от сети, потенциальный пользователь оставался в бессильном одиночестве, полностью лишенный контакта с современниками. Поэтому предложение Билла показалось Лиз не просто наглым, а скорее вызывающе бессмысленным.

– Как ты себе вообще это представляешь? – возмущенно продолжила она.

– Ну я-то жив, как видишь, – хмыкнул Смит. – Я выдам тебе отличное снаряжение. Во-первых, – он назидательно поднял вверх указательный палец, – у меня есть планшет.

–Что у тебя есть? – протянула она, скривившись, будто от изжоги.

– Планшет. Последнее поколение, почти не пользованный, ему всего лет десять.

– Держите меня семеро, – выдохнула Лиз по-русски и откинулась в жестком плетеном кресле, выставив вперед то место, на котором у других людей рос живот. Именно русский был ее первым языком.

Семья Лизы Малкиной эмигрировала в Израиль из Петербурга, когда Лизе было уже пять лет, и она не просто «уже умела разговаривать», а излагала свои мысли на цветистом, красивом русском, обогащенном бабушкиными одесскими фразеологизмами и семейным фольклором.

«Интересно девки пляшут», – задумчиво тянула нежная золотистая девочка, глядя на конструкцию из лего. Говоря откровенно, лего у Лизы Малкиной так запросто никогда не складывался, не было у них с конструктором взаимопонимания. Равно как и с пазлами и головоломками. Куклы, только куклы и их платья составляли Лизин мир.

Переехав в Израиль, она быстро подхватила и иврит, и английский, походя выучив еще пару языков. Но дома всегда был только русский. И родители, и тем более бабушка с дедушкой были абсолютно не готовы впускать в свой мир что-то новое. Родители, конечно, овладели ивритом, они были еще достаточно молоды, бабушка же и дедушка до смерти говорили только по-русски, вставляя в него легкий одесский намек на идиш.

– Зря ты так, – возразил обидевшийся за планшет Смит. За годы общения с ней он уже вполне понимал большую часть ее «непереводимого русского фольклора». А если и не понимал дословно, то в точности улавливал интонацию.

«Отличный мужик этот твой Билл, – говорила бабушка, глядя на блестящее черное лицо Билла, сверкающее белозубой улыбкой. – Жаль, что не еврей. И добрый, и тебя любит».

Лиза краснела, пыхтела, делала огромные глаза. Ей было шестнадцать, вокруг нее занималась весна, рядом был неожиданно свалившийся на ее рыжую голову таинственный будущий муж, и никого кроме этого принца ее глупые глаза не видели. А стоило перестать ими хлопать хоть на секунду, и этой глупости Лиза Малкин простить себе была не в состоянии. На ее будущего супруга бабуля смотрела без всякой симпатии. Но молчала, понимая, что услышана не будет.

– Зря-зря, планшет – отличная вещь. Сядем с тобой рядом, напишем…

– Напишем??? – она снова вытаращила глаза, возвращенная на землю предложением написать что-либо своими руками.

– Ну, надиктуем, конечно. Пошлем, одним словом, всем приглашения, оформим заказы. Я буду рядом, если ты не разберешься. Единственное, что… У меня там блок на новости стоит, так что развлекаться на нем не выйдет, все только по делу.

– А как ты вообще с миром общаешься, если даже новости не смотришь? – устало протянула Малкин.

– А я иногда включаю. Раз в неделю, по субботам. Чтоб держать нос по ветру, – засмеялся Смит. Его зубы и белки глаз так ярко сверкнули в темноте, что Лиза улыбнулась. «Точно как в мультике», – мелькнуло в голове.

– Ты пойми, Лиззи. Я хочу тишины. Полной тишины, и для тебя тоже, хоть одну неделю. Без информации, без стресса, без впечатлений…

– И при этом хочешь набить дом полузнакомыми людьми, – фыркнула она.

– Не дом. Ты снимешь уютный ресторанчик.

Она снова закатила глаза, но говорить ничего не стала. Спорить было бесполезно, она уже попала в этот капкан. Судя по всему, она всю неделю будет торчать в этой глухомани, отслеживая на старинном планшете готовность закусок и музыки.

– Слушай, Билл. Ты тут вообще хоть как-то развлекаешься?

– Иногда. У меня тут все свое: книги, диски. Вон, даже телевизор… – он замялся и отвел глаза. – Да, был, до недавнего времени, пока пульт не потерялся. Теперь висит, чтоб глазам пусто не было.

– Диски, телевизор, пульт… – задумчиво протянула Лиза. – И что ты с ним делаешь?

– Кино смотрю, – засмеялся он.

– Плоское? – с трудом подобрала слова Лиза. – Движущаяся картинка?

– Ага, ожившее фото, если тебе угодно. Невероятная прелесть.

–Ну да, в твои времена-то только так и было, как я понимаю, – нарочито противно хихикнула Лиз. – Ты на сколько меня старше?

– Да ровесники практически, считай, – откинувшись назад к перилам, со странной печалью ответил Билл.

– Практически – да. А теоретически, если тебе восемьдесят, то родился ты у нас в тысяча девятьсот семьдесят пятом? Так?

Смит кивнул, по-прежнему глядя на нее с печальной нежностью. Таким взглядом любящие бабушки смотрят на решившего жениться внука. Лиз, не обращая внимание на его выражение лица, продолжала подсчеты.

– То есть ты такие фильмы смотрел лет до сорока? Не принимая участие в процессе, просто наблюдая за сюжетом?

– Да, – кивнул он, – честно следовал за авторским замыслом. Но хочу заметить, что у нас на задворках солнечной Джорджии такие фильмы до сих пор в моде. А в моем детстве и такие не часто перепадали, лишних монет в доме не водилось. Вообще, – задумчиво продолжал Билл, – если бы не армия, у меня были бы все шансы смотреть кино в исправительном заведении неподалеку от Чарльстона.

Лиз помолчала, рассматривая его, словно впервые поняла, какая пропасть между их молодостью и детскими впечатлениями. Что человек, живой, реальный, сидящий перед ней, собственным пальцем крутил диск телефонного аппарата, подходил к огромному телевизионному ящику переключать тумблер каналов, отправлялся в библиотеку при необходимости получить информацию. И бегал с мальчишками во дворе, не согласовывая время для игры с родителями приятелей. У нее вдруг возникло ощущение, что ее старинный Билл и не Билл вовсе, а экспонат в одном из музеев мира, и место ему на витрине рядом с дисковым телефонным аппаратом. Или в старом кино, амплуа «забавный, но ужасно обаятельный друг главного героя».

– Знаешь, сейчас новая фишка. Можно стать действующим лицом в старом фильме, – продолжила она вслух.

– Вроде давно уже можно, – сдвинул брови Смит.

– Нет, давно можно в новых эпизодах. А в старом кино только сейчас стало. Кстати, очень увлекательно, – косясь на экран, висящий на кухонной стене, протянула она.

– И какой твой любимый эпизод?

Лиза пожала плечами.

– Я как-то… стесняюсь, что ли… лезть в чужие взаимоотношения, – одна ее рыжая бровь вздернулась вверх, гася улыбку. – А вот мама моя ходит регулярно. Собственно, я с ней туда и попала. Так она то Ретту Баттлеру на лестнице кричит: «Она беременна, идиот!», то бревно для Джека

Доусона добудет, чтоб не замерз. В ледяной воде Атлантики, между прочим. Потом неделю с простудой валялась. Психосоматика сильная, – Лиза наконец открыто рассмеялась, не в силах больше сдерживаться.

– Да, телевизор проигрывает, надо признать, – хмыкнул в ответ Билл.

– Я тут все-таки один раз сама не удержалась, сходила. «Корабль Мечты», слышал о таком?

Смит не отвечал, словно вдруг заснул с открытыми глазами, уставившись прямо перед собой.

– Ау, есть кто на палубе? – Лиз низко нагнулась над столом, шутливо пытаясь поймать взгляд мужчины. – Ты куда улетел вдруг?

– Никуда, я здесь, – механическим голосом ответил Смит. Лиза с удивлением всматривалась в его онемевшее лицо, еще секунду назад такое иронично-живое и вполне человеческое.

– Ты чего вдруг так напрягся? Это реклама такая сейчас идет. Они построили какой-то нечеловечески огромный космический корабль, суперкомфортабельный, и предлагают выход в открытый космос в нем. Ну и был рекламный ролик, там можно было внутри походить.

– Походила? – тихо спросил Билл. Он уже снова смотрел на свою собеседницу, но лицо по-прежнему оставалось словно парализованным.

– Да, – протянула она, демонстрируя тихое восхищение. – Вещь, надо сказать. Большой. Пустой пока, но скоро будут уже финальные продажи билетов, так что за их рекламу я не беспокоюсь.

– Ну вот от всего этого я и хочу тебя оградить, – с наигранной отеческой заботой сказал ей Билл и даже взял за руку, перегнувшись через столик. – Не надо рекламы, суеты. Поживи в тишине, подыши розами. Завтра погуляем по заливу. В реальном мире, без оплаченных галлюцинаций и прочих дешевых иллюзий. Смотри, какая красота, – он кивнул на тысячи разноцветных огоньков, раскинувшихся там, где еще час назад горело над водой солнце. – Хочешь бренди?

Лиза молча кивнула. А ведь действительно – как хорошо. Просто хорошо, спокойно, ароматно, вкусно, тепло. И завтра

будет также. Она проговорила мысленно код и отключила себя от мировой сети.

2034

1

В ушах стоял звон от глухого хлопка двери за спиной Анны. Каждый его мускул сжался, ощущая, словно в замедленной сьемке, как уменьшается просвет между его частью вселенной и вселенной его жены, рассекаемой надвое этой казалось бы простейшей перегородкой.

Когда скрежет в виске немного унялся, Орлиевский заставил себя отвернуться и сделал несколько шагов вглубь комнаты. Легкий шорох воды в бассейне приятно контрастировал с кричащими нервами. Он остановился на краю бассейна, потом резко скинул с себя халат и прыгнул в темно-синюю гладкую воду. Синтетическая тяжелая жижа обволокла тело, ощутимо снимая спазм, все еще не позволяющий дышать. Георгий замер, раскинув руки морской звездой, расслабив каждую мышцу. Сквозь полумрак огромной сумрачной гостиной в такт волне раскачивались светильники и толстые деревянные балки потолка. Вся комната превратилась в огромный старый корабль, медленно катящийся по волнам чудо-океана.

К Орлиевскому постепенно возвращалась способность мыслить и дышать. После каждой ссоры с женой он приходил в себя все дольше, словно Анна вытягивала из него саму способность мыслить и существовать. Он терял ощущение реальности пространства. И происходило это все чаще, резче, злее и неизбежнее.

Он пробыл в бассейне не менее получаса. Выбравшись, щелчком отключил режим волны, и темно-синяя гладь застыла, превратившись в огромное зеркало. Орлиевский набросил на себя халат и вышел на улицу. Вся природа вокруг улыбалась и нежно шептала ему: «Приветствую тебя на юге Франции, мой дорогой». Солнце грело, ветер дул, деревья зеленели, цветы цвели. А главное, все вокруг было абсолютно настоящее, живое, ароматное. Никакой синтетики, эффектов погружения и прочей виртуальной реальности. Ему всегда здесь было хорошо. Как-то особенно радостно. Всегда, вплоть до сегодняшнего дня. Этот дом теперь тоже не помогал, последнее место, на которое он так рассчитывал. Они совсем не могли разговаривать. Каждая его фраза, каждая тема таила в себе угрозу войны.

Собственно, именно та тема, из-за которой состоялся этот разговор, изначально не могла не вызвать бурной дискуссии с последствиями, но Георгий рассчитывал хотя бы на попытку понять ситуацию. Зря рассчитывал. Совершенно напрасно.

Анна смотрела на него широко открытыми черными глазами, обдавая смесью насмешки и раздражения. Под этим взглядом он чувствовал себя не сероглазым черноволосым атлетом, а мелким гномом, пытающимся отобрать у заблудившихся в лесу голодных детей жухлый гриб.

Анна медленно отхлебнула какую-то зеленую смесь из бокала и, закинув ногу на ногу, откинулась в бархат огромного старинного кресла, приобретенного вместе со всем интерьером их столетнего дома.

– То есть, на козах не вышло попробовать, Тамерлан решил не мяться и перейти сразу к людям?

– Он утверждает, что это бесполезно делать без присутствия человека. Нужен рассказ.

– Ну да. Рассказ. Аудио- и видеозаписи мало, антенн, сенсоров, датчиков, тысячи разных новомодных штук. Всего арсенала Трансатлантического Космического Альянса и двух коз в придачу, обмотанных проводами.

Орлиевский встал и потряс по очереди каждой ногой. Мышцы сводило.

– Давай сначала. Во-первых, ТАКА отказывает ему в продолжении эксперимента и берет новый проект.

– Это справедливое решение, – нарочито серьезно кивнула Анна.

– Он же говорит, что они не учли многих факторов…

– Я слышала только про один фактор, – резко прервала она, ставя бокал на пол рядом с креслом. – У него заканчивается горючее. Он готовит пространственный переход, использует свое зелье-биоускоритель, оснащает этот корабль всем, чем можно в наше время, и сажает туда животных. И единственный результат этого полета – неожиданно большой расход горючего. И никаких параллельных Вселенных.

– Да. Но если бы в полете действительно ничего не произошло, они вернулись бы сами.

– В полете действительно ничего не произошло. И ТАКА тоже решил, что ничего не произошло. Даже козы живы и здоровы. А Тамерлан твой просто свихнулся в последнее время. У него давно все признаки Альцгеймера и налицо, и на лице!

На ее же собственном лице не было ничего, кроме откровенной злобы. На какую-то секунду Орлиевский замер, разглядывая ее. Удивительное лицо, которое одинаково прекрасно в любви, ненависти, радости, ярости. Лицо-магнит, лицо-загадка, заставляющее смотреть и восхищаться.

– А самое главное, что у него хватает наглости просить не только твой корабль, а самого тебя! – продолжала она. – Полети, мол, посмотри, можно ли пройти сквозь кротовую нору на моей суперсмеси – какой же я все-таки восхитительный! – или все-таки идейка не работает! Рискни жизнью, имуществом, пойди против ТАКА, они же в восторг придут от такой самодеятельности. И вот что еще, – Анна подалась всем телом вперед, – а если эксперимент удастся, и мы-таки рванем на ту сторону Вселенной – а обратный билет есть? Или one way ticket?

– Есть, рассчитан эффект обратной петли. И к тому же Тамерлан уверен, что все будет так же точно, как и эти последние два раза, надо просто засечь все, что происходит в процессе. Не приборами. Телом.

– Не моим, командир. Не моим. Мое тело останется здесь, на юге Франции. Мое тело устало от идей и затей. Оно устало от ночи, холода, комбинезона, невесомости и тяжелых ног. И еще оно устало от тебя.

Последняя фраза была чем-то новым в их отношениях. Это был открытый и совершенно недвусмысленный шаг, шаг от него. А к этому капитан еще не успел приготовиться.

– Такое ощущение, – проговорил он после паузы, – что ты сейчас говоришь не только об эксперименте Тамика.

Анна молчала. Все чувства сошли с ее лица. Оно было привычно замершим и холодным, как и почти все последнее время их жизни. Наконец она перевела взгляд на стоящего над ней мужа. Резко встала, захватив зеленый бокал и уже отвернувшись, бросила через плечо:

– Я не полечу. Делай как хочешь.

–Что значит – как хочешь?.. – дыхание перехватило, вопрос вышел свистящим и особенно беспомощным.

– То и значит. Мы не привязаны цепями. Хочешь – лети.

И тихо прикрыла за собой дверь.

Георгий откинулся на спинку изогнутого плетеного кресла. Хотелось не думать, ну могут же йоги не думать. От постоянных размышлений он начал чувствовать себя стариком. Весь последний месяц он просидел у этого бассейна в бесконечных размышлениях, время от времени ведя долгий и бесполезный, зато реальный, в отличие от внутреннего, диалог с Тамерланом. Все становилось только хуже, и даже этот волшебный дом уж не помогал. С шумом выдохнув, Георгий прикрыл глаза и начал тупо бубнить цифры, изгоняя саму возможность размышлять, а вместе с ней главную мысль, самую мучительную и привычную.

2

Вызов прозвучал, когда Орлиевский почти совсем заснул под послеобеденным солнцем. С трудом приоткрыв один глаз, он разглядел силуэт Адэхи Родригеса, сидевшего напротив него с прямой спиной и сложенными на коленях руками.

– Привет. Ты как школьник.

– Все привыкаю к этой штуке, – смущенно пробормотал индеец, пытаясь принять более расслабленную позу.

– Ты можешь выставить позу в настройках, и являйся хоть в образе балерины, даже если ты лежишь в ванне в этот момент.

– Представьте меня голым в ванне, – усмехнулся индеец. – Ладно, поизучаю.

Голограмма пошевелилась, замерцала и явно собралась исчезнуть.

– Эй, давай потом изучай. Чего сказать хотел?

Адэхи снова сидел как гимназист, аккуратно выпрямив спину.

– Я про Илью, капитан.

«Наверное, это самый поганый день с послевоенных времен» – пронеслось в голове у Орлиевского. Судя по тону механика, про Илью он собрался сказать, что нога не приживается.

– Нога не прижилась, капитан. Он снова лежит.

Индеец замолчал, его изображение в меру тоскливо смотрело в капитана сквозь космос.

– Это уже вторая выращенная голень, – заговорил он снова. – Шансов уже почти нет. Ну и денег…

– Где он сейчас?

– Где-то на севере. Не помню точно, Осло, Рейкьявик… Где-то там. Он не выходит на связь.

– Какая-то маниакальная страсть к холоду, – пробормотал Орлиевский. – Как ты узнал?

– Его врач держит меня в курсе. Они предлагают протез, но вы сами понимаете…

– Что я понимаю? – Георгий почти закричал. Он прекрасно все понимал. Никакой протез Илья не примет. Ни один в мире. Сознание собственной неполноценности не даст ему сделать ни одного шага, даже если установить в протез шагающий реактивный двигатель. Он это знал, и Адэхи это знал, и Анна… Капитан заставил себя сделать паузу и заговорил ровно и тускло.

– Сейчас такие протезы, что лучше своих собственных.

– Вы знаете Илью, он не выдержит… То есть, выдержит, но к нам, к полетам не вернется.

Орлиевский вскочил и нервно топтался вокруг голограммы Адэхи.

– Капитан, – жалобно попросил тот, – изображение трясется.

Капитан заставил себя снова сесть, расставил ноги и оперся локтями в колени.

– Это просто голень. Люди нарочно ставят себе металлические части тела. Это же круто… Такие возможности… – бормотал он.

– Он не хочет ни с кем говорить. Рассел, его врач, говорит, что он отказывается ухаживать за собой, не встает. Ни с кем не поддерживает связь. Пока его готовили и после пересадки, еще разговаривал, а с той недели вообще никакой активности. Жора… Я вот думаю…

Индеец очень редко называл Орлиевского Жора. И это прозвучало как-то особенно бессильно.

– Хочешь, чтобы я слетал?

– А это возможно?

– Он отправит меня вон. Точно.

Оба замолчали. Два силуэта, призрачный и настоящий, один огромный, мощный словно далекая гора, с прямой спиной школьника и плотно сдвинутыми мускулистыми коленями, второй со склоненной на кулак головой и опущенными плечами. Солнце садилось, в воздухе особенно остро пахло розами.

– Я полечу. Завтра. Говори куда, – проговорил Георгий не меняя позы, лишь вскинув на Адэхи глаза.

– Я шлю адрес, – голограмма чуть шевельнула кулаком. Орлиевский кивнул, подтверждая получение. – Капитан… Я с вами? – тихо спросил механик.

– Да, – коротко бросил Орлиевский. Так будет легче. Хоть немного легче.

3

Собачий холод. Снег, больно царапающий лицо, ветер. Пальцы ног стынут, как в московском детстве в меховых ботинках. Российская зима прочно засела в его памяти. При слове «снег» он снова чувствовал себя десятилетним пацаном, ждущим автобус в черные восемь утра. На дворе две тысячи второй, холод, ночь, застывшие ступни и цыпки на руках. Уже будучи здоровым, богатым, свободным от всевозможных проблем с перемещением по земному шару сорокалетним мужиком, Орлиевский всегда подсознательно искал теплые и абсолютно бесснежные части планеты. Никакие горнолыжные курорты не могли его соблазнить ни адреналином полета-спуска, ни волшебством пресловутой зимней сказки. Даже к Новому году он относился весьма «прохладно».

Он примерно представлял себе, что за погода его ждет в марте в Хельсинки, но действительность оказалось еще жестче. Он попытался стянуть капюшон шнурком вокруг самого носа, чтоб даже запах холода не проникал в его комбинезон, но так было совсем плохо видно, да и не слышно слов Родригеса. А тот как раз рассказывал ему, как долго еще придется мучиться на морозе.

– Две минуты потерпи, капитан. Сейчас дадут такси.

Они только вышли из общего холла порта Хельсинки и шли в рукав городского транспорта. До беспилотного такси оставалось метров пятьдесят по морозцу. Но и этого Орлиевскому было более чем достаточно. Он поймал себя на том, что уже очень давно не ходил ногами по незнакомым улицам, даже по пассажирской части аэропорта. Вся жизнь проходила на его собственном шаттле, среди знакомых до миллиметра коридоров транспортных ангаров, переходов, роботов-погрузчиков и звуков системы-координатора. Один и тот же пейзаж и перед глазами, и в ушах.

Эта мысль заставила его немножко ослабить шнурок на носу, чтобы рассмотреть хоть что-то на этой новой точке пребывания, но не увидел ничего, кроме стен транспортного ангара и мерцающих огоньков координирующей системы. Уже через секунду перед ними приземлялось такси. Маленький электросамолетик, только без кабины пилота и окошек иллюминаторов. Юркий, гладкий, аккуратный, рассчитанный на четырех пассажиров, он вежливо пробормотал приветствие, предложил располагаться поудобнее, после чего щелкнул клапан безопасности на каждом кресле, и такси поднялось в воздух. Весь полет занял не более 10 минут, под тихую музыку и едва заметную вибрацию полета Георгию очень хотелось вздремнуть, но он держался. Было тревожно и абсолютно не понятно, что их ждет по прибытию в госпиталь.

4

– Меня сейчас беспокоит не столько его нога, сколько его ментальное здоровье.

Доктор Генри Рассел, высокий узкий англичанин, пожевал сухими губами и снова устремил на Георгия свои пронзительные синие глаза. Орлиевскому было невыносимо тошно под этим взглядом. При общении с Расселом ему всегда приходила в голову мысль, что скоро землю заполонят биороботы. Или биолюди, называть можно как удобней. Генри Рассел был живым существом, рожденным женщиной-англичанкой в конце двадцатого века, и не имел никакого отношения к биоорганизмам, не считая того, что писал на эту тему докторскую и был одним из ведущих специалистов по выращиванию органов. И тем не менее, мысль об искусственной жизни неизменно возникала в голове Орлиевского при взгляде в синие глаза врача.

– Именно ментальное, – повторил Рассел. – Неудачи бывают. Отторжение редко, но имеет место. Но такой категорический отказ от всех вариантов протезирования – это показатель психологических проблем, – доктор крякнул и пожевал губами. – В его возрасте выбор остаться лежачим инвалидом невозможен. Противоестественен. И для меня непостижим.

– Вы знаете, какие сейчас протезы? – продолжил он после паузы.

Орлиевский кивнул. Он знал. Непосвященный человек и не понял бы, что перед ним калека без ноги, даже если тому бы вздумалось «пробежаться по траве босиком». В шортах и вьетнамках.

– Никто же в жизни не поймет. Ни одна дама, если его именно это интересует. Ни малейшего дискомфорта. Минимальный уход.

– Я все понимаю, доктор, – прервал его капитан. – Проблема в том, что у Ильи … У него свое отношение к целостности тела.

Перед глазами Григория со свистом пронеслась оторванная рука женщины и ударила в лицо шестнадцатилетнего лежащего на рухнувшем столе Ильи. Кровавые брызги, визг снарядов. И вой подростка, покрытого кусками мяса живой еще мгновение назад соседки по утреннему кофе.

Трижды моргнув, Орлиевский снова увидел перед собой глаза врача.

– Ему как-то пришлось увидеть… то, что не полагается в юном возрасте… Считайте это психологической травмой, но он не согласится никогда на инородный предмет в своем теле.

Наступила тишина. Слышен был только дальний отзвук шагов за дверями кабинета, там шла тихая неторопливая жизнь одного из самых дорогих госпиталей планеты.

– Есть еще один вариант, – сказал Рассел после паузы. – Очень дорогостоящий, но беспроигрышный.

Слышать о «дорогостоящем варианте» в этом заведении было жутковато. Все предыдущие процедуры за этот год назвать малобюджетными не решился бы ни один миллионер. Орлиевский выпрямил спину и откинулся на стуле, сложив руки на груди. Родригес, все время просидевший не шелохнувшись, вздохнул и слегка пошевелился, не меняя позы.

– Какой вариант? – сухо спросил Георгий.

– Обе предыдущие голени были выращены из ДНК пациента в лаборатории, в пробирке. Потом происходил процесс приживления, не увенчавшийся успехом. Это бывает крайне редко, но в нашем случае произошло оба раза, что повлекло за собой удаление воспаленного края культи, и зона ампутации уже практически достигла колена. То есть третья попытка крайне нежелательна и малоперспективна. Но есть другой метод.

Рассел помолчал, словно подбирая слова.

– Есть вариант выращивания плоти непосредственно на пациенте. Нога помещается в мини-инкубатор, вакуумную лабораторию, которая крепится к культе. И под воздействием определенных культур плоть нарастает. То есть, просто говоря, отрастает новая нога, полностью копирующая предыдущую. Своя, живая.

Адэхи шумно втянул носом воздух. Орлиевский глядел на врача с такой подозрительностью, будто тот наперсточник на углу Тверской из конца российских девяностых.

– Я знаю, это не вызывает доверия, но в мире проведено уже около 50-ти таких манипуляций. Информация не выносится на публику в связи с некоторыми юридическими сложностями… Но процедуры идут. Вот, почитайте.

Рассел щелкнул пальцами, и перед глазами астронавтов возникла виртуальная панель с изображениями и текстом. Описание и история новейшего метода, отзывы счастливых обладателей рук и ног, живые фото, радостный смех за кадром. Дав клиентам на изучение несколько минут, доктор снова в прямом смысле слова мановением руки удалил панель.

– У этого метода есть один очень важный плюс, – продолжил он. – Невозможность неудачи. То есть плоть нарастает у всех. У кого-то быстрее, у кого-то медленнее. Но у всех. От пяти до пятнадцати сантиметров за месяц. Но даже если это будет три, то все равно в конце концов нога появится. Но есть и один важный минус.

Рассел махнул рукой начертил в воздухе перед лицами Георгия и Адэхи цифру.

– Это цена манипуляции.

Повисла тишина. Старинное высказывание «стоит, как космический корабль», перестало быть гиперболой и обрело абсолютно реалистичные черты.

Первым, тихонько подвинув застрявшую тишину, заговорил Адэхи:

– Вы же не будете продавать «Венеру», капитан?

– Это было бы уже системой, Адэхи, менять шаттлы на органы, – усмехнулся Орлиевский.

– Я прекрасно вас понимаю, Георгий, – вступил в разговор профессор. – Я помню историю с поджелудочной. Поэтому и возлагал такие надежды на выращенную голень. Но вы тогда попали в самый эпицентр распада системы страхования, была полная неразбериха, отсюда и цена. Надо заметить, это было неизбежно. Мне жаль, что вы вам пришлось так дорого заплатить, дорого во всех смыслах… – Рассел сочувственно помолчал. Точно такое выражение лица у доктора было и тогда, семь лет назад, когда он озвучивал капитану цену жизни Родригеса.

– Конечно, всегда хочется поступить экономически разумно, – продолжал врач, – но в данной ситуации я вынужден поставить вас в известность о такой возможности. Он в очень плохом состоянии, Георгий, – добавил Рассел после паузы. – Ему нужны хорошие новости.

– Я подумаю, Генри, – Орлиевский встал, протянул руку поднявшемуся ему навстречу врачу. Пожав руки Георгия и Адэхи, Генри Рассел еще раз включил панель. Возникло лицо молодого человека, бледное, заросшее щетиной, с синевой вокруг тусклых глаз.

– Вы к нему зайдете?

– За этим летели, – ответил Родригес, закусив губу. Орлиевский только кивнул и направился к выходу.

6

Комната Ильи выглядела абсолютно по-больничному. Никакого намека на уют человеческого жилища. Белые стены, окна с металлическим жалюзи, аскетичная малочисленная мебель. Пусто, чисто, прохладно. Илья лежал на высокой кровати, на первый взгляд ничем не примечательной. Только человек, посвященный в тонкости, понял бы, что она

совмещает в себе все последние технологии. И, следовательно, все возможные удобства для лежачего больного, от столовой до туалета и гигиенической комнаты. Именно этот факт произвел на Орлиевского наихудшее впечатление.

– Он что, вообще не встает? – спросил он Рассела. Они стояли на пороге, глядя на спящего парня. Собственно, возраст лежащего определить было практически невозможно из-за густой свалявшейся бороды и глубокой морщины на лбу.

Рассел покачал головой.

– Не встает. Ни по какому поводу. Почти не ест, только пьет. Даем коктейли, насколько возможно.

Георгий слушал врача, не сводя глаз с лица Ильи. Родригес стоял, прислонившись спиной к дверному косяку. На лице его застыло выражение какого-то виноватого отчаяния, словно его мучает перегруженный накануне желудок.

Наконец капитан подошел к кровати вплотную и тихо выдохнул.

– Илья?

Тот приоткрыл глаза, не понимая спросонья, кто над ним стоит. Потом слегка подтянулся на кровати, опираясь на локоть, и брезгливо спросил:

– Х…(чего)надо?

– Шоколада, – в тон ему ответил Орлиевский, обретая от этого тона почву под ногами. – Гниешь себе?

Илья помолчал, безразлично глядя ему в лицо и откинулся на спину, игнорируя вопрос капитана.

– Ну полежи, полежи, погадь под себя.

– Ты чего приперся-то сюда? На такой мороз, – безразлично спросил второй пилот транспортного шаттла «Венера».

– Гуляю я, это ж ясно.

– И громилу с собой притащил. У него ж последний мозг заледенеет.

– У него большой объем мозга, в середине останется жидкий, – утешил его Орлиевский, незаметно кивнув Расселу, чтобы тот вышел. Когда за врачом закрылась дверь, капитан присел на

пластиковую тумбу рядом с кроватью, а Родригес подошел ближе и замер, нависая над обоими собеседниками.

– Есть новости, Номер 2.

– У кого? – криво усмехнулся по прежнему навзничь лежащий Илья.

– У тебя.

– Я не буду носить протез, Геня, не утруждайся.

Геня… Это был единственный субъект на свете, который мог называть его таким дурацким образом. То есть только так он и называл Орлиевского с того самого момента, как появился на свет. Сначала Илья мычал, агукал и бебекал, потом называл двоюродного брата Яя, а потом уже и Геня, на чем и остановился на всю последующую жизнь. А жизнь их далеко разводить не собиралась, хоть и разница между братьями была пятнадцать лет, то есть считай целое поколение. Их отцы общались очень плотно, дружили, имели общий бизнес, так что встречались Геня и Илюха частенько. Единственное долгое расставание было на период учебы Орлиевского в Калифорнийском технологическом, куда Георгий уехал учиться после третьего курса взятого штурмом Физтеха, в который его отец всевозможными пинками, угрозами, подкупом и шантажом – то есть полным арсеналом родителя и педагога – заставил поступить, напрягая весь его, Георгия, интеллектуальный потенциал. Надо сказать, что поступить в Физтех было весьма непросто, так что напрячься пришлось ощутимо. Но потом, уже во время учебы и после окончания, он ни на секунду не пожалел о тяжелой подготовке. Годы, проведенные в общаге в Долгопрудном, наверное были самыми насыщенными за всю его жизнь. И зачатки понимания того, чем будет наполнено его ближайшее и не ближайшее будущее, сформировались именно там, когда они с Тамерланом Магометовым, насмотревшись сериал «Светлячок», сидели в прокуренном полуподвальном закутке, высчитывая свои первые идеи-зарисовки космического аппарата, способного на сверхдальние полеты, со взлетом и посадкой в любой местности, без огромных космодромов, огненных запусков и отбрасываемых ступеней. Они немало продвинулись, фантазии начали обретать реальные очертания, когда Георгию представилась возможность учебы в Калифорнийском Технологическом. Перспективы открывались сказочные, и в

первую очередь в плане необычайно интересных задач и неожиданного для Георгия количества единомышленников. Через пару лет учебы Орлиевский попал в проект, разрабатывающий новое поколение двигателей. Речь шла о принципиально новом решении в сфере космического транспорта, шаттлах-универсалах, не нуждающихся ни в стартовой, ни посадочной площадке, способных совершать переходы как и на сверхблизких, так и на сверхдальних орбитах. Эта тема оказалась не только единственно интересной для него, но и потрясающе своевременной. Очень скоро их стартапом заинтересовались в военном ведомстве, и уже через полгода они получили финансирование и поддержку, необходимые для продвижения проекта.

Московская семья к тому моменту уже окончательно осознала, что вести бизнес в России небезопасно и бессмысленно, и в полном составе перебралась на побережье Тихого океана, так что видеться Геня и Илюха продолжали по-прежнему регулярно.

Заваруха двадцать восьмого года застала Георгия на пороге нового этапа жизни. Он словно занес ногу над пропастью, собираясь перешагнуть через все доселе незыблемые законы гравитации. Первый проект был успешно завершен, и теперь Орлиевский готовил к испытаниям новый модуль. Этот шаттл открывал возможность взлета с любого ландшафта, обладая беспрецедентной маневренностью. Абсолютный прорыв, как твердил себе Орлиевский. Он не способен был думать ни о чем больше, никакие террористы, угрозы ядерной войны, бомбежки и прочая суета не могла его отвлечь от конструкции.

Внезапная одновременная ночная бомбежка Тель-Авива, Иерусалима и Хайфы превратила привычный арабо-израильский конфликт в преддверие Третьей мировой. В течение буквально одной недели более десятка ведущих стран объявили всеобщую мобилизацию, наконец четко обозначив свои политические симпатии. Казалось, катастрофа неизбежна, пальцы президентов ядерных держав застыли на красных кнопках. Но после объединенной военной операции в ряде тяжелых сражений удалось оттеснить боевиков вглубь полуострова, разбив их на мелкие группы. Группы эти расползлись, казалось, по всему земному шару. Военные действия разворачивались снова то тут, то там, в новостях звучали сводки об убитых и раненых. Первое время все

затаились и сидели на своих местах, потом люди, словно привыкнув к новой реальности, стали выползать из своих нор, высовывать нос наружу и возобновлять путешествия по миру, стараясь избегать особо горячих мест. Потом снова проносилась волна военных действий. Война так или иначе вдруг взрывалась в самых неожиданных точках планеты, от Казахстана до Осло.

Отвлечься от проекта Орлиевскому все-таки пришлось. Звонок из ведомства выдернул его из мира расчетов и заставил пойти прогуляться по берегу океана в Ла Хойе с подтянутым лысоватым человеком средних лет. Видимо, человек был очень убедителен, и через четыре часа после беседы Орлиевский уже улетал в Египет.

Там, среди войны, песка и жары его ждала кульминация собственного творчества. То есть реальный Шаттл ВТ-1, ожидающий доработок и своего первого взлета. Первого взлета с ним, Орлиевским, на борту. А так же Тамерлан Магометов собственной персоной.

База находилась в нескольких километрах от Хургады, в которой, вопреки всякому здравому смыслу, все-таки происходила курортно-туристическая жизнь. Видимо, те цены, который мог предложить туристам в меру опасный на тот момент Египет, были в состоянии примирить желающих отдохнуть горожан с риском быть взорванными на пляже. И, руководствуясь соображением, что снаряд не падает дважды в одну воронку, буржуа и зажиточный пролетариат из всех стран Европы с удовольствием грели кости под апрельским солнцем гостеприимного Египта.

Орлиевский и сам порой ездил к морю, стараясь делать это пораньше утром, пока на пляже было относительно спокойно. И одним таким тихим утром он и повстречал на пляже в компании таких же пацанов Илью. Орлиевский похолодел. Он прекрасно себе представлял, какой сладкой целью была летная база. Если б Илья задал ему вопрос, куда б ему поехать с друзьями отдохнуть, то слова «Египет» Геня бы не произнес, даже будучи совершенно равнодушным к военным вопросам. В силу своей деятельности, он был вполне в состоянии трезво оценивать степень опасности. Поэтому первыми его словами было не «Привет, братан», а «Какого черта ты тут делаешь». Но испортить настроение Илье было не так просто, немедленно улетать он отказался, а вот выпросить пропуск на базу

попробовал. Георгий, подобревший от его шуточек и смеха, пообещал узнать, и они договорились встретиться на следующий день недалеко от его апартаментов в десяти минутах езды до базы.

Вот тогда и произошел этот налет. Они только уселись в кафе за чашкой какао, как в ушах зазвенело. Из всего, что произошло дальше, в памяти Орлиевского осталась именно эта картина – летящая в Илью оторванная рука девушки, которая сидела только что рядом с ними. Ошметки плоти, покрывшие его лицо. Дикий животный вой людей и истребителей, звон стекла и грохот обрушившихся перекрытий. Потом тишина. Везде раскуроченные остатки тел. Их много, они повсюду. А они с Ильей, абсолютно целые, одни посреди этого мертвого пространства, покрытые кровью и тишиной. Тишиной, разрывающей душу и мозг.

Илья заговорил только на следующий день. Уже в самолете, летящим в Сан-Франциско, он вдруг спросил, впервые за сутки подав голос:

– Она теперь калека?

– Та девушка? – переспросил Орлиевский, впрочем сразу поняв, о ком речь. – Думаю, она умерла.

Илья вздрогнул, помолчал, и быстро выдохнул:

– Так лучше.

– Не думаю, – покачал головой Георгий. – Жить всегда лучше.

Илья не ответил. Они больше никогда не говорили об этом. Ни о девушке, ни о налете.

А вот о независящем от любых условий взлете говорили часто. Через пару лет, когда уже пришла очередь Ильи брать приступом колледж, он пошел на смежную специализацию, хоть и в другой университет, в Бостон. И уже там, прекрасно совмещая это с учебой, занимался всеми видами полетов, от катаний на кайте до дельтаплана, испытав на себе все, вплоть до свободного падения с горы. Георгию иногда хотелось прикончить его самому, быстро и надежно отвернуть голову, только чтоб не видеть записей с налобной камеры брата, как тот спускается с горы без лыжни, среди валунов, под диким уклоном. Сам он всегда был далек от такого экстрима, хоть сам процесс его завораживал.

Собственно, приобрести шаттл тоже была идея его маленького братишки. Как и пройти школу астронавтов. Денег последний проект, взращенный во время войны и даже в чем-то благодаря ей, принес такое количество, что можно было позволить себе больше, чем рисовали самые смелые мечты Орлиевского. И вложение средств в новый тип кораблей было очень верным с точки зрения тенденций космоса. К тридцатому году Орлиевский стал обладателем двух шаттлов нового типа, членом Трансатлантического Космического Альянса, имел сенсор-допуск пилота высшей категории. И команду из четырех человек, ближе которых у него не было никого. Второй пилот Илья Орлиевский, механик Адэхи Родригес и астромедик Анна Валенсия. На каждого из них он мог бы рассчитывать как на самого себя вплоть до последнего времени.

Вплоть до последнего времени. Георгий поморщился. Последнее время все начало разваливаться на куски, со всех сторон вроде бы четко выстроенной схемы его, Орлиевского, существования наметились надломы и трещины. Рушилось, разваливалось на куски то, что казалось железобетонным.

Илья. Георгий посмотрел на постаревшее, скомканное лицо брата. Ему всего двадцать семь лет, а глаза старика. Во время одного из экстремальных спусков лыжа наехала на валун. Ногу вывернуло, затащило под камень и раздробило настолько, что собрать месиво потрескавшихся костей и хрящей не взялся ни один технолог-ортопед. Это было за пределами возможностей даже этой новой, всемогущей медицины. Но и это не было приговором. Генри Рассел, к которому Георгий немедленно обратился по рекомендации, был настроен оптимистично и утверждал, что процент приживления очень высок, и что уже скоро Илья будет с новой ногой. В это поверили все, кроме Ильи. Он стеклянными глазами смотрел на обрубленное колено и не вступал ни в какие обсуждения. Но и не сопротивлялся чужим решениям, покорно следовал всем рекомендациям, дважды прошел через приживление и все сопутствующие манипуляции и даже ни разу не изрек ничего напоминающего «ну я так и знал». Он просто молчал. Знал, что остался без ноги, и молчал. И Григорий подозревал, что за картина стоит перед внутренним взором брата, хоть они ни разу не заговорили об этом. Илья подал голос только тогда, когда речь зашла о протезе, выдал четкое решительное «нет» и окончательно закрылся. И это был самый крупный отколотый

кусок от мира Георгия Орлиевского. Было и другое, но это пожалуй доставляло больше всего боли.

– Я не буду носить протез, – повторил он, вскинув на брата безразличный взгляд.

– Речь идет не о протезе.

– А о чем? Хочешь попробовать еще разок? Уже не к чему приделывать. – Нечто напоминающее улыбку скользнуло по лицу, покрытому лохматой рыжей бородой.

– Нет. Это другая технология. – начал было капитан, но Илья перебил его:

– С кем ты сейчас летаешь, Геня? – вопрос был задан с интересом, что удивило и Адэхи, и Георгия. Тот помолчал, подыскивая ответ.

– Мы не летаем, – проговорил наконец он. – Вернее, почти не летаем. Были попытки… Пробовали парочку гастролеров, но кончилось так себе…

– Почему? – жестко спросил Илья.

– Разное отношение к процессу, – попробовал сострить капитан. – Чужое все. Все не то.

–Но вы теряете заказы… Сколько уже простоя?

– Это не простой, просто редко выходим…

- Около полугода, – мрачно проговорил Родригес. Илья резко повернулся к нему и замер. Родригес молчал.

– На что живете? – выдохнул Илья после долгой паузы.

–Ты не беспокойся, мне есть на что жить. – косясь на Адэхи, протянул Орлиевский.

– Не на что тебе уже давно. С продажи «Анны» не на что. – Илья посмотрел на Родригеса. Тот прикрыл глаза, словно был не в силах это слышать.

– Я не попрекаю, Адэхи, ты прекрасно все понимаешь, – быстро проговорил бывший второй пилот, – просто ясно, что заказы нужны.

– Не настолько, как тебе кажется, – попытался остановить его Орлиевский. – А если так, то вставай и лети!

– Настолько, Геня, настолько… И что еще вы собираетесь мне предложить?

Орлиевский уже не знал, как говорить о том, о чем собирался. Первый же вопрос про деньги выбьет почву из-под всех его увещеваний. И тут мелькнула мысль.

– Есть одно предложение. Интересное. И дорогое. Хочу совет.

Родригес за его спиной вздрогнул, выпрямился и задышал настолько громко, что оба Орлиевских обернулись на него.

– Так вот, – продолжил капитан. – Тамерлан готов к прыжку.

– Тамик? Что вдруг он вспомнил нас?

– ТАКА его разочаровала. Вернее, в корпорации его развернули. Ему теперь нужны частные предприниматели, – ухмыльнулся Георгий. – Так вот. За попытку выполнения его плана дают столько денег, что ты сможешь сломать вторую ногу тоже. Ну и отрастить эту.

– Отрастить? – выпучил глаза Илья.

– Да. Но эти подробности тебе расскажет Рассел. Суть в другом. Ты же мечтал о кротовой норе?

Илья рывком сел на кровати, впившись глазами в лицо брата.

– Ага, мечтал… – Георгий усмехнулся. – Так вот. Мы проведем одно испытание, и если все пойдет как надо, это будет новый виток твоей карьеры, я тебя уверяю. Полетим в дальние галактики. Ну, или сначала в ближние, а потом уже подальше.

– Что вы там задумали, – почти шепотом проговорил Илья.

– Мы проведем эксперимент и получим за него твою новую ногу. А пока она растет, все будет решено-оформлено, и ты вольешься в совершенно новую реальность.

Орлиевский говорил совершенно идиотским тоном партработника-энтузиаста. Родригес смотрел на него как на умалишенного, а Илья пытался понять, издевается брат, или же действительно намечается что-то особенное.

– Ты можешь рассказать в чем дело? – выкрикнул он, яростно глядя снизу вверх на обоих по очереди.

– Могу, – неожиданно мягко и миролюбиво ответил Георгий. – Садись, Адэхи. Наконец обсудим проект.

Индеец обреченно сел на стоящий поодаль трехногий табурет. Сбывались его самые худшие опасения.

2055

Утро для Лиз началось необычайно рано. Из-за смены часовых поясов, кутаясь в пушистый плед, взлохмаченная и сонная, она уже в шесть утра выползла на веранду. Картина изменилась. После вчерашнего поэтически багряного заката и мерцания тысячи огней в ночи, прозрачность утреннего синеватого воздуха заставляла замереть и дышать медленнее. Отражение первых лучей выдавало далекие небоскребы, вспыхивая огоньками, словно снежинки на окне ранним морозным утром. Лизе казалось, что она видит отдельные молекулы воздуха, и каждая из них в свою очередь играет искоркой в лучах просыпающегося солнца.

«Космическая красота», – подумала она, облокотилась на стену и еще долго стояла, впуская в себя это чудесное утро. Все еще пошатываясь спросонья, Лиз побрела к допотопной кофе-машине. С агрегатом этим она была знакома давно, но тем не менее в первые секунды пришлось напрячься, чтобы вспомнить, как этот монстр работает. Наконец густой натуральный – в самом буквальном смысле слова «натуральный» – кофе закапал в чашку. Малкин поднесла его к лицу, практически засунув внутрь нос. Носу стало тепло и влажно, а душа захмелела от восторга. Как давно ей не доставалось такого аромата! Настроение сразу поднялось на несколько градусов. Не хватало только привычного утреннего трепа новостей в голове. Эту дурацкую привычку – «слушать голоса», как она сама это называла, – Лиз Малкин приобрела задолго до вживления в голову чипа. Едва сварив кофе, ее рука тянулась к пульту, и поток новостей, будь то радио, телевизор, головизор или чип, заполонял ее сознание.

На кухне Билла царила полная тишина. Старинный телевизор, висевший высоко на стене между самыми верхними кухонными шкафчиками, чернел, символизируя полную безнадёжность. «Пульт утерян», – тоскливо подумала Лиза и направилась было обратно на веранду, но на самом пороге остановилась. Не в ее правилах было сдаваться немедленно в поисках комфорта. Она внимательно прищурилась, рассматривая нижнюю панель, и таки разглядела там пару кнопочек. В следующую секунду она уже тащила огромный

тяжеленный стул, намереваясь залезть на него и попробовать включить прибор вручную. Ей пришлось залезть не только на стул, но и на столешницу, чтобы дотянуться до кнопки. Вытянувшись в струнку всем худым телом, Малкин пыталась хоть ногтем царапнуть по включателю. В конце концов, чуть не растянув спину, она провела пальцем по заветной кнопке, и чуть не свалилась на пол от неожиданности. Телевизор немедленно заговорил на предельных децибелах хриплым мужским голосом. Голос выплюнул слово «Мечта» и самодовольно захохотал. Лиза в это время стояла на четвереньках на разделочном столе, пытаясь нащупать ногой стул. Голос уже сменился на женский. Этот новый с томным восторгом вещал о небывалых возможностях корабля «Мечта», и приглашал совершить виртуальную экскурсию, соблазняя не упустить шанс присоединиться к первой группе туристов. Лиза наконец обрела пол под ногами и смогла задрать голову. И окаменела. С экрана на нее смотрел Билл Смит. То есть не совсем этот Билл, сегодняшний, а тот, которого она впервые увидела больше двадцати пяти лет назад в Нетанье, выходя со школьного двора. Сходство было таким поразительным, что Малкин на секунду усомнилась в собственном здоровье. Билл же в телевизоре представился пилотом корабля «Мечты» и искушал граждан испробовать первоклассный комфорт и всяческие космические чудеса, одним из которых была стеклянная сфера, в которой самые смелые туристы должны были выйти в открытый космос. Новый Смит при этом выразительно размахивал двумя сильными здоровыми руками, задорно блестел зубами и глазами.

Лиза продолжала стоять перед экраном, сильно задрав голову назад и опустив руки по швам. Репортаж продолжался, появлялись все новые лица, звучали заманчивые предложения. Лиза же пыталась осознать увиденное, найдя этому правдоподобное пояснение. У Билла мог быть сын. Или племянник. Гены иногда передаются самым причудливым образом. Сам Смит об этом никогда не упоминал, но она и не спрашивала. А ведь могла спросить. Хоть что-нибудь спросить, хоть раз, про него лично, но, к ее собственному сожалению, помимо собственных страхов и подозрений ее ничего не интересовало. Вопрос у Лизы к Биллу все эти годы был только один. Она уже собралась тяжело вздохнуть, раскаиваясь в собственной черствости, как вдруг на экране возникло другое

лицо. Крупным планом, во всех деталях и подробностях прямо Лизе в глаза смотрел ее ныне покойный бывший муж. И тоже, как и пилот-двойник старого Билла, точно в том же ореоле молодости, как и на момент их первой с Лиз Малкин встречи. Внимательно посмотрев мужу в глаза, Лиза тихо вздохнула и сползла на пол, по дороге теряя сознание. Мир раскололся.

2034

Тамерлан Магометов закончил рассказ и теперь напряженно вглядывался в лица Родригеса и Орлиевского, пытаясь по их выражению понять, удалось ли их убедить. Они снова сидели у бассейна во французском доме капитана. Все попытки обсудить детали испытаний онлайн Магометов пресек на корню, требуя полной конфиденциальности проекта и переговоров. Уж он-то более чем кто бы то ни было знал цену секретности переговоров в сети. С точки зрения Тамика, южная дача Орлиевского во всех отношениях подходила для подобной встречи. После недавнего предложения капитана еще раз обсудить возможность испытаний, Тамик чрезвычайно приободрился. Уже похороненная надежда довести свою работу до конца снова ожила. В глазах Тамерлана заплясал фанатичный шаманский огонек. Он слегка покусывал губы и шевелил большими пальцами рук, стараясь перетерпеть повисшую в гостиной тишину. Еле слышно шелестел бассейн, гудела муха у барной стойки в глубине, громко дышал Родригес.

– Вы понимаете, капитан, что «Венера» не приспособлена к такому полету? – наконец медленно и тихо проговорил индеец. – Мы никогда не бывали на настолько дальней орбите.

– А на какой бывали? – живо спросил Тамерлан, метнув взгляд на Орлиевского.

– На три тысячи ходили. Пару раз заходили на четыре, – ответил Орлиевский. – Так, как ты говоришь, конечно не поднимались… Это совсем другое снаряжение у шаттла…

– Не только снаряжение, капитан, – продолжил Родригес. – Шаттл ТАКА велся с земли. Полностью. В нашем случае подобное управление невозможно. Вероятно, частично дублировать контроль получится, но полностью перенести – нет. А это значит…

– А это значит, – перебил его высокий светловолосый мужчина, сидевший в том самом кресле, которое так любила Анна, – что гарантий возвращения не будет.

– Ну почему! – Тамерлан крякнул, пытаясь выстроить в ряд толпу бившихся в горле возражений, – Джерри! Вы путаете мух с котлетами! Программа полета не замкнута на систему

управления. Это просто контроль за последовательностью событий, если можно так выразиться…

– Вот про последовательность событий он и говорит, Тамик, – устало проговорил Орлиевский. Он чувствовал, что позволил себя втянуть в это безумие, и не находил в себе сил на решительный разворот прочь от этого проекта. – Хорошо. Скажи мне, у тебя есть план всех переделок, которые нам нужны для этого полета?

– Гоша… – протянул Родригес. В глазах его стояла вековая печаль и инков, и майя, и ацтеков, и всех прочих угнетенных народов Южной Америки.

– Подожди, Адэхи. Пусть ответит, – прервал его капитан.

– По сути, Тамерлан уже на все ответил, – высокий встал с кресла, подошел к бассейну и заглянул вглубь. Голубой отсвет отразился на его худощавом лице, немного смягчая резкие и яркие черты. – Потрясная вещь эта искусственная вода, Джордж. Надо установить себе такой. Так вот…Ясно то, что если мы решаемся на этот эксперимент, то необходимо будет очень серьезное переоборудование, ряд испытаний без использования биопреобразователя. То есть минимум два полета по высоким орбитам. Во-вторых, место, где будут проходить эти работы. Не в ваших же доках, капитан?

Орлиевский покачал головой. Было очевидно, что подобная суета привлечет к себе интерес ТАКА, а этого Тамерлан хотел бы в последнюю очередь.

– Место есть, – ответил Магометов. – Как и план оборудования, и средства. Что еще вас смущает, Джерри?

– Меня? Меня как раз ничего не смущает. Вы сделали мне предложение – я его принял.

Джерри Картер оглядел остальных собравшихся. Его пронзительный синий взгляд задержался на скорбном лице огромного, стоящего словно памятник Родригеса. Индейцу настолько явно было не по душе происходящее, что Джерри захотелось его утешить. Орлиевский тоже не был особо радостен, но и не настолько угнетен. Он размышлял, прикидывая все варианты развития событий и пытаясь угадать верный. Тамерлан же с нетерпением ждал вердикта Орлиевского, нервно шныряя взглядом с лица на лицо.

– Я согласился, – продолжил Джерри, – но хочу максимально ясно представлять план и задачи. Все взаимоотношения должны быть выстроены сейчас. Когда два пилота в тысячах километров от Земли решают, как взаимодействовать, хорошо не бывает никому. Так что все зоны ответственности, все детали внутренних и внешних конструкций, все задачи надо обсудить, не откладывая на минуту перед стартом, – усмехнулся он.

– У нас так не бывает, но вы правы, – проговорил Орлиевский.

– Слушайте! – Тамерлан вдруг вскочил, не в силах больше терпеть это напряжение. – Я все рассказал сотню раз. Мы устанавливаем все необходимое в доках моего … доверенного лица. Он же обеспечивает всю технику и рабочую силу. Далее. Картер прав. Будет необходим пробный полет. Но не два, а один. Само биотопливо проверки не требует. Это я гарантирую. Нет, Жора, – прервал он начавшего возражать капитана, – не требует. Это точно. Теперь место испытаний. Запуск будет произведен из точки, указанной этим самым доверенным лицом, и технически обеспечен тем же самым лицом.

– Что за лицо за такое? – усмехнулся Джерри.

– Лицо, – развел руками Тамерлан. – В меру симпатичное. Японское. Очень богатое и влиятельное лицо, которое поддерживает этот проект, обеспечивает условия и оснащение. Имя назвать я не могу.

Он замер, собираясь с мыслями, глотнул из оставленного на стойке чужого стакана, поморщился и продолжал.

– Теперь еще раз про сам эксперимент. – Тамерлан заговорил на коротком дыхании рубленными фразами, глядел из-под бровей, словно готовый в любой момент дать отпор. – Надо добраться до экзосферы, пройдя заданные координаты. На максимуме скорости выйти на точку и идти вверх к короне. Закрепить на себе датчики. И все.

– А как же Большой Пес? – протянул Родригес.

Три пары глаз впились в Магометова.

– Если дойдет до Пса… – Тамерлан застыл, а потом усиленно затряс головой. – Только не заставляйте меня рассказывать все тонкости! На карте все отмечу, корректировку просчитаю. Все. При возвращении – два оборота на четвертой. И домой.

– Ого, – протянул Джерри. – Пара оборотов на четвертой… Во-первых, это красиво…

– Технически будет подготовлено, – огрызнулся Тамерлан.

–И тем не менее. Все это все работает в том случае, если мы еще в этом мире, – голос Родригеса прозвучал как-то особенно мрачно.

– Козы остались в этом мире, – усмехнулся Джерри.

– Какой вы позитивный, – вдруг желчно проговорил Георгий. Неожиданно для самого себя он почувствовал прилив отвращения к новому второму пилоту, за что ему немедленно стало стыдно до струйки пота по спине.

– Да, стараюсь быть позитивным, – усмехнулся тот. – Меня кстати за это особенно ценят. Открытый, дружелюбный, позитивный и оптимистичный. Как вам такое сочетание?

– Отвратительно, – хмыкнул капитан, пытаясь за иронией скрыть подлинный накал чувств.

– И отличный профессионал, – Тамерлан положил Джерри руку на плечо. – Герой войны. Около тысячи вылетов. Я нашел для вас жемчужину! – подкрепляя свои слова характерным жестом, излагал Магометов. – Еле уговорил! Такого пилота больше нет! – «Вах!» так и слышалось в этой фразе.

–Боюсь, ты не убедишь своих друзей, Тамерлан. Придется быть не только оптимистичным, но и очень работящим. – Хоть губами Картер и улыбался, но в глазах его появились льдинки, достойные айсбергов в глазах Родригеса и Орлиевского.

– Я не понимаю только одного, – по-прежнему мрачно проговорил тот. – Чем мы лучше коз?

Магометов театрально взялся за сердце, демонстрируя, как именно ему надоел этот вопрос, и поплелся у стулу шагом обессиленного марафонца.

– Тысяча первый раз. Коза не может говорить. Но у нее – у козы – было падение давления. Были резкие изменения в энцефалограмме. Были изменения в составе крови. И все это в один момент. Она столько пережила, а рассказать не в силах. А вдруг – вот вы только представьте, она все-таки попала в Созвездие Пса? На одну из планет, покрытую пушистым салатом, попаслась там лет сто, и потом перенеслась обратно, а в нашем измерении прошла одна секунда, и никакие наши

приборы в том пространстве не действуют?! И коза носит в себе этот груз, мекает, а понимания нет?

– Тамик, ты все это серьезно? – недоверчиво проговорил капитан.

– Да!! – заорал Тамерлан ему в лицо. – Да! Я уверен, что-то происходит! Топлива нет, на приборах всплеск различных изменений, и никаких записей! А возможностей, приходящих в голову –миллион! Нужен человек. Только человек способен совместить в себе несовместимые состояния и факты.

– И вернуться через сто лет сытым с инопланетного пастбища? – проговорил Картер.

– Да, – устало взглянув на него, ответил Магометов.

Все замолчали. Каждый пытался услышать ответ на мучивший его вопрос. Только второй пилот Джерри Картер выглядел вполне спокойно. Он свое решение уже принял.

2055

Что у тебя за грохот там? – Билл недовольно пыхтел, разбуженный непривычным шумом из кухни в очень ранний для него час. Заглянув в кухню, он застал финальные кадры репортажа с корабля, лица улыбающихся пилотов, широкую улыбку капитана. А также маленькое тело Лизы, валяющееся у разделочного стола. Первым порывом Билла было поднять Лиз, но, оборвав собственное движение, он распахнул дальний угловой ящик, покопался в нем и извлек на свет пульт. Быстро выключив телевизор, он запихнул пульт как можно глубже в шкаф, набрал воды в стакан и только потом склонился над женщиной. Тихонько потрепав ее по щеке, он поставил стакан на пол рядом и смочил водой губы и лоб Лизы. Та открыла глаза и уставилась на Билла. Несколько бесконечных секунд эти двое смотрели друг на друга. Потом Малкин резко поднялась с пола, прошла в свою комнату, через мгновенье выскочила из нее с рюкзаком, набитым скомканными вещами, и покинула дом Билла Смита, не сказав ему ни слова. Билл же молча сидел на полу, сжимая в единственной руке стакан с водой. Когда дверь за Лиз захлопнулась, он медленно поднялся на ноги, вылил воду из стакана и налил туда все оставшееся в бутылке бренди, но пить не стал, так и стоял со стаканом в руке, глядя в одну точку. Вдалеке переливалась тяжелая серая вода залива, светило солнце, летали орлы.

«Красиво, – подумал он. – Все очень красиво. Фатумная красота…Фатумная». Последнее слово он проговорил вслух и залпом опустошил стакан.

2034

1

Анна уже довольно долго стояла у двери, ведущей из гостиной вглубь дома, не приближаясь к мужчинам. Абсолютно незаметная в сумерках, она слилась со стеной, впитывая каждое слово находящихся в гостиной. Из-за огромного размера помещения ей приходилось изо всех сил прислушиваться к беседе вплоть до того момента, пока Тамерлан не вышел из себя, поясняя, зачем нужны в полете живые пилоты. Это выглядело довольно забавным, но все же не заставило Анну улыбнуться. Все происходящее казалось немного сюрреалистичным, нереальным. Отчасти из-за сумеречного поблескивания искусственного бассейна, отчасти из-за самого повода этой встречи. Она не могла и предположить, что все это зайдет так далеко. Не было идеи более смехотворной и нелепой в ее понимании, нежели это предложение Магометова.

Тамерлана Анна знала не очень близко, но давно, еще со времен войны. Он ей казался человеком умным, чрезвычайно одаренным, но отнюдь не оторванным от реальности, поэтому этот проект ей показался насмешкой с его стороны. И вот тем не менее эти практичные и опытные мужчины сидят в ее гостиной и на полном серьезе обсуждают план действий.

Ее взгляд уперся в Джерри. Эта была еще одна, и, вероятно, основная из причин, почему она до сих пор стояла в тени холла. Анна не могла заставить себя войти в гостиную и поздороваться. Она стеснялась. Да, именно стеснялась, и никакое другое слово не приходило ей на ум. Она, взрослая замужняя женщина, проведшая треть жизни среди абсолютного мужского большинства, имеющая за своими плечами тысячи тысяч километров преодоленного пространства, стояла прячась у стены из-за незнакомого мужчины в собственной гостиной. Наваждение.

Откровенно говоря, последнее время у нее часто возникало ощущение нереальности происходящего, словно мироздание насмехалось над ней. Господь с усмешкой по кусочкам отнимал у нее именно то, чего в глазах окружающих у нее должно было быть с избытком. То есть счастья и любви. Красоты она была вопиющей. Именно этим словом описал ее шест лет назад

Георгий Орлиевский, остановившись как вкопанный перед ней на городском пляже Барселоны. Он бежал вслед за улетевшем от порыва ветра мячом и врос в землю, увидев сидящую на песке Анну. Застыл, окаменел, сказал ей про вопиющую красоту и больше никуда не делся. То есть буквально больше не отошел от нее ни на шаг.

Шел двадцать шестой год. Жизнь стремительно менялась изо дня в день, заставляя гнаться за собой привычных к прежнему, докризисному, ритму существования обывателей. Приходя в себя после тяжелого начала двадцатых, планета забурлила с неимоверной силой. Всплеск покорения космоса, медицины; появление на дорогах беспилотных автомобилей, сверхскоростных поездов. Новые технологии завоевывали пространство абсолютно во всех направлениях науки и техники и, прежде всего, в космической программе. Орлиевский был на полдороги к лицензии пилота. Эту короткую неделю ему еле удалось украсть у учебы, и он вдыхал всем телом море и солнце после долгих месяцев тренажеров и модулей. Он не поверил своим глазам, увидев ее лицо. Каждая черта была выписана каллиграфически идеально. Огромные черные глаза, кожа с дынной подсветкой, нос и рот египетской принцессы. Роста она была выше среднего и очертания ее тела ничем не уступали чертам лица. Все это венчала копна иссиня-черных волос, спускавшихся ниже талии. Орлиевский понял, что он не уйдет с этого пляжа без нее. Закончилось это тем, что уже через несколько месяцев Анна, спрятав все свое роскошество под комбинезон, практически поселилась в доках, не видя ничего кроме шаттлов и обслуживающих их мужчин в такой же одежде как и она сама.

В город на какие-либо развлечения они выбирались крайне редко, даже на летние месяцы все чаще оставались на шаттле, в котором фактически жили. Круг ее общения, помимо часто отсутствующего Георгия, являли собой Родригес и Илья. Младший Орлиевский, или Номер 2, присоединился к их команде четыре года назад. Впрочем, Илья был достаточно редким гостем в нерабочее время. Он проводил каждую свободную минуту на кайте или дельтаплане или летал на лыжах по скалам. До последнего спуска он был искрометно веселым жизнелюбивым адреналинщиком, способным развеселить ее и заставить смеяться в голос, что было большой редкостью для Анны. Собственно, на этом ее круг общения

заканчивался. Были, конечно, какие-то случайные лица и голоса, но для Анны они словно оделись в один огромный летный комбинезон, и она их не различала.

Любовь к Георгию сначала казалась ей безусловной, так он был хорош в своей улыбке и размахе, а потом стала как-то мельчать, словно изживая себя в скудном пространстве ремонтных доков. Он стал плоско шутить. У него потели подмышки. Он часто упрямо молчал именно тогда, когда необходимо было сказать что-то важное и остроумное. Он принимал непонятные решение, не считая нужным что-то пояснять, и стал как-то особенно неправильно прикасаться к ее телу, так что у нее мурашки шли от отвращения. Чем нежнее он старался провести губами по шее жены, тем более ощутимый спазм подкатывал к горлу, и хотелось заорать и ударить его. И в конце концов Анна поняла, что больше не может оставаться с Орлиевским. Ни дня, ни минуты не в состоянии быть рядом с этим сильным, красивым, умным и успешным мужчиной, с которым счастливо жила больше шести лет.

Осознание пришло так остро и больно, что она с трудом могла дышать. Просто перехватывало где-то в бронхах, и каждый вздох приходилось добывать как шахтеру. Анна знала, что это паническая атака, но легче от этого не становилось. Общение с мужем превратилось в экзотическую пытку. Он не мог понять, что происходит. Ощущение бесконечной песчаной бури, когда песок, разъедая и царапая все внутренности, забивает тебя изнутри. Жалкий песчаный остаток разваленной любви. Георгий умирал, чувствуя ее нелюбовь и не в состоянии понять происходящего. У Анны же не было для него пояснений. У нее больше ничего для него не было.

Стоя здесь в темноте и наблюдая за мужчинами, она поняла, что очень давно не разговаривала ни о чем, кроме планов и целей полетов. Что она вообще ужасно давно не разговаривала с незнакомыми людьми. Она казалась себе дикой и отчаянно нелепой девочкой-переростком. Усилием воли Анна вытолкнула себя на свет гостиной. Мужчины замолчали.

2

Орлиевский не знал, застанет ли он Анну в этот приезд. Они не виделись и не общались после последнего разговора. Наутро он улетел в Хельсинки, отсутствовал около недели и сейчас даже

не успел пройти к своей спальне, так и остался в гостиной, продолжая начатый в порту Барселоны разговор со всеми предполагаемыми участниками эксперимента.

Увидев ее высокую фигуру, он ощутил удар крови в левый висок, но остался спокойно сидеть на высоком барном стуле с бокалом в руке. Родригес широко улыбнулся ей, приподнявшись ей навстречу, а Тамерлан подбежал, распахнув объятия. Он был значительно ниже ее, поэтому ей пришлось слегка наклониться, подставляя ему щеку для поцелуя. На лице Анны наметилась легкая улыбка, но глаз она не коснулась, взгляд оставался сонным и тусклым, что странно контрастировало со всем ее ярким обликом. Обменявшись приветствиями с Магометовым и Родригесом, Анна вопросительно взглянула на Джерри Картера, удобно расположившемся в ее любимом кресле.

– А это наш второй пилот, дорогая донна, – заметив ее взгляд, поспешил пояснить Тамерлан.

Анна окинула Картера все тем же тусклым взглядом и села на низкий мягкий мешок-тюфяк, немедленно принявший форму ее тела.

– Что, Илью уже вычеркнули? Быстро, – безразлично произнесла она.

Орлиевский сжал зубы и вцепился руками в бокал. Если б бокал был стеклянный – разлетелся бы на миллион острых осколков. Еще совсем недавно он бы немедленно начал орать в ответ на подобную провокацию, доказывать свою поставленную Анной под сомнение добропорядочность и преданность брату, возмущаться самой возможностью подобного предположения. Он бы бил ногами по стульям, пробивал бы дыры в стенах кулаком, брызгал слюной и выпучивал глаза. Сегодня же он просто застыл, скрючившись внутренне и оставаясь неподвижно-спокойным внешне.

Родригес приоткрыл было рот для ответа, но, покосившись на капитана, закрыл его обратно, не издав ни звука.

Молчание, длившееся всего пару мгновений, оказалось очень ощутимым.

– Ну что ты, дорогая, – лучезарно заговорил Тамерлан, по-отечески, даже скорее по-дедовски снисходительно улыбаясь. –

Ты даже не представляешь, как мы все любим и заботимся об Илюше.

Имя «Илюша» заставило поморщиться даже Анну, такое могло сойти с рук только Тамику.

– Ну-ну, вам видней, – протянула она, высвободилась из своего вязкого сиденья и подошла к бару. Наливая в бокал что-то зеленовато-мутное из огромной темной бутыли, Анна в упор смотрела на Картера. Тот терпеливо ждал окончания этого своеобразного рентгена и не отводил взгляда.

– Надеюсь, он вас благословил, господин Картер? Илюша-то, – вопрос прозвучал как-то нарочито фамильярно и презрительно.

– Непременно, – холодно проговорил тот, по-прежнему не отводя глаз.

– Остроумный, – протянула Анна, осматривая Картера. – Смелый, наверное. Какой улов, капитан, – это был уже откровенный вызов. Она сама не могла понять, что за черт в нее вселился, но ничего не могла поделать с желчью, изливающейся наружу. Все мужчины замерли, не узнавая в этой мегере привычную Анну. Тамерлан отчаянно пытался поймать взгляд Георгия, но тот сидел прикрыв глаза и словно ничего не слышал. Родригес смотрел в пол, Магометов мог видеть только его огромное красное ухо. Он уже собрался было хоть что-нибудь сказать, когда Картер встал со своего места. Он медленно подошел вплотную к Анне и остановился, глядя ей в глаза. Анна, стоявшая у стойки бара, с показным интересом смотрела на него.

– Я прекрасный пилот, мэм, – проговорил Картер после длинной паузы. – Остроумный. Смелый. Опытный. Я готов приложить все усилия, чтобы ни ваш муж, ни господин Родригес не почувствовали дискомфорта от отсутствия Ильи Орлиевского. Если вас что-то смущает, непременно поделитесь со мной. Я готов к любым переговорам. К любым мирным переговорам, – добавил он и уже молча продолжал стоять перед Анной с по-прежнему спокойным и чересчур доброжелательным лицом. Только Анна почему-то была уверена, что она видит нечто совсем обратное в глубине его взгляда. То ли ярость, то ли насмешку, то ли еще что-то, но точно не преданность и заботу.

Она внезапно поняла, что они уже достаточно долго стоят посреди гостиной, молча глядя друг другу в глаза. Ощутив острую неловкость, Анна еще раз смерила его взглядом и улыбнулась то ли застенчиво, то ли иронично. Вызова в ее взгляде стало заметно меньше.

– Ну просто Мистер – эталон качества, из палаты мер и весов, – хмыкнула она. – Надеюсь, Илье понравится ваша позиция, как и ваше существование вцелом, – она отвернулась и неторопливо пошла со своим странным напитком по направлению к спальням.

– Какую-то особенную дрянь вы затеяли в этот раз, господа, – кинула она им через плечо.

Когда она вышла, в комнате долго было тихо. Орлиевский сидел в прежней позе. Родригес встал со стула и резко выдохнув, налил себе полный бокал текилы. Картер переглянувшись с Тамерланом изобразил подобие улыбки и спокойно вернулся на свое место, закинув ногу на ногу.

– Что это было, Жора? – тихо спросил Магометов. Орлиевский молча встал и, одним движением скинув одежду, нырнул в бассейн. Тамерлан проводил его взглядом и перевел глаза на Адэхи. Тот мрачно пожал плечами.

– Так теперь бывает, – пробурчал он.

– И часто? – спросил Магометов.

– Чаще, чем хотелось бы. Правда, не так, как сейчас. Сегодня она переплюнула сама себя. С незнакомым человеком на ровном месте…

– У них что-то не так? – начал было Тамерлан, но, покосившись на Джерри, остановился. – Теперь я понимаю, почему она не летит.

– Она считает этот полет идиотизмом и самоубийством. Впрочем, ничего не имеет против, если полечу я, – сказал за спиной Тамерлана вынырнувший Орлиевский. Он сидел на полу, опустив ноги в синюю воду.

– Честно говоря, она может очень понадобиться, – протянул Магометов. Его лицо было спокойно, без тени наносного добродушия и дешевой клоунады. Серьезный, взрослый, жесткий человек. Один из ведущих разработчиков последнего поколения двигателей космических кораблей.

– На каком этапе? – подал голос Картер.

-На самом последнем, – мрачно ответил Магометов. – Она должна будет лететь.

– Нужен четвертый?

– Нужен медик, – жестко ответил Тамерлан, покосившись на капитана. Тот уныло смотрел куда-то в глубину, словно рассматривая подсветку бассейна. На слове «медик» Георгий повернулся и с косой улыбкой посмотрел на Магометова. Тот выдержал взгляд.

– Да, нужен будет живой врач на борту. И лучше всего, чтобы это была Анна.

Орлиевский только покачал головой и снова нырнул. Ему хотелось уплыть. И не в настоящее море-океан, а именно в глубину этого странного водоема. Ему казалось, что там, среди мерцающей подсветки нет дна, что глубина там неизмерима, бесконечна, и он, Григорий, сейчас нырнет в сладкую синеву и будет погружаться и погружаться вечно, плавно, неторопливо, получая удовольствие от каждого миллиметра масляной жидкости, ласкающей его сведенные болью и ревностью мускулы. И он спрячется, уплывет. Уплывет от сознания пустоты и одиночества, спрячется от всего на обратной стороне реальности и материи, пройдя сквозь свой личный тоннель в пространстве.

2055

Ролик в очередной раз закончился и снова начался новостной блок, а Лиза все еще сидела, замерев. Вокруг нее возникали новые фигуры и здания, что-то взрывалось, люди сменялись животными, голос невидимого ведущего звучал то нежно, рассказывая о новорожденном жирафе в биопарке, то воинственно и тревожно, докладывая о событиях в Африке. При этом голова жирафенка оказывалась у нее на коленях, а бомбы, взрываясь, засыпали ее землей.

Наконец она вышла из оцепенения.

«Стоп», – пронеслось в голове. После бурных красок и взрывов комната в унылых серых тонах, снова ставшая реальностью Лизы, показалась ей даже уютной. Во всяком случае, спокойной.

Она продолжала сидеть в старом обшарпанном кресле, глядя перед собой. Потом откинулась на спинку и снова прикрыла глаза. «Повтор рекламы», – проговорила про себя команду, и уже в который раз за это утро отправилась на «Корабль мечты».

Лиза снова стояла на космодроме Окленд-Хайтс метрах в двадцати от гигантского корабля. Ветер трепал ее волосы, слышалось отдаленное гудение взлетающих аэробусов и радостная музыка. Ощущение присутствия было полным.

Одетая в нечто красное и блестящее красотка и молодой роскошный мулат, лучезарно улыбаясь, шли ей навстречу.

– Приветствуем вас! Вы на пороге своей мечты! Не бойтесь переступить этот волшебный порог! – заворковал мулат, энергично жестикулируя.

– Вырваться за пределы возможного! Подняться и пронестись над небесами! Посмотреть на этот мир с высоты поющих ангелов! – вторила ему красотка.

– Дотянуться до звезды, заглянуть в глаза Луне! Вдохнуть звездную пыль! Увидеть небо в алмазах! Все возможно, если вы решитесь приобрести билет на наше невероятное путешествие вокруг земли!

Мулат и красотка исчезли. На их месте оказался мужчина с бледным суровым лицом. Они с Лиз были уже не на поле, а внутри кабины управления, сидели в огромных кожаных

креслах экипажа. Вокруг них, за окнами кабины, мерцали неправдоподобно синие звезды.

– Это воистину Корабль Мечты, – тихо говорил капитан, проникновенно глядя ей в глаза. – Вы почувствуете себя астронавтом будущего. Вы совершите полет вокруг нашей планеты по самой дальней орбите. При этом никаких неудобств и опасений. Удобный салон, – салон вплыл в сознание Лизы, – шикарные комнаты отдыха, индивидуальные каюты. Но самое главное – это, конечно, Сфера!

Лиза обнаружила себя внутри стеклянного шара. Они с капитаном были в состоянии невесомости и красиво кружили друг против друга, напоминая лебедей в брачный период.

– Все звезды мира! – сказал капитан. – Все!.. Звезды!.. Мира!..

Последняя его фраза была выведена на реверс хорошим звукорежиссером. Эффект себя оправдывал.

Через секунду Лиза снова стояла на некотором отдалении от корабля Мечты. К кораблю подходили один за другим люди, останавливаясь у входа, говорили несколько слов и заходили внутрь портала.

– Я мечтала об этом давно, – выразительно, словно со сцены, говорила высокая холеная женщина, – взлететь, почувствовать, осознать собственную абсолютную незначительность, отрешиться от мелочных проблем....

Лиз подошла к изображению женщины максимально близко, заглянула ей в лицо. Женщина улыбнулась ей приветливо и исчезла в портале. На ее месте возник известный европейский пианист, знаменитость и любимец публики, так же высокопарно призывающий последовать его примеру и совершить покупку билета. За ним еще несколько мужчин и женщин. Лиза испытывающе заглядывала в их лица, почти веря в ответный жест или мимику. Пожилой японец, представившийся как Акира Ямото, стоящий рядом с парнем лет двадцати пяти, подробно рассказывал о своих ожиданиях от этого полета. Молодой человек, очевидно, его сын, стоял рядом молча, стеснительно улыбаясь.

– И я уверен, что близость к звездам очень важна для такого блестящего молодого ученого, – указал он на сына. – Это мой подарок на защиту докторской степени. Место астронома – у звезд! – произнес он напыщенно.

Лиза стояла вплотную к голографическому младшему Ямото. В сердце гудело. Парень застенчиво молчал, странно светлые для азиата волосы падали на прозрачные глаза, отчего Ямото-младший слегка морщился и едва заметно улыбался. Лиза инстинктивно принюхалась, пытаясь уловить его запах и протянула руку в попытке прикоснуться. Пальцы сомкнулись в воздухе.

Мир вокруг нее опять стремительно поменялся. Она снова была в кают-компании, большом белом зале с прозрачными стенами, но теперь за ними были не звезды, а постройки космодрома. Перед ней стояли два хрустяще-крахмальных пилота. Один светло-русый, второй чернокожий. Оба средних лет, обаятельные, веселые, полные удалой энергии.

– Пилоты Картер и Смит приветствуют вас!

– Решайся, дружище! – радостно завопил ей в ухо чернокожий. Лиза почувствовала, как трясутся ноги и пол уходит. Она села в виртуальное алое кресло. Второй пилот, светло-русый, с прядью волос над выпуклым лбом, окрашенной в голубой цвет логотипа компании, исполнил какую-то немыслимую дробь ногами, напоминающую смесь фламенко с матросским танцем, засмеялся, переглянулся с другом, и они изобразили еще несколько задорных па, держа руки на плечах друг у друга.

– Вы не пожалеете! – орал один.

– Никогда не пожалеете! – подпевал второй.

– Это незабываемо!

– Это великолепно!

– Летим с нами, дружище! Мы покатаем вас меж звезд и туманностей! В Сфере мечты!

Светловолосый вдруг опустился на колени перед Лиз, в руках у него оказалась роза. Его синие глаза смотрели прямо в лицо Лизы.

– Летим со мной сквозь вечность!..

Нееееееееттт!!!

Ее собственный крик разрушил изображение. Лизу трясло. Тела обаятельных Картера и Смита тоже тряслись перед глазами.

– Стоп! – отдала она команду. Картинка пропала. Пот со лба падал на нос, знобило. Она согнулась, обхватила себя руками как при приступе гастрита. Сильно тошнило.

Она не ошиблась. Собственно, это было ясно и в первый раз, можно было и не мучить себя бесконечными повторами. Обознаться было невозможно.

Вопрос, мучавший всю жизнь. Люди, молчавшие всю ее жизнь. Невозможность дышать, любить, принять саму себя. И вот – вот ответ. Ответ, который она опять не в состоянии обрести.

–Билл Смит ждет сессии. Двенадцатый вызов, мэм, – вежливо произнес ай-секретарь в ее голове. Лиз сжала челюсти. Разговаривать надо было. Но ей казалось, что если она услышит голос старика, то немедленно умрет. Тромб оторвется, или аневризма лопнет, или рак-факел сей момент сожрет ее некрупное тело.

– Мэм? – снова вопросительно проговорил секретарь. – Тринадцатый вызов, мэм.

Малкин утвердительно прикрыла глаза, и увидела лицо Билла.

– Дома? – произнес он после недолгого молчания. Лиза снова утвердительно кивнула, прислушиваясь к себе: пока жива.

– Ну хорошо, что дома. Зря уехала, кстати.

– Билл, – голос хрюкнул, не желая поддаваться, но она взяла себя в руки. – Надо встретиться, Билл.

– Конечно. Я и говорю, Лиззи – ты зря от меня уехала. Лучшего места…

– Через два часа, у «Пекаря», – не дала она ему договорить и отключилась. Посидев несколько минут с закрытыми глазами, Лиза снова обратилась внутрь себя.

– Личный кабинет.

Теперь она сидела за столом в синей комнате, напротив нее расположилась милая служащая в такой же синей униформе.

– Я вас внимательно слушаю, мисс Малкин.

– У меня вопрос.

Лиза помолчала. Девушка смотрела на нее приветливо и ждала.

– Вот этот корабль...

– Корабль мечты? Вы затребовали четыре повтора рекламы сегодня.

– Да. Корабль Мечты. Что вы можете сообщить об этом туре?

За спиной у девушки возникло изображение корабля. По ходу ее рассказа изображение менялось, подчеркивая те детали, о которых шла речь.

– «Корабль мечты», пилотируемый космический корабль класса FR-W, совершает один круг вокруг планеты Земля. Продолжительность полета двадцать часов на высоте двенадцать тысяч километров. Это самая высокая орбита для туристических маршрутов. Также во время полета производится выход в открытый космос в прозрачной сфере, пилотируемой шаттлом на расстояние десять километров от корабля. Выход в сфере длится сорок пять минут. На корабле вам предоставляются условия класса супер люкс, комната отдыха и индивидуальные комнаты. Команда осуществляет персональную поддержку каждого пассажира. Также предусмотрены и шведский стол и напитки. Развлекательная программа с эффектом виртуального погружения – лучшие шоу мира. Также массаж и спа кабинет.

На борту команда шесть человек и пассажиры пятнадцать человек.

Вылет состоится через сто восемнадцать часов. Семнадцатое октября две тысячи пятьдесят пятого года. Космодром Окланд Хайтс, округ Сан Франциско, Калифорния.

На данный момент осталось три билета, оформление одного из них происходит в текущую минуту по параллельному каналу.

Лиза снова помолчала, осмысливая услышанное.

– И как можно приобрести этот билет? – слегка кашлянув, спросила она.

– Одну минуту, – изображение корабля на стене пропало. Комната снова стала ровного синего цвета. – По вашему финансовому состоянию на текущий момент вы можете приобрести билет в случае продажи вашей студии на Вест Стрит. Если сегодня осуществить продажу, то после покупки тура останется сумма, достаточная для двухмесячной аренды студии в Милуоки, где сейчас открыта соответствующая вашей квалификации позиция в фирме, в которой вы работаете последние двенадцать лет. Если ваше резюме будет

немедленно выслано в HR и перевод одобрен, то в течение четырех часов будут осуществлены и продажа студии, и аренда по новому месту жительства.

Девушка смотрела на нее выжидательно и улыбалась.

Малкин замерла.

– Где это – Милуоки?.. – выдавила она наконец.

На стене возникла карта США. Милуоки и окрестности были обведены красным.

– Город Милуоки находится на территории штата Висконсин, население пятьсот тысяч человек, средняя температура июля семьдесят девять градусов по Фаренгейту, средняя температура января шестнадцать. Самый снежный месяц январь, самый дождливый июнь...

– Хорошо, я поняла... Я должна подумать...

Лиз прикрыла глаза. Полететь. Все изменить. Новое место, новые люди.

«Да какие, к дьяволу люди, с кем ты вообще последний раз общалась, кроме Билла? Этот вакуум, в котором ты существуешь последние годы, разве он зависит от географии?»

Раньше, до поглощения ее бизнеса крупной компанией, были знакомые. Была подруга Джил, которая на собственной веранде выращивала маленькую хлопковую плантацию из сверхдорогих и сверхнедоступных живых семян. Были Колин и Джейн, владельцы ткацкого станка, на котором собственноручно изготавливали эксклюзивные ткани для кукольных нарядов. В конце концов, были закупщики, заказчики. Немного, человек десять, но живые, конкретные люди. По их эскизам Лиза делала своих кукол, уникальных, абсолютно натуральных, без малейшего намека на синтетические материалы, 3D принт, генные модификации. Ее деревянный Петрушка, одетый в хлопковый комбинезончик, расписанный красками на натуральной основе, был воплощением красоты, здоровья и нес аромат той, прежней, до-чиповой жизни человека, стоил космических денег и не имел аналогов и конкуренции. В каждую из кукол Лиза вкладывала всю свою фантазию, заботу и детскую привязанность к своей первой кукле Нэхаме, которой в своем невероятно, как теперь ей казалось, далеком детстве Лиза Малкина шила платья из старых пеленок и заплетала тугие синтетические косички.

Позже, когда выживать в бизнесе стало невероятно трудно, ей пришлось подписать контракт с фирмой-монополистом, собравшей под своим крылом всех оставшихся мастеров, владевших уникальными ремеслами и способных творить нечто лично окрашенное и немедленно теряющее свою ценность в массовом производстве. Лиз подписала шикарный контракт и в тот же миг провалилась в абсолютную пустоту. Теперь все ее общение с себе подобными было сведено к паре – тройке сообщений в месяц: принятии заказа, расчетов, эскиза и непосредственной сдачи очередной куклы через робота-доставщика. Все. Устная речь больше не звучала, даже в виде внутреннего голоса. И ранее немногочисленные бизнес-подруги рассосались. Нового общения не возникало. Вокруг Лиз поселилась полная звенящая тишина.

– Зачем мне ехать в Милуоки? Моя работа не подразумевает выездов.

– Мы начали с другого, мисс Малкин, – неожиданно душевно для программы, проговорила девушка. – В Милуоки самое хорошее предложение по аренде после продажи студии. Также существует значительная разница в налогообложении, стоимости обслуживания помещения, продуктовой корзины, медицинского страхования. Вы можете все тщательно обдумать, но бронирование второго билета стартовало в сети.

– Хорошо. Начинайте!

Лиза резко поднялась с кресла, при этом видеть свою собеседницу продолжала в прежнем ракурсе. «Явно нужен новый софт. Надеюсь, этот разберется с покупкой-продажей без сбоев», – подумала она.

– Спасибо, мы начинаем выполнять задачу. Отчет о приобретении билета поступит вам через четырк часа.

– Стоп.

Изображение пропало. Лиза обвела взглядом студию. Маленькая, невзрачная. Кухня-панель минимальной по размерам модели. Система «Хаускипинг» сорокового года выпуска частенько не желает реагировать на элементарные приказы. Как она радовалась тогда, приобретя эту студию после стольких лет аренды. На выплаты ушел родительский огромный дом в Нетанье, большой дом мужа в Брэнтвуде и все ее сбережения за двадцать лет. Остатки по кредиту Лиз

старалась выплатить как можно скорее. Самое грустное, что с момента приобретения цены на жилье в Сан Франциско стали стремительно падать, люди покидали грязные улицы, офисы вымирали. Чип, уже более двадцати лет назад завоевавший мозг человека, уничтожил необходимость кучно взаимодействовать в стеклянных высотках даунтауна, гнить в многочасовых пробках, которые последнее время стали образовываться даже на воздушном уровне транспортных магистралей. Город опустел, население стремительно раскупало частные дома, расположенные как можно дальше от тоскливого серого бетона и вони помоек. Люди селились как можно дальше друг от друга, устав за долгие века от скученности и необходимости учитывать интересы соседа. Цены на частный сектор росли, квартиры в городе пустели, а Лиза Малкин выплачивала невероятных размеров кредит на мизерную студию в пятиэтажном здании в умирающем великане-мегаполисе.

Ну что ж. Пусть будет Милуоки. Если этот полет даст ей ответ на все вопросы, то оно того стоит. В голове тихо блямкнуло, система отчитывалась о каждом шаге в сложном многоступенчатом процессе приобретения билета на Корабль Мечты. Лиза посмотрела на себя в старое тусклое зеркало в тяжелой раме. Кожа бледная, взгляд болотных глаз тоскливый, брови и ресницы еле угадываются на узком лице. Только спиральки ярко-рыжих волос, тугие, золотистые, неуемные, выдавали энергию и жизненную силу хозяйки. «Кукла Нэхама», – грустно подумала Лиза и вышла из дома.

2034

1

В Крыму было холодно. Обычно в конце апреля уже можно купаться, а сейчас дул пронизывающий ветер, и двенадцать градусов тепла превращались в пять. Георгий мучился. Он мучился все то время, пока находился здесь, мучился и душой, и телом.

Погода стояла отвратная, работы по оснащению «Венеры» шли медленно, организовать процесс переоборудования удалось только на третьей неделе. Дальше пошло в том же духе. То не было необходимой техники, то оказывалось, что напечатанные на принтере модели не соответствуют параметрам, то Тамерлану в голову приходила очередная сверх идея, как сделать лучше, когда предыдущий вариант был практически готов, и они все начинали заново. Огромные проблемы возникли с установкой системы автоуправления с Земли. Шаттл настолько отличался от модуля, на котором летали в космос козочки, что некоторые части системы просто невозможно было зафиксировать на «Венере». Полет предполагался на расстоянии около десяти тысяч километров от Земли, при том, что последней безопасной границей для возвращения считалось всего две тысячи. Хотя еще совсем недавно дальше жалких шестисот километров не летали. Радиация ионосферы в принципе не предполагала прохождения шаттлов с защитой уровня «Венеры».

С Анной они говорили всего один раз. Было утро, он собирался улетать, копаясь в своем немногочисленном барахле. Анна спустилась вниз и молча делала себе утренний коктейль из чего-то органического и необходимого для женского организма. Выглядело необходимое мерзко. Они словно не замечали друг друга. Григорию снова свело мышцы. Он сел на стул и попытался втянуть в себя воздух.

– Анна, – проговорил он неожиданно для самого себя. Анна повернула к нему голову. Видимо, она прочла на лице у капитана что-то такое, что заставило ее выпрямиться на стуле и замереть, не донеся до рта стакан.

– Анна, – подняв на нее глаза, проговорил он снова, – я люблю тебя.

И снова тишина, эта проклятая тишина. Жена сосредоточено посмотрела на него, а потом встала и медленно подошла к нему вплотную. Георгий рывком встал на ноги, заглядывая ей в лицо. Она давно не была так близко. Вдруг в нем ожило все, каждый миллиметр тела. Он почувствовал, что дуреет, что упадет в обморок, если не обнимет ее. Он качнулся к ней, но она резким движением перехватила руку, сжав пальцы.

– Грэг, – проговорила она и осеклась. Потом снова открыла рот, чтобы что-то сказать и опять передумала. Положила вторую руку ему на щеку, слегка погладила и отошла. Григорий остался стоять, приклеенный к полу. Пятна перед его глазами собирались в танцующие рожи монстров и показывали ему красные вытянутые языки.

– Удачи вам всем, расскажешь, как получилось, – отхлебнув свое пойло, кивнула она мужу.

Георгий стоял на том же месте, следя за движениями ее шеи, рук, за тем, как движется ее гортань, когда она пьет. Смотрел на нее с каким-то новым для себя ощущением. Так иногда неожиданно видишь привычную тебе комнату, в которой прожил много лет, снова такой, какой увидел ее впервые. Вроде все то же самое, а то ли свет другой, то ли предметы другого размера.

Анна изменилась. Она была по-прежнему волнующей, но совершенно новой. Орлиевский почувствовал страх. Животный, как при землетрясении.

– Ты откуда летишь, из Барселоны? – спокойно спросила Анна.

Он кивнул, звуков в горле не было. Она еще раз подняла на него глаза и сразу отвела взгляд. Орлиевский взял рюкзак и быстро вышел к беспилотнику. Через пятнадцать минут он будет в Барселоне, сядет там в пассажирский шаттл и еще через минут сорок сядет в Крыму.

С тех пор они не общались. Один раз Орлиевский было начал вызывать ее, но прервал сигнал. Сенсор, прилепленный за ухо, проводил сигнал в крошечный наушник, вживленный глубоко в ухо, так что голос Анны должен был зазвучать непосредственно в черепной коробке капитана, а это было уже слишком. Не смотря на все сложности, требующие предельной концентрации, ощущение присутствия жены, ее запаха и тепла

и так было постоянным, навязчивым и не дающим сосредоточиться.

Сложности возникали постоянно. Тамерлан и Георгий уже третьи сутки проводили в сборочном цеху – огромном белом ангаре, по которому тихо жужжа передвигались роботы и несколько молчаливых азиатов, суетящихся вокруг готового к установке оборудованием для «Венеры». Один из роботов, устанавливающих систему контроля с земли, нелепо и трогательно замер у шаттла, не в силах прикрепить очередной сенсор к обшивке. Всем своим унылым видом этот небольшой параллелепипед вызывал жалость. Он уже множество раз пытался увязать расчеты Тамерлана с реальными параметрами «Венеры», но действительность оказалась жестока к его запрограммированному сознанию. Робот замер, не решив задачу. Рядом с ним замерли Магометов, Орлиевский и Родригес.

– Это стандартно не решается, – прервал молчание Родригес. – Придется плюнуть на автоматику и прикручивать руками.

– Ага. Долото и шуруповерт – наше все, – мрачно протянул Тамерлан. – И кто это делать будет? Этот, – кивнул он на грустный параллелепипед. – Или тот? – он указал на невысокого рабочего с грустными глазами. – Ты понимаешь, что все расчеты в программе. Что как только я делаю шаг за пределы кодов, нужен новый софт. Потом оказывается очередная нестыковка, и так по кругу.

–Вставай за кульман и рисуй, – хмыкнул Георгий. – Ты карандашиком набросаешь, а Адэхи тебе присверлит наживулечку. А, Адэхи, припаяем?

– Можем, – без улыбки ответил индеец. – А потом оно отлетит все к чертям при взлете, и будешь пешком садиться… по азимуту.

Они замолчали. Разница между экспериментальным модулем и «Венерой» была настолько велика, что все оборудование приходилось усовершенствовать до принципиально новых решений. И риски повышались в сотни раз.

– В конце концов, Тамик. Что сейчас главное? Подстраховаться по всем фронтам. Неизвестно, как корабль себя поведет в экзосфере.

– Меня смущает одна вещь, – проговорил Родригес.

– Только одна? – съязвил капитан.

– Масса шаттла. Он в раз в пять легче сундука с козами. Что произойдет с управлением после того, как мы обвесим его всем этим снаряжением? Выдержит система жизнеобеспечения? Ты просчитал все это, или тебе для этого тоже нужен новый софт?

– Просчитал, – серьезно ответил Магометов. – И все это как раз решаемо. Меня волнует только одно. Радиация. И высокая вероятность магнитных бурь.

Робот снова зажужжал и подъехал к шаттлу. Тут его тельце стало подниматься на раскладных ножках, которые росли на перекрестьях, поднимая механизм вдоль обшивки. Достигнув желаемой точки метрах в 30 от пола, робот предпринял очередную попытку установить сенсор. Вдруг Родригес щелкнул пальцем, под кожей которого были установлены его собственные сенсоры управления чипом, и робот замер на своих раскладных ногах в метре от шаттла.

– Кажется, есть идея, парни, – сказал он. – Вызывайте Картера.

2

Солнце, прорвавшись в щель древних жалюзи, нещадно било Джерри в левый глаз. Он пытался отмахнуться он луча, словно от осы, повертелся в кровати, натягивая на себя одеяло, и проснулся окончательно. В комнате стоял полумрак, а за окном жила яркая праздничная весна, настолько контрастирующая с тусклой комнатой, что Картер резко встал с кровати и быстрым движением открыл жалюзи.

«Рай земной», – пронеслось у него в голове. Молодая, светло-зелёная листва, пение птиц, пронзительно голубое небо. Все-таки в отличие от Техаса, в котором Джерри родился и рос, времена года в странах с континентальным климатом имеют настолько яркие отличия, то Джерри каждый раз наслаждался всей душой. Весна в Москве, завладевшая этим гигантским городом-страной сразу, как сошел грязно-черный снег, заставляла поверить в светлое будущее самого унылого декадента. А Джерри Картеру до звания Самого Унылого все-таки было еще далеко, хотя последнее время, по его собственным ощущениям, он стремительно к нему приближался.

Последнее время все шло без огонька. Не то чтобы плохо или совсем наперекосяк, но как-то уныло и вело душу Картера в

ближайший кофе-шоп за косячком. Благо, светлое и мудрое влияния Голландии распространилось уже и до чопорной Москвы, но Картер подозревал, что это не лучший выход для лейтенанта военно-воздушных сил, героя войны, пилота военно-транспортных космических кораблей класса А. Но тем не менее, после ярких, хоть и трагических, военных событий его служба на ТАКА на Московской базе плелась все тягостней и тягостней для Джерри. Рутина, поглотившая его будни, была невыносима. Джерри тосковал, все чаще заходил в соответствующие заведения не столько для приобретения необходимого товара, сколько для приятной беседы с близкими ему на этот час по духу людьми, заводил драматические, тягостные романы с замужними женщинами, угрожавшими ему суицидом или кастрацией, хамил начальству и играл с репутацией на работе в голодные игры. Не помогало ничего, веселее не становилось. Он уже начал впадать в реальную, а не выдуманную депрессию, о чем и сообщил своему дружку Биллу Смиту. Смит выслушал со вниманием, но быстро свалил, у него начинался длительный интересный проект, отвлекающий его от мучительного развода со всеми прелестями вплоть до дележки детей, и ему временно было не до стенаний скучающего Картера. Картер собрался уже проклясть смывшегося Билли, когда перед его внутренним взором возникло лицо Тамерлана Магометова. В первый момент Джерри потряс головой, списав возникновение этого хорошо известного всем астронавтам образа на марихуанный угар, но, услышав вежливую просьбу самого Тамерлана переключиться на голограмму, щелкнул пальцами и поверил в реальность происходящего.

Дальше произошли одновременно две вещи, поселившие радость и надежду в сердце пилота Джерри Картера. Во-первых, в Москву пришла та самая летяще-свежая, ароматная весна, унеся остатки грязи, а во-вторых, Тамерлан предложил то самое Дело, по которому так тосковало сердце Джерри. «Пойди туда, не знаю куда». Мечта.

Естественно, он не размышлял ни минуты. На тот край Вселенной, на этот – лишь бы прочь от регулярных пассажирских и транспортных перевозок. С тех пор, как все космические эксперименты стали проводиться с использованием биороботов, целый отряд таких как Джерри тихо тлел на надежных и высокооплачиваемых перевозках,

мечтая хоть о какой-то экспедиции. Да хотя бы на Луну. «Хотя лучше на Сатурн», – привычно пронеслось у него в голове как и всегда, когда он возвращался к этим мыслям.

Через час после звонка он уже пил белковый коктейль, услужливо поднесенный ему роботом-официантом в зале ожидания Московского, отделанного искусственным мрамором в традициях знаменитого московского метрополитена, аэровокзала. Коктейль, как и личный отсек, обустроенный с уютом московской квартиры конца двадцатого века, входил в бонусное обслуживания работников воздушных перевозок. Такой же комфорт был обещан и во время полета, и по прибытию. Хотя и время в пути из Москвы до Барселоны на кораблях нового типа составляло не больше сорока минут, Джерри собирался воспользоваться своими привилегиями в полной мере.

В Испанию он прилетел в прекрасном настроении. Встретившись с остальными участниками проекта, Картер сильно удивился их мрачному и подавленному состоянию. Оба – и Орлиевский, и Родригес – были молчаливы и не излучали оптимизма. Разговаривал только Магометов. Как начал в такси из Барселоны, так и не замолкал все двадцать минут полета до дома Орлиевского, находящегося на самой границе с Францией. Магометов не умолкал вплоть до появления этой странной жены капитана.

Когда Анна вошла в гостиную, душа Джерри пела уже намного тише. И дело было вовсе не в опасности задачи. Это скорее прибавляло эксперименту очарования. Удивляла гнетущая атмосфера, царившей в комнате. Лейтенанта не оставляло ощущение, что что-то давит на этих двоих, заставляя согласиться на эту затею. «Плохое начало», – подумал Картер.

И тут вошла эта женщина. Несколько вещей потрясли Джерри в этот момент. Первое – ее красота. Второе – ее явная агрессия в его сторону, достаточно неожиданная для Картера. Ну а третьим был очевидный для Джерри сексуальный подтекст этой агрессии, и он готов был клясться на крови, что добром это не кончится. Все это пахло неприятностями похлеще кастрации или суицида. Связь, возникшая между двумя абсолютно незнакомыми людьми, была столь очевидна, что, как ни пытался он не поверить самому себе, чувство острого дискомфорта не исчезало. Как только его мысли возвращались

к предстоящему полету, перед ним возникало лицо Анны. И это было очень плохо.

Одним словом, ожидая вестей в своей московской квартире, Картер уже не так лучезарно размышлял о ближайших планах. Единственное, в чем он был уверен, что в любом случае, будь даже это мероприятие трижды мрачным, заведомо обреченным и даже смертельным, это все равно лучше, чем регулярные рейсы Трансатлантического Космического Альянса.

Он стоял голый перед распахнутым окном и разглядывал двор с детской площадкой, желтым песком и пробивающимися одуванчиками. На скамейке у песочницы развалилась огромная пушистая кошка. Кристаллик чипа на ошейнике играл под солнечным лучом. Джерри потянулся, подставляя сильное мускулистое тело под струю весеннего воздуха. Радость жизни и предвкушение новизны возвращались к нему вместе с московским солнечным утром.

Он уже размышлял, не позавтракать ли ему в центре, как в ухе зазвучал Магометов.

– Доброе утро, лейтенант! Поговорим?

– Я голый. Давайте так, – прикрыв глаза и развалившись снова на скомканном одеяле, ответил Картер. Проводник в его мозгу изобразил улыбающееся лицо Тамерлана.

– Ну хоть лицо покажите, мне много не надо, – усмехнулся Магометов, и Картер подтвердил видеосигнал. Теперь эти двое ясно видели друг друга сквозь полуприкрытые веки.

– Как идет подготовка? – спросил Джерри. Тамерлан тяжело вздохнул, давая понять, что не все гладко, но и не трагично.

–Идет, идет. Но есть пара вопросов. Джерри, – проговорил он после секундной паузы. – Вы ведь летали на системе КП-6?

Джерри постарался расслабить вдруг напрягшуюся спину. Мини-шаттлы КП входили в нулевой доступ секретности, и сам факт доступа к ним подразумевал полное отсутствие распространения любой информации.

– Я понимаю, лейтенант, я все понимаю, – быстро заговорил Тамерлан. – Я не хочу спрашивать ни о чем таком, что может… смутить. Мне нужна одна единственная деталь.

– Какая? – сухо проговорил Картер.

Тамерлан замолчал. Он уже и так винил себе, что заговорил об этом в сети. Что вообще произнес это название – КП-6. Надо было немедленно закруглять разговор.

– Вы прилетайте-ка, Картер, – заговорил он совершенно другим голосом, медленно и вальяжно. – Не виделись давно, не говорили. Чаю с бубликами попьем…

Сначала Джерри решил, что Магометов спятил, потом пронесся мыслью по разговору и тоже немедленно сменил тон. Все это заняло секунду или полторы.

– Бублики свежие? – с той же купеческой интонацией спросил он.

– Свежайшие, – кивнул Тамерлан, – вылетай, брат.

Джерри кивнул. Разговор был закончен. Через час он снова ехал на аэровокзал, пил коктейль и смотрел старые фильмы в телевизоре а-ля «Рубин». Только на сей раз его путь лежал на полуостров Крым.

3

Поселок Кастрополь мало известен как курорт, не то что Коктебель или та же Ялта. Он был построен в семидесятые годы двадцатого века вокруг нескольких домов отдыха, служивших прекрасной возможностью отдохнуть по профсоюзной путевке советскому рабочему человеку. Что такое профсоюзная путевка, никто из членов команды шаттла уже толком пояснить не мог, но жилье, которое им предложили на время переоборудования «Венеры», их полностью устраивало. Строение пустовало, храня в себе всего того постмодернизма, объединившего в себе архитектуру социалистических республик. Уже позже, в начале двухтысячных, поток отдыхающих тружеников сильно поредел, возрождающийся бизнес попытался было обновить постройки, приблизив их к стандартам турецких отелей, но до конца довести начинание не успел. Вся береговая линия была изрыта ковшами роботов-экскаваторов. Некоторые строения сносились, некоторые перестраивались до неузнаваемости.

Новые хозяева, появившиеся преимущественно с востока и скупившие приморские территории за последние пару лет начали действовали быстро, слаженно, меняя облик Крыма словно в игре-стратегии. Здание, в которое поселил команду Магометов, было одним из незатронутых реконструкцией, но и

ему оставались считанные дни. Огромная бетонная постройка с симметрично выступающими в сторону моря балкончиками-верандами застыла на дороге в новый этап своей жизни, занеся ногу над пропастью между своим почти европейским прошлым и совершенно азиатским будущим. Тем не менее вода, свет и туалеты работали, даже уровень комфорта в отношении поесть и поспать был вполне сносный. Иногда в коридорах образовывалась случайная фигура, так как некоторые комнаты все-таки были обитаемы. А в остальном – тишина, покой, уют. И полнейшая конфиденциальность, что особенно радовало Тамерлана.

Конфиденциальность была задачей номер один. При текущем уровне онлайн коммуникаций защитить приватность даже собственного мыслительного процесса представляло определенную задачу, любые рабочие таблицы и программы немедленно занимали свое место во всемирном хранилище информации. А этого необходимо было избежать.

– Есть одна идея, – протянул Родригес. Они сидели вчетвером на пустом пляже, потягивали красное вино. Заушная клипса каждого в отключенном состоянии осталась в комнатах. И даже так полной уверенности в своем «одиночестве в сети» у Тамерлана не было.

– Какая? – он с надеждой посмотрел на Адэхи. Тот отхлебнул винца и шумно выдохнул.

– У меня есть старый ноутбук, – сказал он.

– И что? – Магометов нахмурил брови, пытаясь понять, что имел ввиду Родригес.

– А то, что он в полном порядке. На нем последние винды, все программы, что там положено. Нормальный софт. Ну не теперешний, конечно, но что-то делать точно можно. Короче, ему лет восемь – десять. Ну и он не в системе. То есть никакого доступа в личный девайс вне интернета тогда еще не было. Ну, какой-то уже был, но сейчас все уже в корне поменялось, не доберутся ни за что.

Все замолчали. Картер, только что вылезший из серой холодной воды, накинул огромное синтетическое полотенце, моментально впитавшее всю влагу с его тела. Даже трусы стали сухими. Орлиевский вдруг понял, что внимательно осматривает абсолютно сухого Картера, и ему стало неловко.

Все-таки сложно даже за много лет привыкнуть ко всем этим штукам, подумал он.

Картер внимательно выслушал про ноутбук, прикидывая, возможно ли запустить на нем программы установки антенн и защиты а-ля КП-6 на «Венеру». Эта тема, то есть локационные антенны шаттла-разведчика и системы антирадиационной защиты, с которыми Джерри был весьма хорошо знаком, была основной в их переговорах, так как радиация так и оставалась проблемой.

– Где он сейчас? – спросил он у Родригеса.

– Кто? – не понял тот.

– Твой ноут. Есть к нему доступ?

– Он дома. Но можно попросить выслать. К вечеру будет.

– Проси. Пусть шлют.

Орлиевский пристально посмотрел на Картера. Тот утвердительно кивнул головой, словно отвечая на невысказанный вопрос капитана.

– Думаю, встанет, командир. Почти уверен.

Служба доставки сработала исправно. Правда, Родригес и не любил засвечивать в сети любые пароли, тем более личного пользования, но на этот раз дать координаты и открыть код в свое жилье пришлось. Уже через четыре часа робот-доставщик подкатил в своей комнате Родригесу пластиковый сверток с «антикварным» личным компьютерным устройством. Ноутбук был тяжеленький, с большим плоским экраном и стертой сенсорной клавиатурой. Адэхи улыбнулся с нежностью, погладил бок ноутбука и, быстро вернув за ухо клипсу, немедленно заменил все шифры для доступа в свое техасское жилище. После чего опять убрал ее подальше под подушку.

4

Картер скользил пальцами по компьютеру, напряженно вглядываясь в экран. Уже несколько дней там что-то ярко мелькало, подергивалось, картинка то останавливалась на пару секунд, то снова напоминала осенний дождь за стеклом. Перед измотанными за эти бесконечные часы перед экраном глазами тряслись блестящие точки. Тамерлан, просидевший последние часов пять в ожидании, встал за спиной Картера и громко

дышал. Орлиевский с Родригесом сразу же сочли свое присутствие необязательным и сейчас гуляли по ночному берегу. Картер же с Магометовым упорно пытались впихнуть суть программного обеспечения две тысячи тридцать третьего года в компьютер года двадцать пятого. Пропасть, пролегшая между ними после выхода клипсы-сенсора с нейронным сигналом в двадцать девятом году, превращала их задачу в цирковой фокус.

– Дохлый номер? – не выдержал Магометов.

– Не, не дохлый. Подождите-ка, шеф.

– То есть? – Тамерлан резко выпрямил спину, отчего немедленно и остро свело поясницу. – Получается, что ли?

Картер не ответил, продолжая скользить пальцами. Тамерлан стоял, переводя вопросительный взгляд с экрана на затылок Картера.

– Все! – выдохнул тот внезапно и откинулся на спинку кресла. – Есть.

Магометов, не веря своим ушам, заглянул в экран, впился глазами во множество странных значков, застыл так на пару секунд и резким движением обнял Джерри.

– Джерри! Ты гений! Как ты так все-таки?.. – Закончить фразу не вышло от недостатка слов и переизбытка чувств.

– Ну все-таки я был не последним из выпуска, – ухмыльнулся Джерри с показным самодовольством.

– А что заканчивал? Ты разве не профессиональный пилот?

– Впоследствии профессиональный уже. А первое образование – программист, Колумбийский Университет, Нью-Йорк. Вот, поработал почти по специальности.

Картер встал, потянулся и сел на край стола.

– Смотри, шеф. Завтра я попробую установить все то, о чем мы оба думаем и так, как я это помню и знаю. Я там на КП-6 все это подробно изучил. Они ж не знали, что я разумею, – ухмыльнулся он. – Все должно сложиться. Вопрос только в том, что несколько манипуляций при установке системы защиты и главной локационной антенны должны делать люди. Роботов теперь не припашешь.

– Я понимаю, – кивнул Тамерлан. – Родригес справится?

– И Родригес, но больше надежды на наших китайских помощников. Спонсор клянется в их надежности, как ты утверждаешь?

– Утверждаю, что он утверждает, – протянул Магометов.

– Ну и отлично. Я б не стал приглашать никого со стороны. Это будет очень броский запрос по специалистам. Нынче люди такого не делают вообще. Но если получится, то мы сделаем невозможное. Улетим и вернемся в полнейшей тишине и по новейшей технологии.

– Как думаешь, сколько времени возьмет еще?

Картер пожал плечами.

– Неделя, может, десять дней. Не больше.

Магометов кивнул, подошел к Джерри вплотную и с размаху пожал его руку. Тот ответил широкой улыбкой.

– Все, шеф, финишная прямая.

2055

1

Кэб появился немедленно после того, как она спустилась. Лиза заскочила внутрь буквально на лету. Тихо играла музыка и пахло дыней. Дыни Лиза не любила.

–Кафе «У пекаря» Бродвей, девять.

– С удовольствием, мисс Малкин, – тихо прожурчало в ответ, и беспилотник двинулся. Лиза постаралась принять удобную позу, но все никак не могла найти положение в этом «мини гробу», как она называла про себя беспилотные кэбы. Окон не было, только какие-то картинки морей и водопадов, хотя в одном из квази окон можно было следить за маршрутом. Она еще застала нормальные машины с окнами, люками, водителями, и при каждом удобном случае ублажала себя поездками в ретро тачках, хоть удовольствие это было недешевое, да и добираться до трасс далеко.

Поездка была утомительно долгой, кэб еле тащился по абсолютно пустым улицам, зависая буквально в паре метров над землей. Этот пешеходный полет казался ей издевательски бесконечным. Она не могла понять, почему нужно передвигаться с такой скоростью при полном отсутствии трафика и людей на улицах. «Это вопрос юридический», - прозвучал в голове голос Билла. Она вздрогнула и, рывком отодвинув дверь, буквально вывалилась на тротуар.

– Бродвей девять, – прозвучало за спиной. Но она уже входила в двери пекарни.

Подобное кафе вполне могло существовать и в пятьдесят пятом, и в двухтысячном, и в середине двадцатого века. Было в этом заведении нечто вневременное и ужасно уютное. За стойкой сидел самый настоящий продавец, и изо всех сил пахло дрожжевыми булками. Никаких автоматов и принтерно-целлофановой еды. Стулья тоже не были прикреплены к столам и издавали громкий скрип и шебуршание при движении по полу. Посетителей не было. «Скоро и этот закроется», – тоскливо подумала Лиза.

Она уселась за столик у окна, продиктовала в сенсор-меню заказ, и продавец приветливо помахал ей в знак того, что заказ принят.

Она нарочно села спиной ко входу, чтобы не сверлить глазами дверь и собственные нервы. «Придет, никуда не денется», – говорила она себе.

И действительно, довольно скоро Билл появился. Подошел сзади, положив ей на плечо единственную руку. Наклонился, поцеловал ее в щеку, удобно разлегся на стуле и уставился на Лизу.

– Так и будешь молчать? – через пару минут тишины спросила она, стараясь звучать максимально доброжелательно. Билл взял из рук девушки в фартучке большую чашку чая и сделал долгий глоток.

– Чай отличный. А корабль твой – дерьмо, – выговорил он, наконец.

Лиза молчала, пытаясь выбрать из тысячи слов только те, с которых можно было бы начать этот последний – а она была уверена, что это последний – разговор на их с Биллом главную вечную тему.

– Скажи мне, Билл, а каково это – смотреть на самого себя?

– Где ты там увидела меня? – голос звучал глухо. Но он старался придать себе ироничный тон.

– Увидела. Я там увидела вас обоих. Тебя. Его. Точно такими, как встретила вас двадцать восемь лет назад. Я же не в маразме. Это именно вы. Только почти на тридцать лет моложе. Снялись в выпущенной месяц назад рекламе.

– Полагаю, этой рекламе не менее года. Это все делается заранее, конечно.

– Ты издеваешься? – Малкин зашипела. А говорить надо спокойно. Спокойно. Медленно. Дышать.

– Итак, – она отхлебнула сразу много кофе, поперхнулась, закашлялась, похмыкала и сделала еще один маленький глоток. Билл сочувственно наблюдал. – Итак. Давай сначала. Реклама полета в космос, в которой снят ты и мой восемь лет как покойный супруг. Оба в прекрасной форме и выглядите на миллион долларов. Это интересная загадка. Да?

– Я не очень понимаю, Лиззи, что тебе такое показалось. Может, ты удивлена тем, что...

– Нет, Билл, – резко перебила его Лиза. – Нет. Удивлена я была тогда, когда мой милый муж явился ко мне в Нетанью с

воплями: наконец-то я тебя нашел, Мэг! И на мой ответ, что я не Мэг, досадливо махнул рукой и ответил: да знаю, знаю, Лиза, отвыкнуть трудно просто. Отвыкнуть! Вот в этот момент я просто сильно удивилась. А надо было не удивляться, а стиснуть его горло, и давить, пока он не выложит все до донышка!!! И тогда бы вся моя жизнь не была бы похожа на этот вечный изломанный кошмар-вопрос: что такого я могла сделать для этого абсолютно незнакомого для меня человека? Где и когда мы встречались, и что вообще между нами могло быть общего? На каком именно изломе судеб мы могли, черт его дери, пересечься?! И какая я ему, к чертям собачьим, Мэг?!

Она замолчала. Тяжелые медленные вдохи и выдохи подкидывали ярко-желтый локон на виске.

– Так что сейчас я уже не удивлена, – намного тише, медленнее, но еще жестче выговорила она. – Я обезумела. Я в истерике. И если на сей раз я не получу ответы на свои вопросы, кто-нибудь умрет.

– Боюсь предположить, кто именно, – дернул щекой Билл, хотя судя по его позе, смешно ему не было.

Лиза молчала. Она смотрела на кончик перчатки, натянутой на протез правой руки Смита. Он проследил ее взгляд и положил сверху левую руку.

– Он никогда меня не любил, да? – неожиданно жалобно протянула она.

– Он всегда любил тебя.

– Нет. Не любил. Ты же знаешь, как мы с ним жили!

– Ты ошибаешься, Лиззи, – мягко возразил Билл.

– Не ошибаюсь я... – она помолчала, словно вспоминая что-то важное, потом резко мотнула головой, отгоняя остатки сомнений. – Я любила его, всегда. Как только впервые увидела... Мы были женаты почти десять лет, а ушел он впервые уже через год. Помнишь, что он мне сказал? Ты же все это помнишь и знаешь! Сказал, что нельзя жить с женщиной только из чувства долга или вины. Прокричал это мне в лицо несколько раз и ушел. А я осталась. Думать осталась: чем же он передо мной виноват? Что он мне такое должен? А через неделю он пришел обратно, пьяный и мятый. Плакал, говорил, что не имеет права уйти. Что я такое сделала для него, а он, подлец, меня бросает. Он потом заснул, а я сидела рядом и

физически ощущала свое сумасшествие. Оно накрывало меня, как туча. Я стала подозрительной. Рылась у него в вещах, в контактах, устраивала просветительно-душещипательные беседы, требовала признаний. Мол, в чем виноват? А он уходил, на месяц, однажды на полгода. Кричал, что не может это терпеть, что чувство вины разрушительно... И всегда возвращался. И ничего не пояснял. И ты тоже ничего не пояснял. А я ходила к психологам, семейным, личным. В группы на терапию. Посетила экстрасенсов и ясновидящую. Пользы – ноль. И так много лет. Почти с первого нашего дня знакомства сплошная истерика. А в результате он все-таки ушел. Смог-таки, – она замолчала, глядя в окно. На улице было пусто, ни одного человека. – Последнее время мы и так почти не разговаривали, – проговорила она, все также отвернувшись к окну. – Его ничего не интересовало, кроме этого его «Франкенштейна». Ты знаешь про него что-то? – она вопросительно посмотрела Биллу в глаза.

– Понятия не имею. А ты?

– Врешь опять, – хмыкнула Лиза. – Знаю, что это что-то летающее. Вернее, он хотел, что бы оно как-то особенно летало, а не получалось. Подробностей я не знаю, он со мной не обсуждал. Так и жили: он в своих шаттлах и катапультах, а я в натальных картах. Но все равно не продержались...

Она снова замолчала. Ей казалось, что она говорит сама с собой, пытаясь в очередной раз понять, что же она упустила.

– Развелись, только мне легче не стало, – продолжила она тихо. – Еще три захода по ясновидящим. Переселение душ... Гипноз, опять же... ну я начала думать, может, не отдаю себе отчет в реальности, может, проспала чего? В моем собственном прошлом могли таится черные, неведомые мне провалы или тайны... Искали с прорицательницами. Тоже не помогло.

А потом он разбился. Разбился на испытаниях своего же собственного произведения! Почему-то решил, что он пилот. Я до сих пор не понимаю, как такое было возможно, кто разрешил ему лететь?! Мы уже несколько лет не были женаты, но я... Я не знаю, как я это пережила, Билл. Теперь он действительно ушел от меня, окончательно. Только вот дело в том, что он ушел, а я-то осталась, – в голосе Лиз отчетливо слышны были слезы, но Билл по-прежнему сидел молча, глядя в чай.

– Осталась вместе со всем, что он оставил мне в наследство, – продолжала она, кусая губы. – Уж лучше бы он оставил миллионные кредиты, чем эту неизвестность и пустоту. Понимаешь? Пустота в моей жизни, душе, будущем, даже прошлом. И не к кому уже было приставать с вопросами, и даже некого винить.

Она залпом допила остывший кофе. Билл сидел не шевелясь и не говоря ни слова. Он знал все, о чем она рассказывала. Но ни разу еще не слышал этого рассказа от самой Лизы. Он всегда избегал именно этих подробностей и всегда был уверен, что рано или поздно они его догонят.

– Я продолжала размышлять, – снова заговорила Малкин. – И тут мне пришла очередная светлая мысль: может это что-то связанное с его детством? Может нас перепутали при рождении?.. Может он вырос вместо меня в богатой семье? Я когда-то любила романы. Это был новый виток безумия. И я наняла детектива.

Она сверкнула глазами, пытаясь понять, какое впечатление произвела на Билла. Тот хранил непроницаемый вид.

– Очень хороший профи, надо сказать, – продолжила Лиз, глядя на Смита в упор. – Знаешь, что он мне сообщил? Он раскопал его биографию на тридцать лет назад. С учетом того, что я с ним знакома двадцать восемь из этих тридцати, сильно он меня не побаловал. То есть подтвержденные фактами сведения об этом человеке были датированы всего двумя годами ранее нашей с ним встречи. В его файле были все необходимые для идентификации личности подробности, а на деле – липа. Все сфальсифицировано. Ни матери, ни отца. Ни где родился, ни где учился – ничего не подтверждается. А он точно где-то учился, кстати. Его знаниям можно было искренне позавидовать, уж поверь мне.

Билл не шевелился. Вся его фигура чем-то напоминала каменные изваяния ацтекских богов на фоне заснеженных вершин.

– Единственный реальный подтвержденный факт – его появление на Южно-Корейской барже в Тихом океане. Буквально был выловлен моряками из воды. С ним был еще один человек.

Она сделала небольшую паузу, но, не дождавшись вопроса, продолжила:

– Ты, Билл, – она утвердительно моргнула. Эффекта не последовало, но она его и не ждала. Снова сделав глоток, продолжала спокойно и буднично.

– Далее вы пожили в Корее, покружили туда-сюда по миру, приехали в Израиль и появились в Нетанье. Вломились в мою шахматную студию с криками «Наконец-то, Мэг!» и превратили мою жизнь в адский квест. Так что дальше я все уже знала сама. Кроме того, откуда вы взялись на барже. Ваши личные дела выглядели очень стройно, пока я не влезла со своим расследованием. Но как бы все ни рушилось во время расследования, ни про богатую семью, утратившую наследника, ни про подмену в колыбели, ни про родовое проклятие и наследственную амнезию у меня сведений не появилось. Так что мне можно было спокойно продолжать сходить с остатков ума. Ты меня слушаешь?

Смит кивнул. Его уставшие глаза, окруженные глубокими морщинами, смотрели на нее с такой бессильной безнадежностью, что на какое-то мгновение ей захотелось немедленно прекратить разговор и уехать как минимум в Милуоки. Но она знала, что уже не остановиться.

– Сказать не хочешь ничего? Как вы оказались на этой барже, к примеру?

Он покачал головой:

– Но ты продолжай, Лиззи, очень увлекательно. Ты мне никогда не рассказывала про детектива, кстати.

– Не рассказывала. Мы тогда мало общались. Ты мне не ответил ни разу ни на один вопрос. Какой смысл было задавать следующий?..

– Ты всегда придавала слишком большое значение его нежеланию рассказывать о своем прошлом.

– Я придавала значение не его нежеланию говорить о своем прошлом, а его намекам на мое прошлое. Он предоставил мне жить в ощущении, что я не знаю сама о себе чего-то чертовски важного! И перестань делать вид, что тебе не ясна моя мысль!

Лиза опять сорвалась. С усилием заставила себя замолчать. Повисла пауза.

Билл заговорил первым, нарочито ласково, как ей показалось.

– Ты сама говоришь: он умер. Прошло много лет. Может, пора уже...

– Снова здорОво. Рекламу еще раз глянем?! Или ты быстро и подробно рассказываешь, как вы, такие молодые и красивые, оказались на корабле, либо...

– Девочка, это не мы, что ты придумала...

– Это вы. Это точно вы, Смит.

– Какой-то бред...

– Да, вся моя жизнь – какой-то бред. Так вот: либо говоришь, либо я полетела.

– Куда ты полетела? На метле? – он дернулся и нервно блеснул белками глаз.

–На Корабле Мечты. Знакомиться с такими похожими на вас парнями.

Смит замер на долю секунды и вдруг заливисто засмеялся.

– Ты шутишь, детка. Ты хоть представляешь, сколько это стоит?

– Представляю. Я продала свою студию.

Смех застыл. Пальцы на его левой руке сжались в кулак, но почти сразу разомкнулись снова. Огромная расправленная ладонь лежала на столе.

– Продала студию, чтобы купить билет?

– Да.

– Какая-то чушь.

– Тебе так кажется. Я вижу в этом огромный смысл. И мне кажется, что я начинаю понимать, зачем тебе понадобился юбилей, – проговорила она медленно. Смит смотрел на нее в упор.

– Что, Билли, очень не хотелось, чтобы я узнала об этой чертовой Мечте? – Лиза почувствовала, что теряет контроль. Эта догадка привела ее в состояние нервной эйфории, вгоняя одновременно и в восторг, и в ужас. Она привстала над столом, оперившись в него ладонями и шипела собеседнику в лицо:

– Чип, говоришь, отключи? Пульт потерялся?! Пересидим недельку на природе?!! Спрятать меня решил, пока эта молодая версия вас не улетит на «Корабле мечты»?!

Губы Билла сжались, носогубные складки превратились в две темные расщелины.

– Ты не полетишь. Ты немедленно заберешь свои деньги, купишь булку с вареньем и поедешь домой.

– Ого, какой разговор пошел! – она никогда не слышала от Билла подобного тона. – Но я разберусь теперь сама. Полечу и все узнаю! Я вижу, что ответ там, и не лезь ко мне со своими советами! Ты же сам там, ты же там!! В Мечте этой!! За дуру держишь? Советы даешь? Иди к черту, я больше не нуждаюсь ни в чем! Ни в советах, ни в ответах!

Лиза вскочила из-за стола, но Смит успел схватить ее за руку и резко притянул обратно.

– Никуда ты не полетишь! Дура! Я тебе клянусь: ты больше никогда близко не подойдешь к этому корыту!! – прошипел он ей в лицо.

Женщина замерла. Несколько долгих секунд она не дышала, не моргала, словно прислушиваясь к собственному кровотоку.

– Больше? – наконец прошептала она. – Что значит больше? Я что, была уже там?

Они оба теперь стояли согнувшись над столом и дыша в лицо друг другу. Первым пришел в себя Билл. Отпустил руку Лизы, но та сама теперь ухватила его ладонь мертвой хваткой.

– Говори. Я там уже была?

– Ты не зайдешь на этот корабль, пока я жив.

–Ну конечно, как всегда никаких ответов. Иди ты ко всем чертям.

Она резко выдернула руку и пошла к двери.

– Ты никуда не улетишь, Лиза Малкин.

Она не оборачиваясь показала ему средний палец и вышла на улицу.

2034

Орлиевский сидел у самой воды, закидывая камешки в море. Плоская крымская галька мерцала матовым отблеском и с плюхающим звуком касалась воды. Шлепок раздавался где-то близко, но где именно, глаз уже не различал. Ни звезд, ни лунной дорожки. Ночь была влажной, слепленной из черной ваты.

Рука капитана нащупывала очередной камень и бросала его словно сама по себе, без участия хозяина. Взгляд Орлиевского давно застыл в одной точке, где-то на предполагаемой линии горизонта. Внутри него стояла точно такая же черная вязкая ночь, что и снаружи. «Мировая гармония», – пронеслось в голове. Мрачная гармония, однако.

Орлиевского мучило ощущение собственной непричастности к проекту, который при любых других обстоятельствах был бы главным смыслом его существования все последние недели. Он бы маялся неразрешенными задачами, рылся бы в поисках новой информации для их решения, искрил бы идеями и страшно расстраивался в случае их провала. Он бы жил проектом как и любым другим делом, к которому имел столь прямое отношение и он сам, и его шаттл. Все это так, как должно было быть. Но факт в том, что весь организм капитана Георгия Орлиевского просто пережидал происходящее, словно хотел отделаться от этого груза. Георгий ждал окончания. И это его сводило с ума. Это было против всего его устройства, против его опыта, взглядов на жизнь и всей его биографии в целом.

По большому счету, он знал и причину происходящего с ним. Знал, и не в силах был принять ее. Как могло так случиться, что всю дееспособность и интерес к жизни умного, сильного, богатого, состоявшегося и творческого мужчины могла уничтожить лишь перемена в отношении к нему женщины?.. Какова тогда истинная цена всем этим ценностям, за которые человек борется с рождения? Самобытность, независимость суждений, эрудиция, широта мышления - вся эта пресловутая самодостаточность, где она? К чему она? Неужели только для покорения самки, которая сядет в красивой позе на гору этого великолепного приданного, накопленного самцом за долгие годы борьбы с сородичами, и немедленно сплющит его и обесценит? Пожрет все: и сами дары, и внутренности дарителя?

Орлиевский почувствовал такою ярость, что еле слышно застонал. Родригес, застывший рядом с капитаном, как статуя Текатслипоки, вздрогнул и еле заметно пошевелился. Вглядываясь в темноте в лицо командира, он попытался увидеть его глаза, но влажная тьма была непроницаема для самого пытливого взгляда.

Орлиевскому было страшно. Пожалуй, это была единственная сильная эмоция, которую он мог распознать в себе и дать ей четкое определение. Все остальные смешались в сумбурный ком, как старый клубок мохеровых ниток, с которым долго играл кот. Весь этот клубок Григорий называл тоской, такой вот грязной перепутанной заигранной тоской. А над ней витал страх.

Орлиевский знал, что такое страх. То есть фраза «Страх ему не ведом» не имела к капитану отношения. Страх бывал разный. Был липкий, холодный, когда от рака умирала бабушка. Она лежала в соседней комнате, и восьмилетний Орлиевский слышал каждый ее стон. Ему казалось, что если он зайдет на порог, то этот страшный хищный рак войдет и в его печень тоже, и ему будет также, как и бабушке, больно и холодно. И он сидел на пороге, за закрытой дверью, слушал ее стоны и тихо плакал. И не мог войти.

Бывал страх яростный, сводящий с ума, но при этом придающий безумия, страх летчика Гастелло, как обозначил его для себя капитан. Про подвиг Гастелло ему рассказала та же бабушка, и маленький Жора, а потом уже и не маленький – совсем взрослый – пытался вообразить себе, какой смерч эмоций надо испытывать, сотворив бомбу из самого себя. Мысль об этом частенько приходила ему в голову. Ответ, если можно так сказать, он получил тогда в Египте, на одном из испытаний первой серии шаттлов. Они тогда впервые поднимались с Родригесом. Предстоял прыжок из Африки в Японию, подъем не выше мезосферы, по минимальной траектории. На самолете последних моделей полет занимал около десять часов. Григорий предполагал уложиться в полтора. Они уже были в двадцати пяти километрах от поверхности, когда Родригес заметил МИГ, направляющийся прямо в шаттл. Кому принадлежал сверх скоростник, можно было только предполагать, и каковы его цели, тоже было не ясно. Расстояние сокращалось за мгновенья. Еще на одну мысль, даже самую коротенькую, времени не было. Орлиевский

рывком переключил управление на ручное, моментально ввел ряд команд, и шаттл на максимальной скорости, сломав траекторию, понесся прямо в лоб самолету. Иллюзия столкновения была полной, но Орлиевский знал, что они должны пройти, не задев МИГ, проскользнуть по правому боку, выйдя из зоны поражения. Но одно дело – знать, а другое – видеть, как тебе в лоб несется истребитель, готовый уничтожить все во вселенной на своем пути, оставив после себя лишь космический мусор. Страх, родившийся где-то вокруг печени, колючей волной прорезал дорогу к горлу капитана, мгновенно разрубив ровно пополам и мозг, и сердце Орлиевского. И еще долгое время, уже миновав точку пересечения и летя на в прямом смысле космической скорости куда-то в сторону Антарктиды, Орлиевский существовал с ощущением разрезанного фортепианной струной черепа.

На этот раз страх был новый. Но и его капитан узнавал. В прочитанных в далеком детстве «Копях царя Соломона» древнюю как сам Соломон старуху раздавило огромной скалой – дверью в хранилище. Она пыталась выползти, но дверь опускалась медленно, но неуклонно. Эта же дверь сейчас опускалась на Орлиевского. И он уже чувствовал хруст своих костей, чувств, надежд, собственного достоинства под скалой, скалой нелюбви Анны. Он, сидевший неподвижно у ночного моря, выл в душе, выдирая на себе волосы. Он боялся пошевелиться, боялся, что начнет рыдать в голос.

– Я думаю, она будет здесь к первому полету, – проговорил Родригес, галька слегка зашуршала под его тяжелыми ногами.

Орлиевский вскинул голову, пытаясь увидеть лицо Адэхи. Рассмотрев лишь слабый отсвет луны на белках индейца, он снова отвернулся к воде.

– Послушай, командир, – Родригес аккуратно присел рядом с Орлиевским на мелкие камни крымского пляжа. – Если нужно, я могу ей сказать…

– Нет, Адэхи, ничего не нужно, – Георгий резко перебил Родригеса, передернувшись от одной мысли о подобной помощи.

– Ты преувеличиваешь размах катастрофы, – криво усмехнувшись, добавил он и положил руку на плечо Родригеса. – Меня больше беспокоит сам полет. Как ты оцениваешь наши шансы, Адэхи? – с фальшивой деловитостью спросил капитан.

Родригес пожал плечами, Орлиевский скорее почувствовал, чем увидел движение его могучих мускулов под комбинезоном.

– Высоко оцениваю. Слетаем – вернемся, получим аванс. Потом еще раз слетаем, вернемся и получим остаток суммы. Купим Илье ногу. Приведем в порядок шаттл и продолжим катать звездные свадьбы, космические похороны и переезды на другой континент.

– То есть думаешь, вернемся?

– Должны, командир. Картер этот – он смышленый парень.

– Ты знаешь, Адэхи… А я бы улетел туда, куда так мечтает попасть Тамерлан. На CMa DWARF, созвездие Большого Пса… – Григорий махнул рукой в сторону звездной темноты. – Туда, к Сириусу. Или КаПекс 6. На другую стороны материи. Чтоб мозг мой вывернулся наизнанку и начал все видеть радостным и оптимистичным. Бывает так, Родригес?

– Конечно, капитан. Я много знаю подобных мест, – абсолютно не в тон ему, медленно и серьезно ответил механик. Оба замолчали. Уходить не хотелось. Уходить – значит, приближать завтрашний день, который потянет за собой послезавтрашний, и все намеченные события начнут неизбежно происходить, ведя к развязке, к развязке сразу всего, и думать об этом Орлиевскому было невыносимо. Он с удовольствием провел бы остаток жизни, сидя на этом ночном пляже, нащупывая и кидая в воду продолговатые камешки.

2055

Лиз вихрем влетела в комнату, на ходу вызывая службу работы с клиентами космодрома.

– Дорогая мисс Малкин, – красотка в розовом с распростертыми объятиями шла к ней по белому коридору. – Мы так рады быть вам полезны!

– Да, я надеюсь на ваше содействие, мэм.

– Чем я могу помочь вам?

– У меня билет...

– Конечно, на наш рейс Мечты! Будем счастливы...

– Так вот. Мне надо зайти на борт незаметно и инкогнито.

– Вы имеете ввиду...

– Я имею ввиду, что не хочу, что бы кто-либо мог увидеть меня, входящей на этот корабль.

– К сожалению, я не уверена, что у нас есть подобная услуга.

– Я полагаю, что за ту стоимость билета, которую вы сочли необходимой, я могу просить о такой мелочи, мэм, – отрезала Лиза.

– Безусловно, – озарилось улыбкой лицо красотки. – Я сейчас запрошу систему о всех возможностях.

Некоторое время висела тишина, потом лицо виртуальной служащей озарилось.

– Есть прекрасный вариант. Вы можете зайти через один из входов для персонала, конечно, с сопровождением. Подобный случай зафиксирован в практике компании три года назад, так что, полагаю, это возможно.

– Отлично. А что касается имени?

-Каким именем вы бы хотели воспользоваться, мэм?

Лиза замолчала. Внезапная догадка была слишком странной. Но...

– Мэган. Мэган Мерфи.

– Окэй, дорогая миссис Мэган Мерфи! Наш сопровождающий будет с нетерпением ждать вас у портала В.

– Нет, меня надо встретить за пределами космодрома и подвести к выходу. Если вы не хотите скандала при взлете.

– О, что вы, нет проблем. – На лице служащей легкой тенью пронеслось недоумение, но только опытный психолог обратил бы внимание на эту перемену. – Компания отправит за вами кэб по указанному вами адресу.

– Отлично, – Лиза встала. – Жду вас семнадцатого. Стоп!

Оставалось дождаться сообщения о продаже студии. Никаких проблем не должно было возникнуть.

Лиза застыла в кресле, обхватив себя руками. Изящная женщина с ярко-рыжими спиралями волос и бледным прозрачным лицом. Испуганная. Абсолютно одинокая в своем порыве.

– Ну что ж, девочка моя, – прошептала, – что мы имеем в сухом остатке? Молодые Смит и муж на корабле, старый партизан Билли честно молчит, храня страшные тайны, а я на пороге сумасшедшего дома. Или же на пороге великих открытий. В любом случае, я на пороге, и пусть это будет уже последний порог в этой вечной войне с тайной. Все, Лиз Малкин, вперед к «Мечте», как говорится.

2034

1

Картер оказался неутомим. Даже Родригес, с детства познавший слово «труд» на полную его глубину, чувствовал себя к концу дня вымотанным. Надо признать, что физического труда в подобном объеме давно не приходилось на его долю. То есть он, как железный дровосек, с долотом и прочими древними инструментами в огромных руках с утра до ночи ползал по шаттлу изнутри и снаружи, сверля, прибивая, измеряя, прикручивая все, что велел ему Картер, который, надо сказать, и сам не уступал индейцу в количестве движений. Своя доля деятельности монтажника-высотника перепала и Орлиевскому, но в его действиях не было такого количества энергии и энтузиазма. Последние дни командир был как-то особенно немногословен. Тамерлан, взявший на себя функции главного инженера, настороженно наблюдал за Орлиевским, и сухой блеск в глазах капитана ему очень не нравился.

Много первых запусков подготовил в своей жизни Тамерлан Магометов. И много лиц астронавтов, готовящихся к полету в неизвестное он видел на своем веку. У капитана было неправильное лицо. С таким лицом он не должен был отрываться от земли.

– Я могу ей позвонить, – тихо раздалось у него над головой. Магометов вздрогнул и резко обернулся. Адэхи, возвышаясь над ним как египетская пирамида, напряженно смотрел на него.

– Кому? – недоуменно спросил Тамерлан, уже поняв ход мыслей Адэхи.

– То есть дело не в эксперименте? – добавил он медленно.

– Он не думает про полет, шеф, – не меняя позы ответил индеец. – Ему плевать на ваш полет, шеф. Его вообще здесь сейчас нет.

Родригес замер. От его мускулов исходило ощутимое тепло. Магометов перевел взгляд на Орлиевского. Тот молча возился с сенсорами на обшивке шаттла на пару с таким же молчаливым китайцем. Выражение их лиц за последний час не менялось, словно мышцы лица, приняв удобную форму, забыли о собственной пластичности.

– А хуже не будет? Если она вдруг объявится? – протянул Магометов, не в силах отвести взгляд от капитана.

– Смотря как вы с ней поговорите, шеф, – ответил Родригес.

– Я? –Тамерлан вскинул на того изумленные глаза. – Как я буду с ней об этом говорить?

– Ну как-то так, чтоб он ожил и полетел. Причем дважды. Вы ведь этого хотите? – с ударением на слове «этого» произнес Родригес

Тамерлана ощутил острое желание допрыгнуть до лица индейца и хоть царапнуть ему кончик носа в прыжке. И это не казалось Магометову смешным. «Стоит тут, как жрец солнца, мать его… Символ мудрой справедливости», – пронеслось у него в голове. Перспектива побеседовать с полусумасшедшей женушкой Орлиевского виделась Магометову омерзительной, да и что говорить, он слабо представлял себе эту беседу. Но тем не менее, Тамерлан отдавал себе отчет, что Адэхи прав, и что он, Магометов, и правда тот единственный человек, кто мог позволить себе подобное вмешательство в отношения этих двоих. Хотя бы на правах старого знакомого и главного заказчика одновременно.

– Если бы она приехала сюда, – продолжал Родригес, не сводя с Тамерлана настороженного взгляда, – может…

– Может, не может, – раздраженно передразнил его Магометов. Он снова перевел глаза на висящего над обшивкой Орлиевского. На этот раз ему показалось, что выражение лица капитана приобрело новый оттенок. Тамерлан поискал мысленно определение для него, и очень быстро нашел подходящее слово. Отвращение, подавляемое, привычное, но достаточно насыщенное, судя по складке вокруг губ.

«Похоже, придется разговаривать», – промелькнуло в голое Магометова. При этом волна очень схожих с Орлиевским эмоций пронеслась по организму Тамика. Ему было абсолютно неведомо, что говорить Анне. И как вообще это делается.

2

– Ты пойми, дорогая, мы здесь как в казарме, – лучисто улыбался Тамерлан, пронзая всемирную сеть бесспорным обаянием личности. Морщинки покрывали сетью его трудолюбивые улыбчивые щеки, глаза сияли искренностью и

теплом. Сердце сжималось от приступов тошноты и отвращения и к самому себе, и к Анне, и к самой ситуации.

– Точно, совсем казарма. От мира оторваны, – загибал он пальцы, – общение только с мужиками, да и тех три человека. Разговоры только про работу. А мы же люди, – игриво и многозначительно подмигнул он ей. – Нам бы тепла… Заботы…

– Тамик, у вас что, прачечная сломалась? – без улыбки съязвила Анна. Она лежала у того самого бассейна в гостиной с неизменным зеленым напитком. Разговор с Тамерланом застал выходящей из воды, так что от голографического вызова она отказалась, оставив собеседнику только лицо.

– Вот ты все шутишь, богиня, а, между прочим, на простыне, застеленной рукой дамы, и спится слаще. Не хватает, – он замялся, подыскивая слово, – не хватает аромата женщины, флера…

– Тамерлан, – голос Анны зазвучал так сухо, что Магометов забыл, в какую именно степь его несет красота слова. – Грег просил тебя позвать меня?

– Нет, –лицо Магометова мгновенно утратило всю слащавость, и он снова стал похож на ведущего конструктора ТАКА. – Он не просил. Он не знает об этом... разговоре. Дело в том...

Тамерлан знал, что беседа будет неприятной, но не думал, что настолько. Он чувствовал себя предателем с одной стороны и каким-то подлым манипулятором с другой. Будучи вынужденным говорить о чувствах и демонстрировать заботу, он явственно отдавал себе отчет, что его не беспокоит ничего, кроме успеха эксперимента. И что все эти слова и проникновенный тон – лишь фальшь и обман. И казался себе от этого настолько отвратительной тварью, что хотелось удавиться.

– Дело в том, что… Я чувствую, Анна. Тебе надо прилететь. Хоть на сутки. Да хоть на один вечер. Просто поговори с ним. Нет, – увидев лицо Анны, замотал он головой, – я не прошу выяснять отношения. Можно же просто появиться, поговорить, как люди разговаривают. Ни о чем. Ничего не выясняя, не планируя. Он расскажет про то, как идут работы, ты про книгу, которую прочитала. Ты же читаешь книжки, дорогая? – заботливо спросил он.

– Десятками проглатываю, дорогой, – проговорила она. – Только будет хуже, если я прилечу. И ты это знаешь, Тамик.

– А ты сделай так, чтоб было лучше, – неожиданно резко проговорил Магометов. – В конце концов, я тебя прошу. Помочь. Мне. Ты тоже меня просила, и я помогал.

– Даже так, – усмехнулась Анна. – Смотрю, в ход пошла тяжёлая артиллерия. Не думала, что ты мне припомнишь.

– Я никому ничего не хочу припоминать. Просто мне надо, чтобы Орлиевский пришел в себя и выполнил свою работу. Слишком высоки ставки.

Анна замолчала. Некоторое время она лежала закрыв глаза, и Тамерлан лишь слушал ее дыхание. Потом она посмотрела прямо ему в лицо и велела забронировать рейс на завтрашний вечер. Тамерлан кивал, улыбался и не верил, что беседа закончена. Собственно, точно также не верил, что ее приезд улучшит ситуацию. На душе было муторно и серо, но очень высока, чрезвычайно высока была необходимость во вменяемом командире полета.

«Святая Катерина, пошли мне дворянина», – прошептал Магометов и откинулся на спинку кресла.

– Ну если ты был не прав, то я съем твою печень, – не открывая сомкнутых век, проговорил он. Родригес, сидящий напротив, кивнул, встал и осторожно, стараясь не задеть своим большим телом мелких предметов, покинул небольшую комнат шефа.

3

Они обошли шаттл уже раз десять, заглянув в каждую щель, нажав на все вновь обретенные рычаги и кнопки. Проверка всех систем прошла удачно, старенький ноутбук справлялся с непосильной на первый взгляд задачей контроля за всем программным обеспечением шаттла. Картер, в сотый раз запустив систему автопилотирования, всматривался в бисер знаков на виртуальном табло пульта управления. Тамерлан, уже закончивший осмотр всех остальных установленных для эксперимента блоков, шумно дышал ему в ухо.

-Ну? – нетерпеливо выдохнул он.

-Думаю, все нормально. Можно подтверждать вылет.

Магометов застыл, уставившись жестким взглядом в середину лба Картера, словно хотел просверлить ему мозг.

-Уверен? – сухо выдохнул он.

-Завтра днем перегоним в Токио. И послезавтра в час ночи – старт.

Картер выглядел уверенным и даже радостным. Это и было той причиной, по которой все приготовления к пробному вылету Тамик обсуждал с Картером, а не Орлиевским. Только в Джерри Тамерлан обнаружил истинное соучастие и заинтересованность в деле всей своей жизни. И в этом не было никаких преувеличений. Тамерлан шел к этой идее со студенческой скамьи, не отступая ни на шаг в пользу других проектов, независимо от их перспективности и финансирования. Кротовая нора, тоннель в пространстве, перекресток миров – вот все, что его когда-либо интересовало. В его жизни не осталось места ни женщине, ни друзьям. У него не было хобби и домашних животных. У него был биопроцессор, выношенный его мозгом в бессонных и порой голодных ночах, было биотопливо и была надежда. Надежда увидеть и ощутить результат. И теперь, стоя вплотную к последнему этапу эксперимента, после такого количества неудач и разочарований, ему очень нужен был единомышленник, человек, способный пусть не так остро, как он сам, но все же близко к сердцу принять происходящее. И вопреки всем его ожиданиям, этим человеком оказался не друг юности и вечный компаньон Гоша Орлиевский, а новый знакомец, легкий, энергичный и далекий от Тамерлана, как луна, Джерри Картер.

– Тогда я объявляю остальным, – выговорил Магометов, еле шевеля губами.

– Да все будет норм, шеф, – улыбнулся Картер, положив руку на плечо Тамерлану. Тот вдруг почувствовал себя мальчишкой школьником перед экзаменом. Ему очень захотелось поверить этому умному взрослому, что все закончится хорошо.

– Орлиевского видел? – спросил он нарочито небрежно. – Надо собрать всех. Обсудить детали. Приготовиться к переходу.

– Ну вы собирайте, а я пойду искупаюсь, – ухмыльнувшись, сообщил Картер и направился к выходу из ангара. – Руки в масле, шея в мыле, – напел он. – Правильно пою? Капитан так напевал вчера.

– Почти, – хмыкнул Тамерлан. – Иди, купайся.

2055

Билл проводил глазами узкую стремительную спину своей собеседницы и устало опустился обратно за стол. Это был такой блестящий провал всех его долгих планов, что ему требовалось привыкнуть к создавшейся ситуации, прежде чем начать искать из нее выход. Казалось бы, все было так просто: увезти к себе, отключить от информационного потока и дать этому летающему гробу умчаться в свой адский круиз без нее, без его Лиззи. То есть по сути – всего одна неделя, максимум десять дней пика бурной рекламы и нежелательных репортажей. «Человек предполагает, а господь располагает», – прозвучали у него в голове слова собственной матери, и он буквально воочию увидел ее серьезное, круглое и исполненное уважением к всевышнему лицо. Господь в данном случае был расположен отнять у Смита разум в тот момент, когда он оставлял телевизор включенным в сеть. Обошел, можно сказать, божественным вниманием его гнилые старые мозги, не дав выдернуть шнур. А лучше вообще перерезать. Перекусить своими зубами.

Смит вдруг так врезал кулаком по клетчатой скатерти, что сенсор для приема заказов подпрыгнул и скачками улетел в угол зала. Хозяин заведения вскочил, вытянувшись по стойке смирно, испуганно глядя на пожилого мужчину. Смит, приложив к груди единственную руку извиняющимся жестом, поднял прибор и тихо сел на место. Орать и беситься смысла не было. Разговаривать сейчас с Лиз тоже. Единственное, что ему оставалось, это не дать ей зайти на корабль. Любым возможным путем, будь то похищение или скандал с потасовкой в порту. Лечь поперек взлетной полосы или оплатить гангстеров. Но пускать Лиз на корабль нельзя.

Билл оперся головой на крупный жесткий кулак. Вчера после ухода Лиззи он тоже долго сидел в такой же позе мыслителя, пытаясь восстановить дыхание. Последние годы начались какие-то неприятности в легких, но он так и не дошел до осмотра. Так что оставалось только как можно медленней втягивать в себя тонкой струйкой воздух, пытаясь протолкнуть его в грудь. Удалось это ему не сразу. Наконец, обретя заново возможность дышать, Билл поднялся на ноги, достал злосчастный пульт и снова включил телевизор. И немедленно увидел во всей красе этот огромный и действительно прекрасный в абсолюте своих форм корабль. Приятный

женский голос плавно рассказывал о принципиально новой системе взлета, разработка который началась более тридцати лет назад великим конструктором Тамерланом Магометовым, о сфере, в которой предполагается совершить выход в открытый космос, о необычайном уровне комфорта и обслуживания. На экране возникали все новые лица, некоторые из них Билл уже видел, некоторые были для него не знакомы. Рассказ об устройстве корабля сменился непосредственно рекламой полета, и Билл увидел свое молодое лицо. Рядом с ним стоял поджарый, но какой-то невыразительный Картер с синей крашеной прядью волос.

«Да, парень, сильно тебя тогда подкосило. Ведь самое смешное, ты мне так и не рассказал, что произошло на том эксперименте. Черт тебя дери, Картер, надо было из тебя все вытрясти, может все пошло бы по-другому. Кто теперь знает».

Один за другим появлялись пассажиры – счастливые обладатели билета. Билл вглядывался в строгое сумрачное лицо Ямото-старшего. Перевел взгляд на Микки. Тот стоял на один шаг поодаль и застенчиво улыбался такой знакомой Биллу улыбкой, что у того побежали мурашки по спине. Мелькнула на заднем плане чета Куперов. Оливия крепко держала под руку Мэтью, неуверенно оглядывая незнакомых ей людей. Ей явно было не по себе. Дышать Биллу становилось все сложнее, боль при каждом вздохе прорезала грудную клетку и отдавалась в сердце. «Надо пройти обследование», – подумал Смит. Нет, Лиззи, ты не одна в своем безумии. Мы с тобой оба стоим одной ногой по ту сторону человеческого сознания. И это только моя вина, я перекинул этот мост в твою реальность. И я ведь ждал этого момента столько лет, клялся, что не дам тебе близко подойти к кораблю Мечты, и вот так вот обделался по всем статьям в этот час Ч всей своей дурацкой запасной жизни.

После разговора в кафе стало понятно, что все катится к самой худшей развязке из всех возможных. Его последние внезапно выскочившие слова отрезали всякую надежду отговорить Малкин и вообще как-либо с ней общаться. Надо было думать, а думать не было сил, они словно все вытекли из него, как кровь из перерезанной сонной артерии. Он позвонил Лизе в тот же вечер, но канал был отключен. Он приехал к ее студии – она была продана и читалась на скане как собственность банка. Он искал ее – в системе не было данных о ее местонахождении.

Было ясно, что она занесла его в черный список, и он не найдет ее ни в одной гостинице. Он обратился в детективное бюро. Там ответили, что чип с таким кодом не зарегистрирован вовсе, и отказались от поисков, чем ввели Билла в паническое изумление. Лиз Малкин будто и след простыл. Он пошел в полицию. Оставил заявление, но в ответ последовала только дежурная отписка, что заявке присужден номер, а так же ремарка об отсутствии состава дела о пропаже на основании не установленного родства и возможного нежелания разыскиваемого лица быть обнаруженным. Он звонил в клиентскую службу космодрома, там ему сообщили, что никакой мисс Малкин в числе пассажиров нет. Она растворилась, распалась на байты. Ему казалось, что он машет руками в воздухе, пытаясь набрать его, воздух, в ладонь, но только пальцам становится прохладно. За прошедшую неделю он спал три часа. Перед глазами шли круги, но сознание не отключалось.

Взлет Корабля Мечты был назначен на следующее утро. Не обнаружив Лиз в списке, он немного выдохнул было, но какая-то нервная возня под солнечным сплетением не отпускала его. Сон не шел. В пять утра он понял, что он идиот. Что Лизы Малкин не могло быть на Корабле Мечты. Выпив три коктейля «Будь здоров», так и не ощутив прилива какого бы ни было здоровья, он отправился на Окланд Хайтс. Первым пунктом его плана было зайти в службу охраны. Он ворвался в офис с предупреждением о возможном убийстве и с настойчивым вопросом, не летит ли некая мисс Мэган Мерфи. Там ему вяло сообщили, что отчитываться по пассажирам не уполномочены, но все туристы проверены службой безопасности, просканированы, вывернуты наизнанку и опасности нет никакой, так что он может быть абсолютно спокоен. На его просьбу показать список пассажиров ему предложили пойти погулять в зоне провожающих и помахать платочком им вслед. Когда он повысил тон, на входе образовался робот-охранник, говорить с котором явно было бессмысленно.

Смит спустился в зону провожающих. В голове билась одна-единственная истеричная мысль: «Господи, на тебя уповаю. Помоги мне, Господи». Он не молился много лет, он не помнил ни одного слова, и эта первая и единственная из запомнившихся фраз молитвы стучала сейчас внутри черепа. Он все сделал неправильно, все поздно. Должен был схватить

Лиззи в охапку и увезти на край света задолго до самого первого упоминания об этой чертовой Мечте. Смит готов был откусить себе последнюю руку от плеча, лишь бы получить шанс вернуть Лиз с корабля. Офицер с балкона сверлил ему висок взглядом. Начали появляться первые туристы. Билл подошел максимально к заграждению. Глазеющих было много, пробиться было не так уж и просто. Он давно не был не то что среди толпы, а вообще близко к людям. Один за другим появлялись путешественники. Смит протиснулся еще немного. Что надо этим людям? Зачем они тащат себя в эту помпезную неизвестность? Пот капал ему на нос, рука тряслась, глаза чесались от напряжения. Прошла высокая женщина, помахала толпе, затем пара молодая, пара пожилая, известный пианист, двое мужчин, молодой и пожилой, восточного вида, пара крупных банкиров, нефтяной магнат, трое футболиста из сборной, сделавших состояние в последний чемпионат. Лизы не было. Двери стали закрываться.

Он был готов на все: устроить скандал, цирковое представление, припадок, террористический акт. Ему было плевать на последствия для себя. Он был как сжатая пружина, готов кинуться в проем и схватить ее, повалить, ранить, в конце концов. Если бы только она появилась.

Но ее не было.

Двери закрывались. Пот лил прямо в раскрытый в вопле рот Смита.

– Лиззи! – отчаяние накатывало волнами, он кричал как раненый медведь, в бессилии уповая на чудо.

– Лиза, не ходи туда!! Мэг! Лиза! Умоляю, вернись!

К нему пробивалась охрана сквозь толпу, впереди двигался робот полицейский. Ворота медленно ползли, закрывая спины улетающих.

Билла уже уводили в сторону комнаты службы безопасности, а он все еще продолжал кричать, пытаясь смахнуть пот и слезы с лица.

Уже сидя в офисе охраны, он услышал объявление, что Корабль Мечты совершил взлет, кругом раздавались аплодисменты и радостные возгласы.

«Это конец» – подумал он. Он откинул голову назад, уперся затылком в стену и заснул.

2034

1

Анна вышла из воздушного такси метров за двести до ворот бывшего пансионата. Ей хотелось немного пройтись, хоть пару минут. Последние недели она провела лежа в собственной гостиной или на веранде, подставив тело под весеннее южное солнце. Вокруг на несколько километров не было ни единого человека. Деревня, в которой стоял их дом, оживала, как правило, с приходом мая, так что сейчас от безлюдья звенело в ушах, и иногда Анне даже казалось, что она сквозь километры угадывает шум моря, едва видимого из окна их дома.

Здесь тоже было тихо, но все-таки не так, как дома. Пролетали такси, на территории пансионата пара сухопарых мужчин занималась йогой, на лавке в глубине аллеи молодая мамаша собирала новомодную головоломку, пока ее годовалый отпрыск сосал палец на пухлой ноге, усевшись на желтые одуванчики. Анна медленно шла, пытаясь подготовить себя к предстоящей встрече с мужем.

В принципе, ясно было одно – все кончено. Они ничего не говорили друг другу о расставании, но невозможность находиться рядом была настолько очевидной, что Анна сама не знала, что от себя ожидать. Собственно, реакцию Георгия на ее появление тоже трудно было представить. Как он это расценит? Как желание навести мосты? На поддержку? Или решит, что она приехала обсудить условия развода в самый неподходящий момент в жизни. Самое ужасное, что у нее у самой не было ответа на этот вопрос. У нее не было плана, не было решения для них и не было никаких чувств к мужу. Лучше всего для нее самой было бы вдруг оказаться где-то на другом конце света с бумагами о разводе на руках и уверенностью, что они никогда больше не увидятся с Орлиевским.

Но хуже всего было другое. Анна не только точно знала, кого она не хочет видеть. Она точно также твердо отдавала себе отчет, кого ей не терпится увидеть вопреки всякому здравому смыслу. Ироничное лицо второго пилота Джерри Картера все эти дни витало вокруг ее сознания, немедленно влезая внутрь его, как только Анна на мгновение утрачивала контроль. Она пыталась над собой посмеяться, потом что-то себе объяснить, наконец, договориться об условиях присутствия этого облика в

своем сознании, но положительных результатов не было достигнуто, и мысли о Джерри навещали ее все неотступнее.

Это все было бы смешно, если б не было так грустно. Ей было далеко не восемнадцать, в ее жизни было не мало разной степени тяжести романтических отношений, а в ней самой, в Анне, всегда было достаточно здорового скепсиса для веры в любовь с первого взгляда. И тем не менее, какая-то жестокая фантасмагория крутила в своей игре ее нервную систему, заставляя влезать в капкан на пустом месте. Она знала, что встретится с Картером, ждала этого в любой момент, отчего постоянное напряжение в спине становилось болезненным и немного сводило шею. Она шла по аллее, встреча с мужем была все ближе. И силуэт Джерри Картера, как и пронизывающий упреком взгляд Георгия Орлиевского, мерещился ей в каждой складке воздуха. Она остановилась и медленно, до самого донышка, вдохнула в себя весенний Крым, словно желая выдавить этим глотком воздуха весь ком наболевшего из своей груди. Хотелось стоять и вдыхать в себя эту роскошную весну, никуда не двигаясь и ни о чем не думая.

Анна медленно пошла дальше, координаты комнаты мужа в прямом смысле крепко засели у нее в голове. Тамерлану нужен был адекватный командир полета, и она сделает все, что в ее силах, чтоб командир был адекватен. Она прекрасно знала, что значит для Тамерлана этот полет, и не могла позволить себе его подвести.

Не то чтобы она была сильно ему должна. Она не просила у него ни денег, ни протекции, он не становился свидетелем страшной тайны или адюльтера. Просто в один момент жизни, когда она вдруг оказалась совсем одна, а любимый и единственный тогда Георгий пропал в испытательном шаттле со всех радаров, Тамерлан был тем единственным человеком, который поднял на голову все ведомства, чтобы отыскать ее Орлиевского. Днями он контактировал с разными чинами, тряся их за грудки, чтоб пошевеливались, а вечерами сидел и молча гладил ее по плечу. И так она провели три долгих ночи, в абсолютной тишине, она сидела замерев, а он касался ее плеча, беспрестанно просматривая отчеты о поисках. А потом сказал ей, что шаттл с Родригесом и Орлиевским обнаружен где-то в районе Огненной земли, и спасатели уже вылетели. Погладил ее по волосам и предложил чаю. И тот факт, что он ей сегодня намекнул на эти три вечера, говорил только об одном: он на

грани. Он готов сам сесть на стул, опереться локтями в колени и закрыть лицо.

Сесть и закрыть лицо руками… Она легко нашла комнату командира по координатам и картинке в своей голове. Дверь оказалась не заперта. Она легко толкнула ее, и войдя в комнату увидела Орлиевского. Капитан сидел в кресле, облокотившись на локти и опустив лицо в ладони. «Словно мысли прочитал», – пронеслось в голове у Анны. Она застыла на пороге, глядя на согбенную фигуру мужа. Георгий не шевелился. Анна подумала, что он заснул, хотела так же тихо выйти, но вдруг у нее где-то между сердцем и желудком так защемило, что пришлось перестать дышать на несколько секунд. А потом очень захотелось подойти к Орлиевскому.

Едва ступая по древнему ковру, Анна подошла к сидящему мужу и присела перед ним на корточки. До ее слуха донеслась еле слышная мелодия. Она присмотрелась и увидела у него в ушах крошечные наушники, подключенные к аудиосистеме чипа. Видимо, он решил послушать музыку по старинке, через наушники. Орлиевский все еще не замечал ее присутствия. Анна поднесла голову чуть ближе, пытаясь распознать мелодию. Это было что-то очень знакомое, но она не настолько разбиралась в классической музыке, что было определить, что это именно за произведение.

Кончики ее волос легко задели руку капитана, и он приоткрыл глаза. На несколько секунд оба замерли не меняя позы, склеившись взглядом. Анна первая пришла в себя. Она медленно поднялась на ноги и отошла вглубь комнаты. Георгий так и остался сидеть в кресле, лишь глаза его двигались, провожая каждое движение жены.

– Вот, – выдохнула она наконец в полуусмешке, – решила навестить.

Орлиевский по-прежнему молчал, не спуская с нее глаз. Анна потопталась по середине ковра и стала демонстративно разглядывать старинную меблировку начала века.

– Тут у вас так… уютненько, – проговорила она нараспев, – без излишнего пафоса.

– Да, пафоса в меру.

Орлиевский повертел головой, разминая затекшие плечи. Потом поднялся с кресла и подошел к жене, которая уже

рассматривала сосну за окном. Он прислонился к подоконнику и сложил руки на груди, не переставая разглядывать лицо Анны. Она повернулась к нему, словно давая себя рассмотреть получше, как человек с белым флагом.

– Вот решила навестить, – повторила она. – Только не спрашивай, чего вдруг.

–Это сложно. Первый вопрос, можно сказать, из тех, что в голову идут.

– Переходи ко второму тогда.

– Ну окей. Перехожу.

Григорий помолчал, словно выбирая вопрос.

– Как дела? – заговорил он снова.

– Не знаю, Грэг, у меня-то дел и нет никаких, оказывается, – пожала она плечами.

Не понятно было, то ли это упрек в уничтоженном личном пространстве, то ли признание в том, что ей одиноко без него. Орлиевский пытался прочитать ее лицо, но он уже давно утратил это умение

– У вас какие новости? – спросила Анна, пытаясь вести разговор.

– Мы, похоже, готовы на первый прыжок.

– С переходом? – живо спросила она.

– Нет, пока речь идет только об испытании антенн и автопилота. Поднимаемся на девять тысяч и смотрим, что как реагирует на ионы.

– Понятно. Откуда летите?

– Из Токио. У спонсора, – он произнес слово «спонсор» так едко, что у Анны взлетела одна бровь, – у спонсора там чуть ли ни свой космодром. Вообще, интересно посмотреть, что за хрен такой…

– Зачем тебе, – хмыкнула она, – платит пусть. Меньше знаешь, легче летаешь… Стихи новые такие.

– Отличные. Тебя Тамерлан вызвал или Родригес? – быстро спросил Орлиевский.

– Никто.

– Не ври. Просто скажи кто.

– Никто, – не поддаваясь на его напор все так же легко ответила она. – Самой стало интересно. Правда, рассчитывала, что вы уже готовы на решительный шаг. То есть на переход. Но главное – не пропустила же. Посмотрю.

– Ты собираешься в Токио?

– Ну не здесь же ждать.

– Я тебе не верю, Аня.

Георгий подошел к ней вплотную, но прикоснуться не решался. Она сощурила глаза, взгляда не отводила и отойти не пыталась.

– Не верь. Это ничего не изменит. В любом случае, я уже тут.

В голове у Орлиевского раздался голос Тамерлана.

«Всем привет. Зайдите-ка, ребятки. Мы готовы к важному заявлению».

«Прямо сейчас?» – переспросил капитан.

«Да, хотелось бы. Подходи, Гоша, есть что сказать».

– Вызывают? – протянула она. Он кивнул, с сомнением глядя на жену.

– Ты иди, я уже не денусь никуда. Давай-давай, потом поговорим, – вздохнула она и кивнула на дверь. Орлиевский словно прирос к полу. Щеки его перекосились, лоб пульсировал. Анне на долю секунды стало ощутимо страшно. Георгий производил впечатление человека, перешагнувшего некую эмоциональную черту. Человека вне привычных границ, посему безусловно опасного. Она старалась смотреть прежним беззаботным взглядом, но понимала, что ее страх заметно плещется на дне сузившихся зрачков.

– Грэг. Тебя вызывают.

– Я успею, – сипло ответил он. Она слышала запах его дыхания и одежды.

–К кому приехала? – выдохнул он ей в лицо.

Анна окаменела. «Не надо было тут появляться», – мелькнуло у нее в голове.

– Не надо было тебе тут появляться, Аня, – проговорил Орлиевский и тяжелой походкой направился на выход.

Остановился в дверях, оглянулся и, тихо прикрыв за собой дверь, быстро пошел по коридору.

2

Оставшись одна, Анна еще долго продолжала стоять на прежнем месте. Глаза прилепились к серому цветку на ковре, но у нее не было сил перевести взгляд. Она чувствовала тяжелую усталость, словно волокла на себе непомерный ее весу груз, почище любого бурлака. Стало ужасно душно и даже жарко, хотя было уже довольно сумеречно и солнце не могло уже сильно нагревать комнату. С усилием оторвав ноги от ковра, Анна шагнула к креслу и упала в него, бессильно раскинув руки и ноги. По спине ползла капелька пота. Да, разговор вышел так себе. Просто чудо что за разговор. Хотелось немедленно помыться. Тут мелькнула светлая мысль, что она на курорте, и Анна даже слегка улыбнулась. К чему мыться, когда можно пойти купаться в море. Интересно, что за несколько месяцев на побережье средиземного моря такая идея ее ни разу не посетила. Чему виной был конечно же искусственный бассейн в гостиной, уходить от которого ей абсолютно не хотелось. А теперь, в душной комнате бывшего пансионата море показалось Анне шикарной затеей. Она встала с кресла, заглянула в ванную комнату и стащила с крючка огромное белое полотенце. Огляделась в поисках ключа и, не увидев ничего похожего, осторожно прикрыла дверь.

Дорожка к морю шла между корпусами, огибая кипарисы и клумбы с анютиными глазками. Местами китайцы уже приступили к облагораживанию территории, но весьма выборочно и пока что чисто декоративно. Тут и там поблескивали иллюминацией щиты с рекламой и просто всяческой красотой, освещая довольно густые сумерки. Анну не смущала подступающая ночь, она обожала купаться в темноте. Когда-то они с Георгием уплывали весьма далеко по лунной дорожке, чтобы точно не наткнуться на слишком смелого пловца, могущего стать невольным свидетелем их любви. Тогда ей все это ужасно нравилось: и отсутствие дна под ногами, и беспроглядность вокруг. Все придавало ощущениям особенный вкус безнаказанности. Сейчас же ей было неприятно вспоминать об этом.

Когда она подошла к воде, было уже почти совсем темно. Анна скинула с себя всю одежду и медленно пошла в воду. Апрельское черное море не могло порадовать теплом, но Анна

и не ожидала чудес, она знала, что вода холодная, и это ее особенно бодрило. Ей хотелось почувствовать иголки холода на своем измученном жарой, усталостью теле. Осторожно пощупав воду большим пальцем ноги, она зашла по щиколотку и остановилась, подняв лицо к небу в попытке рассмотреть хоть одну звездочку. Небо было затянуто влажными облаками, и звезд практически не было видно. Анна вздохнула и замерла. В полутора метрах от нее стоял голый мужчина.

Темнота стала уже практически полной, только вялое пятно луны и бликующие волны давали возможность ориентации в пространстве. Рассмотреть черты лица этого внезапно образовавшегося человека было практически невозможно, но Анна узнала его немедленно. Это был абсолютно голый и мокрый второй пилот шаттла «Венера» Джерри Картер.

Пару часов назад Джерри прекрасно поплавал, вышел на берег, всласть повалялся на солнце, обсох, окунулся еще разок. Солнце уже шло к закату, когда Тамерлан предложил ему присоединиться к ним в его номере. Джерри пообещал скоро быть, отключился от сети и совершал масштабный заплыв в наступающих сумерках. После того, как он понял, что вся подготовительная фаза завершена, что все, что могло быть установлено и прикреплено, таки установлено и прикреплено и можно наконец лететь из этой дыры, ему захотелось движения. Все мускулы ломило, как будто он их отлежал. Хотелось прыгать, бегать, кричать. Джерри уже очень долго торчал на земле, он целую вечность не был в космосе, не ощущал отрыва от поверхности, не переживал риска и куража. В нем все застоялось и забродило. Разбивая бугристыми руками непрозрачные ночные волны, Картер представлял, что летит. Летит сам по себе, без шаттлов и самолетов. Просто летит в пространстве, и нет для него преград.

Наплававшись до усталости, Картер, отплевываясь и протирая соленое мокрое лицо, выходил на берег. А выйдя, оказался перед голой женой командира Орлиевского.

В первый же вечер после их «теплого» первого знакомства с Анной Картер определил для себя два бесспорных для его опыта и знания жизни факта. Первый: таких женщин на свете одна, и его тело теперь знает о ее существовании. Второй: любое соприкосновение с ней разорвет его на части и развеет по ветру прах его души. С учетом ее замужества с командиром полета Орлиевским, ее существование ни при каких

обстоятельствах не могло озарить его, познавшего всевозможную романтику, Джерри Картера, жизнь светом и радостью. Так что любые мысли об Анне Картер гнал всем своим организмом, который, в свою очередь, хватался за каждую из этих немалочисленных мыслишек, и реагировал на них со всем блеском пубертата. Что приводило Джерри в какое-то смешанное состояние ярости, отчаяния и гордости.

Джерри застыл, глядя на голую Анну. То, что происходило, было настолько сюрреалистично, что его разум позабыл все возможные выходы из этого положения. Реагировал только организм. По всему телу прокатилась горячая волна, уши заложило, будто Джерри их заткнул себе пальцами, и теперь ему слышно его собственное шумное дыхание изнутри. Он уже знал, что выглядит абсолютно непристойно, но не шевелился, впившись взглядом в Анну.

Мохнатая туча уползла с прежнего места, и теперь лицо Анны было хорошо различимо в мягком лунном свете. И это было странное лицо. Анна смотрела на него остановившимся неживым взглядом, и взгляд этот держал волю Картера как крепкий мужской кулак, не позволяя ни отвести глаз, ни пошевелить ни единым мускулом. Женщина медленно двинулась к нему и остановилась в сантиметре от Картера. Он слышал запах ее волос и чувствовал тепло ее кожи. Абсолютное знание, что надо немедленно одеться и уйти, желательно изящно пошутив про нелепость произошедшего, жило в его мозгу отдельно от образовавшейся новой реальности. Джерри знал, что это знание теперь не имеет силы и точно ничего не изменит. Он врос ногами в гладкую гальку и замер, впитывая в себя ее тепло и запах.

Анна не произнесла ни слова. Она как сомнамбула, не отрывая остановившегося взгляда от лица Картера, все ближе подносила свое тело к телу Джерри, пока он не почувствовал прикосновение ее груди. Гул в ушах перешел в протяжный звон, Джерри дернулся всем телом в истерической попытке остановить происходящее, но Анна медленно положила холодную ладонь ему на щеку и прижалась к нему вся целиком, холодная и горячая одновременно. И прежний мир Джерри Картера умер, остался лишь еле различимый шелест моря и шорох мелких плоских камней под его телом.

2055

Лиза Малкин вышла из кэба в закрытой зоне. Навигатор-программа в образе одетой в розовое служащей космодрома вежливо указывала ей путь до зоны посадки, проговаривая заранее все повороты и проходы. Она успешно дошла до входа в просторную светлую комнату ожидания. Там еще никого не было. Лиз села в кресло, стараясь расслабить сведенную от напряжения спину.

Через некоторое время двери открылись, донесся шум провожающей толпы, музыка. В комнате один за другим появляться туристы. Лиза прекрасно помнила лицо каждого входящего пассажира, но старалась не смотреть ни на кого, тщательно избегая контакта глазами. Все участники сегодняшнего полета входя в салон садились на удобные кресла, некоторые переговаривались, те, кто был один, молча улыбались входящим.

Из зоны отправки продолжали звучать имена улетающих. Вдруг донесся истошный вопль. Лиза услышала свое имя.

«Смит», – поняла она и вжалась в спинку кресла.

– Лиз!! – доносилось издалека. – Мэг!!

Мэг!

Это словно пронзило ее мозг. Мэг! Он догадался? Он всегда знал? Он помнил, что муж назвал ее тогда именно Мэг?..

Привычное состояния помешательства окутало ее. Видимо, этот полет действительно единственная возможность что-то понять. Единственная и последняя.

Криков больше не было слышно. Те из туристов, кто обратил на них внимание, озабоченно переглядывались, не понимая причины скандала. Но вскоре все улеглось, и в комнате возникла высокая фигура капитана и женщины-сержанта в летном костюме.

– Приветствуем вас, дорогие путешественники, – сказала она. – Наш экипаж, возглавляемый капитаном Ильей Орлиевским, рад встрече с вами и гордится возможностью познакомиться с такими отважными путешественниками, ведь нужна известная смелость, что бы решиться на такое приключение!

Она лукаво улыбнулся и даже собралась поднять вверх указательный палец, но жест застрял на полпути, и руки просто распахнулись, словно для объятия.

– Наша команда сделает все для того, чтобы этот день навеки остался в ваших сердцах, – проникновенно продолжила сержант, придав голосу всю возможную лиричность.

«Как на похоронах», – пронеслось в голове Лиз. Она дернула плечом и огляделась. Капитан молча стоял рядом, лицо его было одето в маску доброжелательности, но что-то подсказывало, что ему не очень нравится вся это приторная восторженность. Большинство из тех, кто готовился к полету, сидели с просветленными, полными предвкушения лицами, только у пары–тройки человек в глазах читалось некоторое напряжение.

– Так какие у нас планы, сэр? – иронично спросила высокая женщина неопределенного возраста. Капитан мягко улыбнулся:

– Мэм, планы самые прекрасные. Сейчас сержант Ли Чи проводит вас в комнату переодевания, там вам помогут надеть костюмы, и мы пригласим вас занять места согласно режиму взлета.

– Я думала, вы скажете: согласно купленным билетам, – усмехнулась дама и последовала за Ли Чи. Остальные пассажиры потянулись вслед за ней.

Через некоторое время пятнадцать человек в белых комбинезонах и все члены экипажа сидели полукругом в глубоких черных креслах, глядя в потолок. Лиза, плотно пристегнутая, вцепилась в подлокотники и зажмурилась. Впервые за все время ей стало действительно страшно. В голове звучал голос Билла, вспоминалось его лицо, словно внезапно потрескавшееся на отдельные фрагменты, когда он узнал о ее планах. Вспомнилось лицо мужа, такое, как в рекламе. Такое, каким она впервые увидела его двадцать восемь лет назад.

– Подготовка к взлету. Запуск первого двигателя...

Раздавались команды, установка рычала, трещала, бурчала, потрясывалась, Лиза зажмурилась, еще сильнее вцепилась в поручни. Тяжесть вдавила ее в кресло, уши заложило. Ей казалось, что взлет происходит невыносимо долго, хотя

прошло не более семи минут. Несмотря на все современные защиты от перегрузок при взлете, ее не очень спортивный организм отреагировал достаточно тяжело. Когда Лиз наконец открыла глаза, остальные сидящие широким кругом пассажиры весело обменивались впечатлениями. Видимо, им отрыв от земли не показался таким тяжелым. Только пожилая пара сидела по-прежнему вцепившись в поручни. Лицо у женщины было бледное, покрытое ярко розовыми прожилками. Муж смотрел на нее озабоченно, но было видно, что ему тоже взлет давался не легко.

– Как вы себя чувствуете, сэр?

Сержант Ли уже отстегнула ремень и красиво парила к ним в невесомости.

– Я в порядке. Вот Оливия, похоже, не в форме...

– Я в форме, – не открывая глаз ответила Оливия. – Все в порядке.

– Вы обязательно скажите, если что-то понадобится, мэм, – сержант Ли еще раз улыбнулась Оливии и обратилась ко всем остальным:

– Господа. Мы в космосе, на высоте восемьсот километров от земли. В ближайшие часы высота полета будет расти, и конечная орбита должна достигать двенадцати тысяч километров. На достигнутой высоте наш корабль совершит один оборот вокруг Земли. За это время Сфера трижды выйдет в открытый космос, пилотируемая шаттлом с нашими славными пилотами, которые в данный момент находятся в командном отсеке корабля. Сейчас я приглашаю вас отстегнуть ремни и подняться в верхний отсек, где создана искусственная гравитация, и вы можете наслаждаться полетом, прекрасными закусками и наблюдать за звездами. А также ознакомиться с расписанием вашего выхода в сферу. Мы разделили вас для вашего удобства на три группы по пять человек, учитывая ваши пожелания.

Люди начали отстегиваться от кресел. И тут появились некоторые затруднения. Совладать с собственным телом, плывущем в воздухе, оказалось вовсе не так просто, все натыкались друг на друга, одного из банкиров перевернуло, когда он слишком энергично полетел к проходу в верхний отсек. Вышла некоторая кутерьма. Пианист не решался

отпустить поручень. Немедленно двери командного отсека открылись, и на пороге появились две высокие девушки с длинными гладкими волосами, одетые в блестящие комбинезоны, которые провожали каждого из пассажиров, кружась, словно русалки. Это было так красиво, что Лиза на долю секунды отвлеклась от своих мыслей. Когда же одна из русалок подплыла к ней самой, Лиз очень шустро подлетела над креслом и вполне самостоятельно скользнула в люк. Она поднималась по трапу, ощущая все сильнее и сильнее гравитацию. Вскоре она уже твердо стояла на ногах посреди белого зала с огромными окнами. Красота вокруг была небывалая. Лиза затаила дыхание и медленно подошла к окну. Звезды. Миллионы, миллиарды звезд, словно рассыпанные слезы, переливающиеся всеми оттенками мира. Эта бездна втягивала в себя, забирала твою волю и дыхание, диктовала свои законы существования.

– Как у капитана Немо, – прозвучало за спиной. Лиз с трудом обернулась. Сзади стояла та самая высокая дама, представленная баронессой, и завороженно смотрела вдаль.

– Капитан Немо? – повторила Малкин.

– Да, Немо. Не слыхали о таком? – та иронично усмехнулась. – Ну конечно. Вы слишком молоды, чтоб быть с ним знакомой лично.

– Он космонавт?

– Он скорее мореплаватель, дорогая. Но тоже любит показывать людям захватывающие картины.

– Он жив? – спросила Лиза. Она все время чувствовала подвох в этой беседе, но не знала, за что зацепиться.

– О, к сожалению, нет. Давно умер, лет сто пятьдесят назад, я полагаю. Даже я не застала его.

– Зачем вы так говорите, вы молодая женщина.

– Я-то? – дама засмеялась. – Ну, понятие молодости в наше время довольно сильно пролонгировали, конечно. Но я в него все равно не вписываюсь, – и, отвечая на вопросительный взгляд Лизы, коротко сообщила:

– Мне девяносто семь. И не надо так смотреть. Просто с молодости надо следить за собой, дорогая. Ну и медицина, конечно, сделала впечатляющий шаг вперед. Что уж тут греха

таить... Альцгеймера тоже нет, президента Кеннеди помню в лицо.

Она ехидно усмехнулась и прошла дальше по залу. Длинные ноги, прямая спина, волосы, красиво лежащие на плечах, походка танцовщицы. Лизе захотелось сделать зарядку немедленно.

К этому моменту все путешественники уже были в зале и наслаждались видом. Как только первые из них начали отходить от иллюминаторов, в зале зажегся свет. Посередине стояли три стола, сервировка каждого была рассчитана на пять персон. Рядом с приборами лежали именные карты, выполненные на натуральной бумаге с вензелями. Тихий воркующий голос указывал каждому из пассажиров номер его стола. Лиз нашла свое место. Карточка с ее именем располагалась между парой молодоженов из Люксембурга (до Малкин донеслось что-то о принадлежности к королевской фамилии) и нефтяным магнатом. А пятой к их столу неподражаемой походкой шла ее недавняя знакомая.

Лиз исподтишка оглядела остальные столики. Футболисты вели себя шумно, пожалуй, слишком шумно для подобного общества. Их поведение явно раздражало приятелей банкиров. Забавная парочка, пронеслось у нее в голове. Один такой высоченный индус, худой, носатый, а другой толстый, приземистый и губастый араб, как будто кто-то нарочно подобрал их в комический дуэт.

– Один из них трансгендер.

Лиза резко обернулась от неожиданности. Магнат смотрел на нее из-под кустистых бровей, его широкие ноздри играли от едва сдерживаемой усмешки.

– Попробуйте угадать, кто именно.

– Не смущай леди, Тихон, – вступила в беседу баронесса. – Видишь, девочке и так неуютно в нашей компании.

– А по-моему, это забавно. И девочку это не ранит, она выросла среди подобных вещей. Бытовая штука, да, девочка?

– А вам что, тоже девяносто семь? – выпалила в упор Лиз, впиваясь глазами в его крупное мужественное лицо. Если бы не разговор с дамой, она бы дала ему не больше шестидесяти.

– С чего это вы взяли, мисс? – испугался магнат. – Кстати, мы не представились. Тихон Ермаков. Нефть, Газ, Любовь.

– Это девиз? – спросила Лиза, пожимая протянутую магнатом руку.

– Нет, дорогая. Это название компании.

– Поняла. Красиво. Только странно, что еще существует нефтяная компания. Думала, больше ни одной не осталось.

– Уже давно не существует. Так что – увы. А может, и не увы. Но вот что точно существует – это накопленное благодаря ей состояние. Надеюсь, просуществует еще какое-то время. Так как ваше имя, девочка?

– Я Мэг, – твердо ответила Лиз, долго готовившая себя к этому вопросу. – Мэган Мерфи.

– Очень приятно. Чем занимаетесь, Мэг?

Лиза замялась на пару секунд, потом уверено произнесла:

– Художник.

– О, у вас очень полезное образование в нашем походе. Вы можете рассказать нам массу пикантных деталей. Из жизни звезд, я имею ввиду, – и магнат Тихон изо всех сил поднял вверх богатые брови, как бы намекая на что-то очень личное.

– Договорились, – он определенно начинал ей нравится. – Так кто из них трансгендер?

– Так я вас спрашиваю. Все пытаюсь отгадать, извелся. Хотя, я думаю...

– Что вы думаете?

– Думаю – оба. Иначе смысл было менять пол?

Они засмеялись. Лиз снова быстро оглядела другие столы. Стол слева, в отличие от стола с банкирами и футболистами, не был полностью мужским, зато был самым тихим. Отец и сын Ямото сидели не шевелясь. Отец с непроницаемым лицом смотрел через плечи сотоварищей в звездные кружева, сын привычно застенчиво улыбаясь, прятал глаза от всех. Ее глаза приклеились к нему. Невероятное лицо. То ли монголоидное, то ли индейское, абсолютное в своей гармоничности. Кожа смуглая, волосы же светлые, волнистые, и глаза светло зеленые, прозрачной чистоты. Идеальна каждая черта, складка губ, нервные тонкие ноздри. Красота подвижная, текучая,

готовая превратиться как и в ангельский лик, так и в портрет Дориана Грея. Лиза любила Оскара Уальда. От матери остался истрепанный карманный томик. Она утащила его к себе на антресоли в восемь лет и измусолила окончательно. Зато история мистера Хайда и доктора Джеккила, следовавшая за грустной повестью Дориана Грея, отпечаталась в каждой складочке ее маленького, спящего щекой на книжке, существа.

Молодой человек почувствовал ее взгляд и поймал его до того, как Лиз успела сбежать глазами. Лиза окаменела. Молодой Ямото, начав было улыбаться ей, остановился на полпути, удивленно глядя в ее остановившиеся глаза.

– У вас все в порядке? – сержант Ли заботливо склонилась над Лиз, разорвав их взгляды.

– Да, все отлично, – вымученно улыбнулась в ответ Лиза, покосившись на Ямото. Он уже снова смотрел на мерцающие пятна звезд. Рядом с молодым Ямото сидели пожилые супруги Куперы. Они о чем-то тихо переговаривались, потягивая чистую воду из соломинки. Последним был пианист. Он нервничал. Никакого восторга по поводу небесных светил на его лице не читалось.

Странно, подумала Лиз, отдать такие деньги за собственные мучения. Ведь он явно не хочет никаких планет, бедняга.

Девушки-русалки разносили коктейли и закуски. Промелькнул дальневосточный краб, тарталетки с паюсной икрой кружили от стола к столу, блюда с фруктами и фаршированной рыбой (перед рыбой на блюде лежала визитка изготовительницы и ее фото). Вино, шампанское.

Просто пир на Титанике какой-то, промелькнуло в голове. Но Лиза моментально отругала себя за подобные параллели. Тут уж и Карпатия не спасет, далековато от земли... Так что не будем портить себе аппетит.

Через некоторое время, когда завтрак постепенно подошел к концу, в салоне снова появился капитан. На сей раз он был в компании двоих пилотов.

– Привет, Билли, – пробормотала Лиза. Голову опять сжало. Но уже не так, как в первый раз. «Человек ко всему привыкает, даже к привидениям».

– Дорогие мои гости! Мы переходим к самому долгожданному в нашей программе! Сфера!

Все зааплодировали, заиграла воодушевляющая музыка. Капитан продолжал:

– Итак, я предлагаю первой пятерке пройти по своему звездному пути!

Пилоты демонстративно широким жестом подали руки банкирам. Футболисты вскочили самостоятельно, громко улюлюкая и жестикулируя. По дороге к отсеку со Сферой все оглядывались и махали руками оставшимся в зале.

– Ну посмотрим, что они нам расскажут, – пробормотала баронесса.

– Надеюсь, им понравится, – сказал молодой королевич, ища взглядом поддержки своей принцессы. – Вернее, очень рассчитываем на это, да, дорогая?

– Конечно, дорогой, – принцесса одобрительно погладила его по щеке. Оба этих холеных барчука ужасно раздражали Лизу, хотя видимой причины не было никакой. Раздражали и все.

– Наш столик третий. А должен был быть первый, между прочим, вы ведь этого хотели, мадам? – обратился Тихон к даме.

– Нет, Тихон. Первой я хотела зайти на борт, а ставить на мне опыты вовсе не обязательно. Вдруг у них что-то пойдет не так?

– О, узнаю ваш неповторимый шик. Дорогая, вы так прекрасно окрашиваете события.

– Придаете окраску, вы имели ввиду?

– И придаете, и окрашиваете.

– Ну вас, Тихон.

– Вон они, – раздался голос Микки Ямото, который стоял, прильнув к иллюминатору. Все направились к нему и облепили окна. – Вон они, там, на четыре часа! Видите?

Лиза тоже прилипла лицом к стеклу. Вдалеке будто в бархате летал прозрачный шар. В нем едва можно было различить силуэты плавающих людей.

– Неужели это десять километров? Так видно все! – спросила Оливия Купер.

– В вакууме расстояние не ощущается как на земле. Да и что такое здесь эти километры, когда все измерено световыми годами? – ответил ей муж. Все взгляды устремились за Сферой.

– А как они вернутся? Там есть управление внутри? – это уже проявляла любопытство королевишна.

– Она прикреплена тросом к шаттлу, внутри управления движением нет, только связь с пилотами и датчики, – ответила баронесса. Она не вставала со своего места, наблюдая за сферой из-за стола. – Я изучала этот вопрос.

– Датчики чего?

– Всего. Кислород, давление, расстояние. Сержант Ли должна иметь полную картину. Она же там, внутри.

– А пилоты в шаттле?

– Пилоты в шаттле. Их даже двое, тоже на всякий случай.

– Интересно, – протянула молодая жена наследника трона королевства Люксембург – маленького богато декорированного памятника старушки Европы на карте реального, практически полностью азиатского, мира. Своего рода Диснейленда европейских традиций. Поездка в этот оазис стала в некотором роде неизбежной для уважающих себя бизнесменов и Китая, Кореи, Индии и других восточных регионов. В этом был особый шик.

– То есть, если вдруг что-то произойдет?..

– Что произойдет? – послышался глухой голос пианиста. Он был бледен и немного излишне пьян для завтрака. – За эти деньги что-то по-вашему еще может произойти?

– Конечно же, ничего не может произойти, – за его спиной образовалась одна из русалок, она протягивала ему тарелку с какими-то невиданными, естественно выращенными фруктами, названия которых Лиз даже и не знала. Пианист посмотрел на тарелку и едва подавил рвотный спазм.

– Смотрите, они уже приближаются! – сказал Тихон. И действительно, Сфера, влекомая шаттлом, плыла к ним в ночи. Это было необыкновенно красиво. Подсвеченная изнутри голубоватым светом, она была похожа на маленькую планету или огромный мыльный пузырь. Тела людей свободно и плавно передвигались внутри, видимо, пристегиваться не было необходимости. Наконец перед их глазами проплыл шаттл и

скрылся за корпусом корабля. Сфера, плавно переливаясь, тоже уплыла из зоны видимости. Зрители стояли, затаив дыхание.

Когда первые пять космических туристов снова появились в зале, раздались бурные аплодисменты. Футболисты громко делились впечатлениями, банкиры таинственно улыбались и крепко держались за руки. Вид все имели взбудораженный и довольный.

Сержант пригласила следующую группу пройти к Сфере. Но тут произошло непредвиденное. Пианист посерел, сел в кресло и буквально врос в него, упираясь руками и ногами. Он даже не говорил «нет», он издавал утробный гул, которого, впрочем, вполне хватало, чтобы понять, что в Сферу он не пойдет ни при каких условиях. Русалки кинулись к нему, гладили по скрюченным гениальным рукам, ворковали нечто успокоительное, но общая картина не менялась.

Капитан подошел к Лизе и нежно обнял ее за плечи.

– Дорогая Мэган, вы единственная, кто может спасти это положение.

– Каким образом, сэр? – Лиза смотрела на его приятное усталое лицо в полном непонимании.

– Вы не могли бы пойти нам на встречу и заменить нашего дорогого Поля? Не могу сразу принять факт его отказа от полета, – продолжал капитан, – может, еще есть шанс, что он передумает?..

– Не похоже, – посмотрев на замершего в кресле пианиста, проговорила Лиза.

– Ну в любом случае, если бы вы могли заменить его в этой пятерке... Я обращаюсь к вам, так как вы не говорили о ваших предпочтениях в вопросе компаньонов. Баронесса хотела полететь с мистером Ермаковым, супруги тоже не пожелают разлучаться. Вы наша последняя надежда. – И, наклонившись к самому ее уху, добавил:

– Очень не хочется получить иск на миллионы, что мы лишили его возможности... Ну, вы понимаете...

Лиза понимала. Она молча кивнула капитану и пошла к сержанту Ли Чи, помахав на прощанье баронессе. Баронесса и магнат ободряюще улыбались и махали ей в ответ.

– Полетели, – пробормотала себе под нос Лиза Малкин и пошла к сфере.

2034

1

– Почему ты молчишь? – Тамерлан смотрел на Георгия без привычной мягкой улыбки. Орлиевский поднял глаза и слегка пожал плечами.

– Что я должен говорить? Ты не задавал мне вопросов. Готовы – прекрасно. Подтвердил взлет – замечательно. Когда, кстати?

– Я же все сказал. Послезавтра. .

– Я спрашиваю время. И кто ведет полет.

– Взлет предположительно два тридцать утра. Но там могут быть небольшие отклонения. Веду полет я.

– Один? – тихо спросил Родригес.

– Один, – кивнул Магометов. – Уверяю вас, при тех технологиях этого достаточно.

– Достаточно, так и прекрасно.

Тамерлана сильно нервировало равнодушие Орлиевского. И даже не из-за личного отношения к тому делу, что их всех ожидало. Магометов считал, и не безосновательно, что это ненормальное состояние перед таких неординарным вылетом. Он предпочел бы страх, нервы, но не это жабье спокойствие и безразличие. Это было признаком глубокого нервного расстройства, с которым летать категорически не рекомендуется. Тамерлану даже хотелось, чтоб командиру просто было плевать на весь этот проект. Что бы это являлось единственной причиной.

– Где Картер?

Вопрос Родригеса вывел Магометова из раздумий.

– Давно должен быть. Хотя, с другой стороны…

Он не успел закончить фразы, как дверь распахнулась и в комнату ворвался Картер. Он именно ворвался, словно за ним гнались. Вид у него тоже был несоответствующий поводу встречи и времени суток. Светлые волосы были абсолютно мокрые, влажная мятая футболка была обвязана вокруг бедер, клочками закрывая не менее мятые извалянные в песке шорты. Захлопнув с силой дверь, он рухнул на хлипкий серый стул у двери и откинулся, касаясь затылком стены. На стене сразу образовалось мокрое пятно.

– Ты откуда такой резкий? Купался что ли? – спросил его Магометов, немного обалдев от энергетики вошедшего.

– Люди интересуются деталями, – продолжил он.

Джерри обвел всех странным длинным взглядом и уперся глазами в Тамерлана.

– Скажи, шеф, – хрипло начал он, – на хрена нам этот тренировочный полет?

– Что значит На Хрена? – опешил шеф. – Вы же ни разу не летали вместе…

– А зачем нам вместе летать? – оборвал его Картер. – К чему эти сопли? Мы что, дел своих не знаем? И потом, если окажутся проблемы с навигацией или возвращением, то тогда мы вообще можем твою штуку не опробовать. Останемся там, – он неопределенно покачал ладонью над заведенными к потолку глазами, – на небесах, и никакого тоннеля. К чему горючее тратить, шеф? – он глумливо хмыкнул и обвел глазами всех троих присутствующих. - Лететь так лететь. Нечего… сиськи мять, – добавил он, и вдруг лицо его налилось кровью, аж до синевы.

– Эй, Джерри, ты в порядке? – осторожно спросил Магометов.

– Я-то? В полном! В полном порядке! – гаркнул тот. – Так зачем нам эта тренировка, Тамерлан?

– Что ты предлагаешь? – тихо спросил капитан.

Картер обернулся к нему всем телом и наклонился, поднеся свое лицо вплотную к лицу капитана.

– Предлагаю использовать сразу эту чертову хрень, супертопливо его, – он кивнул на Магометова, – и пробовать совершать переход. И все. Хватит. Эксперимент затянулся. Пора заканчивать.

Они уставились друг на друга, бледный, с точеными чертами лица и пронзительным взглядом Орлиевский и широкоскулый, загорелый, синеглазый Картер.

– Согласен, – произнес Орлиевский после долгой тишины. – Давай так и поступим.

– Что значит, так и поступим? – Тамерлан просунул свое возмущенное лицо меж их скрестившихся взглядов. – Какого черта вы тут решаете?

– Не вопи, Тамик, – не отрывая взгляда от Картера, проговорил Орлиевский. – Я согласен, незачем тянуть.

– Есть зачем, – отрезал Тамерлан. – Вы что, полагаете, что у меня бочка этой субстанции? Вы считаете, что мне их в Китае варят и цистернами шлют?

– Так как-то ты же собирался ускорить «Венеру», – недоуменно пошевелил бровью Георгий.

– Собирался. Один раз. Последняя и абсолютно неповторимая на данный момент доза биоускорителя, фактически украденная у ТАКА из-под носа. Ровно на один эксперимент. И я не собираюсь вылить все в канализацию!

Тамерлан запнулся, понимая, что попал в своего рода тупик.

– Таааак, – протянул капитан, – то есть, как я понял, ты сначала должен получить гарантии нашего возвращения в принципе, прежде чем использовать дорогую твоему сердцу хрень?

– Она дорогая не только моему сердцу, Гоша. Ей цена миллиарды. И она мой последний шанс. У меня не будет больше возможности воссоздать этот образец без содействия ассоциации. А содействия без доказательств успеха не будет. И я не буду рисковать сейчас.

Тамерлан замолчал и покосился на Родригеса и Картера. Индеец сидел с каменным лицом. Картер же производил очень странное впечатление. Тамерлан не мог понять, относится ли это новое для Джерри диковато-отчаянное выражение лица к этому конкретно разговору, или он все же принес его с собой в комнату откуда-то снаружи.

– Так что так дело не пойдет. Сначала пробный полет. Может, вы вообще не дотянете до расчетных координат. Там ионные бури. Там метеоритные потоки. Не известно, как поведет себя машина. И если вы почувствуете, что вам туда опасно соваться, то развернетесь раньше. Мне надо знать, что вы доставите «Венеру» на точку расчета и вернетесь обратно. Иначе затея не имеет смысла. И закроем тему.

– Значит, так, – неожиданно утробным голосом вдруг проговорил Картер. – Мы полетим один раз. Мы доставим ваше сокровище куда необходимо и вернемся назад. И все произойдет в самые сжатые сроки, вы все прекрасно организуете, вы сможете, уверен. Иначе я встаю сейчас, выхожу из этой комнаты, и мы больше ничего никогда не обсуждаем.

Повисла тишина. Картер уставился на Магометова. Тамерлан пытался переварить услышанный ультиматум. Орлиевский же разглядывал мокрые волосы Джерри и пропечатанные следы от гальки на его спине.

– Соглашайся, Тамерлан, – неожиданно раздался голос Родригеса. – Мы все сделаем как надо. И тянуть действительно не стоит.

Магометов поднял на индейца почти жалобный взгляд. Тот ответил ему легким кивком, мол, поверь, так лучше. Впервые Магометов увидел в глазах огромного механика «Венеры» какой-то отблеск человеческого тепла.

– Если ты не хочешь рисковать экспериментом, шеф, делай так как говорит Картер. Не стоит рассчитывать на второй раз.

Тамерлану яростно захотелось курить. Он не делал этого больше двадцати лет, и уже и не думал, что подобное желание может его посетить. И вот, кто бы мог подумать, у него даже губы вытянулись в трубочку от желания затянуться, и свело где-то в бронхах. Он затравленно оглядел комнату, отыскал глазами мини бар – ровесник динозавров или первого глобального потепления – и метнулся к нему, надеясь на спиртное. Что самое удивительное, там действительно оказались небольшие бутылочки с вином и виски. Тамик нервно отвинтил крышку сувенирного бренди и выпил его одним глотком. Картер, следивший за его движениями, неторопливо последовал примеру Магометова и осторожно открыл вторую такую же малютку с виски.

– Хорошо, – выдохнул наконец Тамерлан. – Тогда я переношу запуск. Лечу к себе и привожу биоускоритель.

– Сам? – удивленно протянул Орлиевский.

– Сам. Ты не представляешь, какая это компактная вещь, Гоша. Но приготовиться к использованию все равно займет некоторое время. Думаю, пару дней. Так что если завтра я улечу, к вечеру буду обратно. Так устроит? – обернулся он к Картеру.

– Да, – кивнул тот. – Почему к вечеру только вернетесь? Могли б завтра начать.

– До Сан-Франциско быстрее чем два часа в одну сторону не выйдет вместе со всеми посадками-высадками. А там ты же знаешь… От космопорта до дома дольше, чем поперек планеты.

Так что как ни беги, думаю, день уйдет. Нет, я не закажу через службу доставки, – энергично замотал он головой на невысказанное предложение Картера, – не тот случай, совсем не тот.

– Окэй, – коротко согласился тот. – Значит отправляемся через три дня. Шаттл полностью готов, я все перепроверил сотню раз. Все, закругляемся. Устанавливайте, проверяйте и объявляйте время начала эксперимента. Мы сделали все, что могли.

– В таком случае, я лечу с вами, – раздался за их спинами голос Анны.

Магометов, Родригес и Картер как по команде резко повернулись к ней. Орлиевский же не шелохнулся, только прикрыл глаза в попытке расслабить сведенные мышцы лица. Угол носогубной складки едва заметно подергивался, из-за чего у капитана шевелился нос и немного глаз. Он старался не видеть Анну, не видеть ее мокрых волос, изгиба спины и талии, ложбинки над вырезом, образовавшейся из-за сложенных на груди рук. Даже с закрытыми глазами он ощущал облик жены до малейших подробностей.

«Что там сказал Тамик? Ионные бури и метеоритные дожди?» – горькой насмешкой пронеслось в голове. Орлиевский заставил себя выдохнуть и открыл глаза.

– В каком – таком случае? – спросил он жену, стараясь говорить максимально спокойно.

– В том, что это оказывается основная часть программы, – усмехнувшись, ответила она.

– Подожди, ты отказывалась принимать участие именно в основной ее части. Ты говорила, что это опасно до идиотизма и не менее бессмысленно. Что козы молодцы, что сенсоры на них и все приборы наблюдения вполне справятся с такой задачей, что человеку там делать нечего. Да? Нет?

– Да. Нет. Все изменилось.

– Боже! Что же, смею спросить? – Георгий чувствовал, что скоро перестанет быть удобоваримым в общении. И совсем не хотел играть роль клоуна, которую все больше примеривал на себя.

– Обстановка по больнице. Все летят. Причем за деньги, как я понимаю.

– Тебя не учли в бюджете, Аня.

– Учтут, – внезапно влез Тамерлан. – Учтут. Она нужна там, Гоша, я тебе сразу говорил.

Он замолчал на секунду и быстро произнес:

– Это я ее вызвал. Она прилетела, так как я уговорил ее лететь.

Анна подняла на Магометова остекленевшие глаза, а потом кивнула Орлиевскому, подтверждая сказанное.

– Она очень нужна. Нужен живой человек, снимающий показания с тех, кто пристегнут к датчикам.

– Что значит «пристегнут»? – удивленно протянул Родригес.

– Да, это одна из деталей. В момент перехода каждый занимает свое место и полностью подключается к сенсорам, снимающим все показания организма. И только один человек фиксирует наблюдения, сохраняя свободу передвижения. Лучше всего – медик.

– Медик вынесет перегрузки? – спросил командир.

– Должен.

– А я как раз медик. Военный, тренированный, если ты помнишь, – едко сказала Анна.

Григорий снова смотрел на Анну взглядом аппарата МРТ, желая заглянуть ей в мозг.

– Что же ты сразу не сказала о цели визита?

– Не успела? – полувопросительно полу утвердительно ответила она.

– У тебя было время.

– Не все так однозначно. Ты хочешь поговорить здесь и сейчас?

Орлиевский промолчал. Анна обвела комнату взглядом, стараясь тем не менее не коснуться им Картера. Тот в свою очередь с момента ее появления не шелохнулся.

– Тамик, я лечу. Так что учти меня и в смете, и в планах.

– Прекрасно, моя дорогая, – радостно ответил Магометов. Но радость на его лице не задержалась дольше секунды, он снова вспомнил об отмене пробного полета, и продольная борозда разрезала его лоб на две неравные части.

Все было оговорено, можно было расходиться. Первым поднялся со стула Джерри, кивнул неопределенно в воздух, таким образом прощаясь с компаньонами, и вышел в коридор. За ним последовал Родригес. Орлиевский продолжал сидеть в кресле, смотря сосредоточенным взглядом на ножку тумбы.

– Я пойду, Тамик, – сказала Анна. – Тут найдется же комната?

– Да, конечно. Самая распрекрасная, – ласково засуетился Тамерлан.

– У меня большая комната, Аня. Светло, тепло…

Орлиевский смотрел на нее с намеком на улыбку. Щека перестала дергаться, он расслабился и удобно расположился в своей бессильной безнадежности.

Анна и Тамерлан остановились на пороге при этих словах. Тамерлан вопросительно смотрел на Анну. Та судорожно подбирала слова для ответа, смысл которого был всем остальным абсолютно очевиден.

– Мне надо отдохнуть, Грэг, – неожиданно мягко ответила Анна. – Мы поспим, а завтра я приду к тебе. Днем. У нас же еще полно времени на курорте.

Ее мягкий тон поднял капитана с кресла. Он пошел к Анне, полагая, что они еще поговорят. Но она только кивнула ему и пошла по коридору, увлекая за собой Тамерлана. Орлиевский остался один. Один со своими мыслями, ее мокрыми волосами и следами от крымской гальки на голой спине второго пилота.

2

Картера трясло. Качественным крупным трясом. Дрожь не уходила уже пару часов. Не помог ни бренди в комнате шефа, ни еще три таких же уже из своего минибара. Он сходил в обжигающе горячий душ, после чего сел в глубокое массажное кресло – бонус его комнаты – завернулся в два одеяла, отхлебнул из четвертой по счету бутылочки. Дрожь не унималась. Больше всего Джерри раздражало щелканье собственных зубов, когда очередной раскат мурашек был особенно силен.

Все произошедшее было ужасно. И дело даже не в том, что он переспал с чужой женой. Вот уж подобного дерьма в его жизни было предостаточно. И зачастую это не казалось ему дерьмом,

а, наоборот, вызывало очень приятные воспоминания. Но ни одна из тех женщин не вызывала в Картере хоть в чем-то схожих ощущений. Он давно был уверен, что его ничем нельзя удивить. И вот он удивлен, причем не понятно, кем больше, собой или ею. Картер уже и не мог предположить, что способен на подобный накал и отключение мозгов. Когда пару часов назад на пляже он начал постепенно приходить в себя, его охватила паника. Они лежали, вцепившись друг в друга и ногами и руками, словно желая поглотить своим телом партнера, но при этом так и не сказали друг другу ни слова. И чем ближе подходил момент, когда надо будет эти слова произнести – не важно, какие именно, просто произнести слова, – тем отчаяннее ему хотелось бежать. Кончилось все тем, что он резко вскочил, схватил валяющиеся в нескольких метрах шорты и практически побежал с пляжа, кинув ей что-то невразумительное. Как подстреленное животное, пытающееся скрыться в кустах.

Это было настолько позорно, что невыносимо было даже думать об этом. Он все бежал и бежал в душе, стараясь отдалиться максимально от всех действующих лиц и событий этой свистопляски. Сама мысль о продолжении работы над экспериментом еще несколько недель вызывала у него еще больший прилив озноба. Бежать отсюда, немедленно, не видеть больше никого из этих людей. Некий намек на облегчение был в том, что полет будет один-единственный, и состоится весьма скоро, но ведь его тоже нужно пережить. А главное, надо поговорить с Анной.

Он стоял в своей комнате, прижавшись лбом к оконному стеклу и смотрел на бледно освещенный светом из окна ствол огромного тополя за стеклом. Стоял он так уже давно, не мог пошевелиться, не мог думать о завтрашнем дне, точно так же, как и не мог думать о сегодняшнем.

В дверь постучали. Сначала Джерри понадеялся, что ему показалось, но стук повторился. Он заставил себя оторвать лоб от окна и с усилием начал переставлять ноги по направлению к двери. Желание притаиться и не открывать, безусловно, посетило его, но остатки здравого смысла подсказывали, что этого самого здравого смысла в подобном поведении не будет. Им все равно придется говорить, так лучше здесь наедине, чем при командире Орлиевском, к примеру.

Картер открыл дверь. Анна стояла, прислонившись плечом к дверному косяку и смотрела куда-то вниз. Джерри уже стоял перед ней несколько секунд, когда она подняла на него взгляд.

– Я войду?

Это были ее первые слова, обращенные к нему после их первой встречи во Франции. Джерри посторонился, пропуская ее внутрь. Анна вошла в комнату и осторожно присела на край кровати. Картер стоял в дверях, не сводя с нее обреченного взгляда.

– Вы прекрасно бегаете, лейтенант, – без улыбки проговорила она, – вы профессионал?

Картер молча отрицательно мотнул головой, по-прежнему не в силах выдавить из себя ни слова. Анна подождала немного, потом встала и подошла к нему вплотную, в глазах ее было нечто нездоровое, агрессивно-опасное, отчего Картер немедленно захотел ее в миллион раз сильнее прежнего.

– Я, наверное, должна извиниться? Я, полагаю, вела себя неделикатно? – она поднесла белое от ярости лицо прямо к носу Джерри, он чувствовал и запах, и тепло, и, казалось, саму волну гнева, вылетающую из ее глаз. Джерри взял ее за плечи, еще секунда, и все начнется с начала. И тут он заорал.

– Ты понимаешь, что это какая-то невероятная хрень? – вернее, ему казалось, что он орет, выпучив глаза. На самом деле он шипел и каркал, все сильнее сжимая плечи Анны. – Ерунда чертова! Мы не знакомы, я тебя второй раз вижу!? Что вообще происходит?

Он оттолкнул Анну, рванул сквозь комнату к окну, постоял там, вернулся обратно, метнулся в угол и медленно сел на кровать. Анна тихонько села рядом. Ярость с ее лица ушла, оставив выражение удивления и беспомощности. Они сидели, грустно глядя в пол, как два школьника, разбивших окно и не знающих, на кого теперь это свалить.

– Я не знаю, что происходит, – заговорила она, не глядя на Джерри. – Если я скажу какую-то банальность, типа со мной ничего подобного не было, ты не поверишь. Вернее, может и поверишь, но что толку… Мне тридцать восемь, я давно замужем, у меня было достаточное количество романов, чтоб иметь представление о том, чего от себя ждать, чего нет. Так вот выясняется, что нет у меня представления никакого. Я,

оказывается, способна, увидев в первый и единственный раз в жизни мужчину, мельком, в темной комнате, месяц думать только о нем.

Снова стало тихо. Джерри молчал, сморщив лицо, словно ему болел зуб. Анна тихо сидела рядом, она, по сути, уже все сказала, добавить было нечего.

– Послушай… Анна, – он впервые произнес ее имя, было как-то неудобно во рту произнося его. – Ты… ты ослепительная. И я плохо могу владеть собой в твоем присутствии. Но вся эта ситуация, все те планы, в которых мы сейчас живем… Это невозможно, невозможно спать с женой того, с кем завтра окажешься на тысячи километров от земли. В этом есть что-то… омерзительно подлое. Не к добру вот, ей-Богу.

– Он мне больше не муж, – бесцветным голосом произнесла она.

– Муж! – резко выдохнул Картер. – Муж он тебе! Тут все шуршат за моей спиной, как он тут загибается из-за ваших отношений. Ты почему прилетела? Тамерлан лететь предложил? Вранье! Если б он так нуждался в медике – искал бы другого или извел бы мне весь мозг этой проблемой. Он тебя его утешать звал. И он тебе муж, во всяком случае, в его реальности ты его женщина. Люди остаются парой еще долго после подписания всех документов о разводе. Я уж знаю, – он на секунду запнулся, но почти немедленно продолжил. – Даже в ненависти и безразличии бывшие супруги мыслят себя в связке с партнером. А ты говоришь мне здесь, прилетев в эпицентр событий, что ты ему не жена.

Картер вскочил и начал быстро ходить по комнате, временами резко тормозя у разных предметов скромной меблировки.

– Я всю жизнь считаюсь. Считаюсь с чужим мнением, чужим интересом, с правилами поведения и морали. И в результате я нигде. В пустоте, – Анна говорила медленно, словно сама с собой. Джерри перестал метаться, замерев под ее голосом. – Мы всегда хотим понять, что происходит, что нами движет, в чем суть... И что мы должны делать, а чего не должны. А я не хочу. Не хочу сути и обязательств. Я хочу тебя. Сегодня на пляже я была живой. И сейчас, – она сжала челюсти, чтоб голос не дрожал, – и сейчас я живая. А выйду отсюда – и снова… сплошной комбинезон. На тело и на душу. Плотный черный комбинезон.

Джерри медленно подошел к сидящей Анне, присел на корточки и взял ее за пальцы. Пальцы были длинные, голубовато-прозрачные. Он поднес ее ладонь к губам и поцеловал каждый палец и запястье изнутри. Анна осторожно дотронулась до его щеки и немного потянула на себя.

– Извини, – он уткнулся лбом ей в ладонь, так сжав ее кисть, что кожа вокруг его пальцев стала абсолютно белой, – извини, я не могу.

Он резко встал и тяжело пошел к двери, приглашая ее уйти.

Анна, принимая его приглашение, поднялась и пошла к выходу. Проходя мимо Джерри, она остановилась и посмотрела ему в лицо.

– Ты хоть понимаешь, что с нами произошло чудо?

– Да, – хрипло выдавил Картер. – Анна…

Она смотрела на него, ожидая вопроса.

– Анна, не лети. Не надо, – с трудом выговорил он, наконец.

– Нет уж, – Анна даже засмеялась, неожиданно для самой себя. – Обязательно полечу. Мне теперь оставаться в этом измерении вообще смысла нет. Посмотрю, что там с другой стороны Вселенной. В приятной компании. Так что, Джерри Картер, прокатимся с ветерком.

Она помолчала, глядя ему в глаза, потом снова едва ощутимо прикоснулась к его лицу и вышла из комнаты.

3

Тамерлан произнес про себя код замка, и дверь его дома отворилась, нежно прозвенев колокольчиками. Тамерлан любил этот звук, ему казалось, что это чей-то радостный смех звучит ему навстречу. В большом, отделанном по последнему слову моды самом умном доме в Сан-Франциско никого не было. Магометов мог, конечно, создать иллюзию радостной встречи хозяина, окликнув робота уборщика и Эльзу – новейшую модель андроида-хозяйки. Последняя представляла собой идеальной красоты даму с длинными белокурыми локонами. Уровень интеллекта данной модели приравнивался к доктору технических наук с рядом достижений в области искусств и спорта. То есть на пару ступеней ниже самого

хозяина дома, но вполне способной поддержать любой из самых внезапных возможных разговоров.

Большую часть времени Эльза проводила дезактивированной, красиво сидя в кресле в малой гостиной, куда Тамерлан если и заходил, то только в поисках какой-то мелочи, оставленной по рассеянности где-то на просторах своего огромного жилища. Хозяин же гораздо больше предпочитал общество робота-уборщика, выглядящего, как и положено по званию, очень сродни пылесосу, но украшенного красивыми мигающими лампочками, вращающимися штучками и способностью вести беседу во время уборки. Трудясь, уборщик Тамерлана что-то непрестанно бурчал себе под нос. «Накидано, набросано, скоро зарастем по горло, плесенью покроемся. Сколько можно крошить на ковер, тысячу раз просил жрать в столовой». Наиболее отрадно звучали для Магометова раздельно и четко произнесенные лозунги, типа: «У нищих слуг нет! Сложно отнести за собой тарелку?!». В этот момент он просто отдыхал душой. Робот ни к кому конкретно не обращался, но под его зуденье у Магометова создавалась иллюзия, что он живет в семье, среди родных и близких, и что скоро обедать.

Сейчас же в доме стояла полная тишина. Тамерлан устало сел на ступеньки, ведущие в гостиную. Тут же небольшая полочка для обуви подъехала к его ногам, он поставил на нее ступни, и через секунду ботинки легко и незаметно отъехали в угол холла. «Надо спроектировать лифт-безмен, чтоб за шкирку по этой лестнице поднимал», – едко подумал Магометов и заставил себя подняться. Как только он оказался в гостиной, зажегся мягкий свет и ожили огоньки на панели. Дом был готов к услугам. Тамерлану ничего не хотелось, ни есть, ни пить, ни даже спать, не смотря на огромную усталость. Усталость не только от перелета, сколько от всех последних событий, усилий, переживаний. Некоей внутренней гонки, в которую он сам себя вогнал и не мог теперь остановиться. Хуже всего было то, что ему категорически не нравился возникший план. В его представлении тогда, осенью, когда он только начал переговоры о полете с Орлиевским, он должен был экипировать слаженную, многократно испытанную совместной работой команду, далее они совершают серию – серию! – пробных полетов, увеличивая расстояние до земли, и только в заключительном полете используется биопереходник, и совершается попытка броска. И все это под жестким

наблюдением подготовленного и проинструктированного медика, а лучше двух. Бюджет у Магометова был не ограничен. Акира так и сказал – дам столько, сколько потребуется.

От нескольких тренировочных вылетов пришлось отказаться сразу, в силу необходимости максимально сохранять секретность происходящего, что было крайне затруднительно при постоянном режиме онлайн существования и обмене информацией всех и вся. Врача со стороны Тамерлан искать не стал, надеялся на Анну. Когда же она отказалась, он не свойственным для себя образом посчитал, что подумает об этом после. И, как ни странно, не напрасно доверился интуиции.

Но на один пробный вылет он определенно расчитывал. И вот теперь он должен рискнуть всем, что создал, чему посвятил большую часть своей жизни, и отдать в руки четырех не очень хорошо ладящих, ни разу не работавших совместно в космосе, склонных к депрессии, живущих в разрастающемся конфликте людей свой «вечный двигатель». Вторую, и последнюю из существовавших доз биомассы. Все необходимые ингредиенты и оборудование остались в ассоциации, и доступа к возможному производству Магометов уже не имел. Эту же дозу биоускорителя он в прямом смысле украл у них из-под носа, мухлюя в отчетах, таская химикаты в свою домашнюю лабораторию для экспериментов, чисто как его папаша в девяностых годах двадцатого века выносил с завода в Узбекистане все, что ему казалось ценным. Все возвращается на круги своя, думал тогда Магометов.

Он подошел к лифту, ведущему на нижние этажи. Дом был многоуровневый, стоящий на склоне. Вход в дом располагался на самом верхнем, так называемом хозяйском этаже. В нижних этажах располагалось множество гостевых комнат, сауна, зал для презентаций, зал виртуального театра, тренажерный комплекс, удивляющий своей фантазийностью, бассейн и лаборатория. Все вышеперечисленные помещения стояли пустыми и темными, разделяя судьбу хозяйки Эльзы. Единственное место, где Тамерлан бывал не просто часто, а большую часть своего пребывания в доме, была лаборатория.

Лаборатория Трансатлантической Космической Ассоциации могла бы, наверное, составить конкуренцию личному рабочему пространству Тамерлана Магометова, но с некоторой натяжкой. БОльшая часть состояния Магометова была вложена

сюда, в нижний этаж его Калифорнийского дома на горе. Это было не последнее слово техники, а слово, по мнению обывателя, еще вовсе не произнесенное. Тамерлан с любовным трепетом отслеживал и приобретал все новейшие разработки, появляющиеся в поле его зрения. Миллионное оборудование для работы с молекулярными электронными схемами и склады химических препаратов – пещера сокровищ Тамерлана.

Спустившись, Тамерлан произнес про себя семизначный код, и белая, на первый взгляд цельная, поверхность раскрылась, образуя проход. За первым перекрытием была просторная переговорная, обставленная уютными диванами темной кожи. Из нее в свою очередь вела также открывающаяся кодом дверь в лабораторию.

Войдя, Тамерлан привычно постоял на пороге, оглядывая свои владения. На короткий момент ему стало теплее на душе. Но практически сразу он вернулся в прежнее состояние подавленности. Он медленно пересек комнату и нажал на управление панелью. Из стены выдвинулся сейф. Наклонившись, Тамерлан осторожно извлек из него небольшой пластиковый чемодан, пересек комнату, открыл огромный холодильник, в котором стояло множество емкостей, и вытащил упакованные в единый блок пробирки. Некоторое время он в задумчивости смотрел на весь свой скарб, потом быстрыми движениями упаковал пробирки в специальную сумку-переноску, подхватил чемоданчик и вышел из лаборатории. Через три часа, благодаря транспортным космическим шаттлам, он пересечет тысячи километров, отделяющие штат Калифорния от полуострова Крым, и начнет подготовку шаттла «Венера» к пространственному переходу в галактику CMa Dwarf, Созвездие Большого Пса.

4

Картер внимательно смотрел на мерцающие линии виртуальных схем, растянутые над матовой поверхностью Магометовым. Линии представляли собой схему шаттла, а именно отсека с горючим. Тамерлан растянул пальцами изображение, отчего могло показаться, что они вытекают прямо из его ладоней.

– Закладываем сразу. Изнутри доступа не будет, и не вижу смысла что-то менять. Только потеря времени. Заведем в первый отсек, – не оборачиваясь к Картеру, проговорил он.

– Вы сказали, что взаимодействия не должно быть. Но при таком решении биомасса может попасть в топливо раньше. И мы это не проконтролируем.

– Нет, мы поместим ускоритель в бак в рассасывающейся оболочке. Контакта не будет, пока я с земли не активирую свой блок. Тогда пузырь начнет истончаться и произойдет реакция. С момента моего контакта с шаттлом – две минуты.

– То есть непосредственно активация контролируется только вами? Начало эксперимента?

– Да. Я активирую блок на земле. Вы должны выйти на координаты и идти вверх, набирая скорость. К моменту наивысшей точки разгона, через две минуты после активации блока, произойдет контакт горючего с веществом.

Тамерлан сделал руками схлопывающее движение, и схемы исчезли. Они с Картером были одни в комнате. Родригеса после последнего разговора никто не видел. Орлиевский тоже не особо стремился к общению. Что же касается Анны, так Картер делал все, что в его силах, чтоб встречи не произошло. Как только Тамерлан вернулся, Картер немедленно отправился к нему. Во-первых, ему не терпелось посмотреть на пресловутый переходник, как все называли изобретение Магометова, а во-вторых, наконец закончить проект.

Теперь, когда все решения были приняты, можно было переводить шаттл на космодром в Токио, где у того же спонсора была приватная взлетная площадка и помещение управления полетом.

– Так что же все-таки за спонсор? – спросил на следующий день Картер, наблюдая, как бригада из пяти молчаливых азиатов, одетых в белые халаты, направляется в святая святых шаттла.

Тамерлан только отмахнулся, давая понять, что эту тему он обсуждать не будет ни при каких обстоятельствах. К ним из дальнего входа в ангар неторопливо приближался Орлиевский. Вид у командира был несвежий, лицо небритое. У Тамерлана в очередной раз свело в районе солнечного сплетения. «Не так все должно быть, не так!», – отчаянным звоном раздалось у него в голове.

– Какие прогнозы? – спросил у него Орлиевский, не обращая внимания на Картера.

– Начали тестирование. Прогнозируют полную готовность завтра к середине дня.

– Роботы?

– Нет, какие роботы. Такой программы нет в природе, – невесело усмехнулся Магометов. – Иначе зачем было гонять Родригеса за ноутбуком? Живые они. Молчаливые и работящие. Мне это гарантировали.

– Ну хорошо, – недоверчиво протянул Орлиевский. – Во сколько перегоняем на космодром?

– Старт в два часа утра. На месте планируем быть около полудня. – Тамерлан замолчал, внимательно глядя на Георгия. – Все, Гоша, больше ни капли.

Капитан непонимающе посмотрел на Тамерлана и вдруг засмеялся.

– Ты что, решил, что я пил?

– А что, нет? – без улыбки переспросил Магометов.

– Нет, – Георгий смотрел на него абсолютно серьезно. И правда, глаза были без каких-либо следов алкоголя. Просто очень усталые и какие-то измотанные, что ли.

– Я в порядке, Тамик, – проговорил капитан и пошел к выходу, так и не обратив ни малейшего внимания на Картера.

– Мы прекрасная команда, шеф, – язвительно произнес тот, глядя в спину своему командиру. – А завтра нам в другую Вселенную и, возможно, надолго.

Тамерлан так посмотрел на Джерри, что тому перехотелось острить. Он неопределенно хмыкнул и тоже пошел прочь от шаттла.

– Завтра в двенадцать будь готов к переброске, – сказал ему вслед Магометов. Он еще долго стоял перед кораблем, утвердительно кивая, отвечал самому себе на какой-то непростой вопрос.

Лейтенант Джерри Картер старался максимально распрямить плечи, будто кто-то смотрел ему в спину. Настроение было отвратительным, до вылета в другую вселенную оставались считанные часы.

2055

1

Выходной отсек был маленький и тесноватый. Сквозь открытую мощную дверь люка была видна Сфера. Вблизи она не казалась такой волшебной. Полностью стеклянный шар метра три в поперечнике, с узкими перекрещивающимися металлическими панелями, на которых располагались немногочисленные датчики и кнопки. Сидений не было, только ремни, которые были прикреплены к небольшим держателям в корпусе сферы. Предполагалось пристегнуться, покидая корабль, а дальше предаться свободному парению внутри шара.

Шаттл, связанный со сферой длинным тросом, стоял в нескольких метрах впереди.

Лиза и компания терпеливо ждали, пока сержант Ли Чи пригласит их зайти. Войдя внутрь, все не сговариваясь пристегнулись. Сержант зашла последней и заняла место у панели управления.

– Мы готовы, Картер. Можно отчаливать.

– Есть, мэм, – голографическая голова Картера высунулась из панели, радостно улыбнулась и залезла обратно в экран. С гулким шорохом задвинулся люк в транспортный отсек, потом мягко и беззвучно встала на свое место стеклянная дверь шара. Лиза попыталась различить глазами контуры бывшей двери и не сумела.

– Кислород в норме, давление стабильное. Стартуй, Джерри.

Внешний портал стал медленно открываться, и шаттл плавно увлек их нарушу. Открытый космос шагнул к ним.

Это было страшно. Подсветка была настолько слабая, что можно было едва различать контуры соседей. Ощущение собственного одиночества и незащищенности посреди Вселенной было абсолютным, захотелось громко кричать. Малкин вцепилась в ремень и зажмурилась. Рядом не раздавалось ни звука, кроме чужого дыхания. Она слегка приоткрыла один глаз, пытаясь установить личность соседа. Ей показалось, что это пожилой джентльмен, супруг Оливии. Точнее сказать она не могла, немедленно зажмурилась обратно.

– Какая красота, – раздался ясный звучный голос. Она так удивилась, что уставилась на мистера Ямото во все глаза. Он уже отстегнулся, висел посередине сферы и вглядывался в звезды.

– Фатумная красота, – повторил он.

Сержант нажала какие-то кнопки на панели, и в сфере начала раздаваться тихая музыка.

– Выключите немедленно, – приказал Ямото. – Не смейте пачкать мои впечатления. Если только это у вас не музыка сфер!

– У нас музыка специально для Сферы, – испуганно ответила Ли.

– У вас сфера услуг. И не надо инициативы, – отрезал японец. Сержант молчала.

Один за другим отщелкивались ремни. Рядом с отцом летал Микки, супруги тоже, взявшись за руки, оторвались от держателей. Лиза была последним пристегнутым пассажиром. Но пока не хватало силы духа окончательно оторваться от опоры.

Она заставила себя поднять глаза. Картина была завораживающая любое сознание. Чрево Вселенной. Мириады звезд всех оттенков, близкие, будто ложащиеся на ладонь. Далеко, невообразимо далеко, висела Земля. И не огромная вовсе, а как мелкий апельсин. Далекий голубой апельсин. Снимков с такого расстояния Лизе не доводилось еще видеть. Поодаль светился корабль. Она отщелкнула ремень, и невесомость подхватила ее. Она почувствовала себя одной из этих мерцающих звезд, сияющей, далекой для гнева и радости, отрешенной, неподвластной никаким дуновениям и течениям... Захотелось смеяться. Чистым младенческим смехом. Лететь и смеяться, как молодая комета с пушистым хвостом.

– Поразительно, Мэтью, это поразительно, – говорила Оливия у нее за спиной. –Я лечу, Мэтью, я живая!..

– Конечно, ты живая, Ливи... Это восторг какой-то, – выговорил он быстро, словно искал слова, подходящие переживаниям, не нашел и согласился на первое попавшее, пришедшее на ум.

– Хочется петь, – вдруг громко произнесла Лиза.

Японец повернул к ней голову, но выражения лица она разглядеть не могла. Взгляд наткнулся на россыпь странных звезд. Их очертания были смазаны, будто кто-то провел пальцем по свежей акварели и превратил блестящую яркую звездочку в небольшой фиолетовый след. И таких вокруг было полно, целые поля.

– Что со звездами, папа? Ты заметил? – тихо спросил Микки.

– Не знаю, - ответил Акира, -Может, какое-то явление, неизвестное нам? Сержант, как вы это называете?

Ли Чи молча прильнула к корпусу сферы и вглядывалась в ночь.

– Не стоит волноваться, – выговорила она наконец. – Я уверена, что как только мы вернемся на корабль, капитан расскажет нам, что это за явление и все подробности, связанные с ним. Наша команда сделает все возможное, чтобы впечатление от этой поездки осталось с вами надолго, – закончила она заученной фразой. Как только сержант договорила, выражение растерянности снова вернулось в ее глаза.

– Останется, можете не сомневаться, – процедил мистер Ямото, сверля Ли взглядом.

– А земля тоже размазанная, интересно? – спросил Микки.

Все закружились вокруг своей оси, пытаясь найти землю. Сфера постоянно вращалась, Земля могла оказаться как над головой, так и под ногами. Но сейчас планеты не было видно вообще.

– Что происходит? – спросил Мэтью. Оливия висела у него на плече.

Ли Чи молчала

– А где корабль? – прошептала Лиз.

Корабля не было видно, как и планеты. Только размазанные силуэты чужих звезд.

Повисла странная, поистине космическая тишина.

2034

– Итак. В самый последний раз. После старта выходите на ближнюю орбиту, виток и разворот на дальнюю. На втором витке вы должны оказаться дальше двенадцати тысяч, то есть максимально подойти к короне.

Тамерлан испытывающе заглянул в глаза каждому из присутствующих, даже Анне, хотя она к вопросу управления кораблем отношения не имела.

– Каков максимальный допуск? – спросил капитан. Он сидел на низеньком табурете в комнате, отделанной голубым пластиком в сердце токийского космодрома. Тот участок, на котором шла подготовка к взлету «Венеры», был отгорожен от остальных площадей надписями «Частная собственность». Все помещения на этом участке, включая заполненный разного вида экранами и проекторами – от жидкокристаллических до последнего слова техники голографических – центром управления полетами, были отделаны бело-голубым пластиком и имели одинаково больничный вид.

– Минимальный, Гоша, минимальный! Мы говорили об этом. Идеально было бы подняться на двадцать тысяч. Но по расчетам ваша траектория должна пройти на двенадцати, плюс-минус несколько км. Даже в случае отклонения по высоте, – добавил Тамерлан, странно шевельнув кожей головы, так что задвигались уши, – главное – точка надо мной. Вы должны оказаться строго под девяносто градусов ко мне. Иначе контакта не будет.

– Что вы так волнуетесь, – хмыкнул Картер, – козы же оказались.

– Коз обслуживали роботы, – резко обернулся к нему Тамерлан. – Полная автоматика и контроль. Там ни Картер, ни Родригес, ни молчаливые малазийские труженики ни к одной чертовой детали не притрагивались. И уровень технического оснащения челнока, и навигация, и радиационная защита не могут быть сопоставлены. И внутри там были козы, а не вы. Что еще тебе сказать?

Тамерлан на минуту замолчал, стараясь собраться с мыслями. Орлиевский по-прежнему сидел, глядя на Магометова исподлобья, и молчал. Родригес и Анна тоже не пытались принять участия в разговоре.

– Еще раз. На высоте от десяти тысяч выходите строго на координату и начинаете разгон. Анна включает все тестовые приборы. Далее рассказывай сама.

– Отключаю систему искусственной гравитации. Подключаю датчики.

– Я активирую контакт. Через две минуты после активации с Земли происходит взаимодействие.

– У меня минута?

– Тридцать секунд после взаимодействия с ускорителем.

– Хорошо. А если происходит бросок?

Тамерлан задумчиво посмотрел на нее. Он очень рассчитывал на то, что произойдет бросок. Но не имел представление, насколько ощутимо для астронавтов, то есть выполнимы ли задачи, озвучиваемые им Анне, он по сути не знал.

– Если произойдет бросок, то в течение этих тридцати секунд вы окажетесь на оговоренной координате. Во всяком случае, согласно моим расчетам. Там вы должны находиться семь минут вашего времени, что в этой зоне будет соответствовать нескольким часам реального земного. Все параметры каждого члена экипажа должны быть досконально продублированы независимо от автоматического снятия показаний, – добавил Тамерлан, глядя непосредственно на Анну.

– А потом? – тихо спросила Анна.

– Потом, – Тамик откашлялся и продолжил, – потом обратный бросок. Я говорил – эффект петли. Обратный – в разы мощнее.

– Ну что ж, мощнее или нет, но вся надежда на него, на обратный, – мрачно рассмеялся Картер. Прервав повисшее молчание. – Адэхи, ты зарядку по утрам делаешь? – неожиданно заботливо спросил он Родригеса. Индеец посмотрел на него, чуть прищурил один глаз, но улыбки не вышло. Он прекрасно понял, что имел ввиду лейтенант. Уровень перегрузок вполне мог оказаться «не совместимым с жизнью». «Вся надежда на спортивную форму», – закончил он мысленно несостоявшуюся шутку Картера. – «И на то, что перехода не будет». От этой мысли он стал сам себе отвратителен. Все было неправильно, с самого первого момента. И Адэхи подозревал, что до самого конца.

– В любом случае, Анна, ты ведешь наблюдение максимально подробно, – Тамерлан попытался реанимировать деловой тон. – Я не знаю, как поведет себя техника. Я очень рассчитываю, – он заглянул ей в лицо глазами пожилого сенбернара, – очень рассчитываю на человеческий фактор.

– Я смотрел прогноз, – проговорил Родригес, – возможны магнитные бури.

– И что, голова заболит? – хмыкнула Анна.

– При нашем уровне радиационной защиты все что угодно может заболеть. Мы будем находиться выше защитного слоя и, судя по прогнозам, строго по пути потока.

Все молчали. Собственно, ответа на этот вопрос-утверждение быть не могло, так как ни возможности отменить полет, ни гарантий, что эта опасность минует экспедицию, по сути не было.

– После конца контакта, или же – в идеальном случае – после обратного броска, Анна включает гравитацию, все занимают свои места и заходите на малую орбиту.

– На какое время запланирована посадка? – спросил Картер.

– Старт два утра ровно, посадка пять часов пятнадцать минут.

– Три с половиной часа со всеми маневрами?

– Три часа пятнадцать минут. Вы будете на малой орбите через шесть минут. Еще через шестьдесят должны быть на точке.

– Вы задаете одни и те же вопросы по третьему кругу, – ни на кого не глядя, проговорил Орлиевский. – Если есть сомнения – отказывайтесь прямо сейчас, пока мы все тут.

– Это вы мне, командир? – спросил Картер.

– Это я всем, – впервые подняв на него взгляд, проговорил капитан.

Командир корабля и второй пилот жестко смотрели друг другу в глаза и молчали. У Тамерлана очередной раз кровь прилила к глазам, оставив на своем пути пульсацию и боль.

Дверь в пластиковую комнату отворилась, одетый в белое рабочий что-то сказал Тамерлану на японском, не входя внутрь. Тамерлан ответил ему на его же языке.

– Шаттл готов, можно идти на посадку.

Родригес первым двинулся к выходу, за ним тяжело встал Орлиевский.

– Все, Тамик, не переживай. Все произойдет как надо.

Он похлопал Магометова по плечу и направился в комнату переодевания. Магометов остался один. Он на негнущихся ногах подошел к небольшой, величиной с половину обувной, черной коробке. Там, под легкой пластиковой крышкой, ждал своих тридцати секунд активатор, способный пронзить двадцать тысяч километров космического пространства, пройти сквозь страто-, мезо-, термосферы, войти в корону экзосферы и заставить вязкое вещество, заключенное в прозрачную оболочку-пузырь, войти в контакт с термоядерным топливом шаттла «Венера», пробить туннель в пространстве и соединить Вселенные.

Тамерлан оставалось только ждать. Много надежд уже было похоронено, тысячу раз сжималось сердце в ожидании и останавливался взгляд от неуспеха. Это раз был последним. Если и этот эксперимент не даст никакого эффекта, то сил на дальнейшую борьбу у Тамика Магометова больше не останется. Он замер на той самой низкой табуреточке в пластиковой комнате, втянув голову в плечи. Оставалось всего ничего, несколько часов до подведения черты. Орлиевский, Родригес, Анна и Картер стремительно удалялись от него в пустоту.

2055

1

– Картер!! Очнись, Картер!! – пилот Смит изо всех сил тряс своего напарника. Тот не подавал признаков жизни, застыв в кресле. Смит сорвал шлем с себя, с Джерри, засунул руку тому под комбинезон, пытаясь нащупать пульс. Пульса не было. Ни на шее, ни на руке. Картер был мертв.

Смит откинулся в кресле и закричал. Он издавал короткие гортанные всхлипы, полные бессилия и отчаяния. Они уже долго висели среди этих размазанных по небу светляков, не видя ни корабля, ни земли. Связи с кораблем не было. Судя по приборам, он висел на одном и том же месте в паре километров от корабля. Смит уже совершил несколько виражей, таская за собой сферу, но движения на навигаторе не было. Два километра четыреста тридцать метров и точка.

И Картер. Что произошло с Джерри, вообще было за гранью понимания. Смит даже не заметил, в какой именно момент это случилось. Сначала небо стало покрыто какими-то размазанными кляксами, и Смит долго приглядывался к ним, еще продолжая разговаривать с другом. Потом повернулся к нему, а тот сидит и не дышит. Белый, холодный, как мумия.

И ни земли, ни связи, ни корабля, только труп напарника и шесть человек с сфере, прикрепленной к шаттлу.

Он с трудом заставил себя замолчать. Потом дрожащей рукой нажал на кнопку внутренней связи со сферой.

– Ли? – хрипло выдавил он.

В наушнике зашуршало. Смит нарочно не включил изображение, он надеялся переговорить с сержантом, минуя внимание туристов.

– Ли? – повторил он.

– Сержант Чи слушает, на связи, сэр.

Все глаза немедленно уставились на нее.

– Это с корабля? – спросил Мэтью.

– Это пилот, сэр. Пилот с шаттла. Спрашивает, как у нас дела.

– Спросите лучше, как у него, – сказал Ямото. – У него есть связь с кораблем?

– Сэр? Вы на связи?

– Слушай меня, Ли. Не говори ничего вслух, – он помолчал, пытаясь сообразить, что, собственно, он хотел узнать. – У вас как там, паника?

– Нет, сэр. У нас очень красиво. Отличный план, сэр! – Ли говорила нарочито громко, пятеро мрачных лиц следили на каждым движением ее рта.

– Какой план?.. А, понял. Ты молодец, сержант. Не давай им разнести сферу до того, как мы что-нибудь поймем. Дело в том... Картер умер. Ты слышишь меня, Ли? Что ты молчишь?!

– Я слушаю вас, сэр, – глухо прозвучало в динамике. – Слышу.

– Я не знаю, почему. Корабля нет. Связи нет. Что у вас на дисплее? Какой уровень кислорода?

– Пока норма, сэр.

– Хорошо. Потому что время должно уже подходить к концу, хотя все долбанные приборы замерли. У тебя есть часы?

– Да сэр! 1.31 р.м.

– Такое время у меня тоже есть. Оно висит у меня перед носом уже полчаса как минимум. Окэй. Держи их в руках, не давай паниковать. Я буду двигаться по направлению к кораблю. Во всяком случае – стараться... До связи.

– До связи, сэр.

Ли Чи отключилась.

Смит вытер пот. Вернее, размазал его ладонями по лицу. Мертвый напарник тихо сидел рядом. Обстановка не менялась, но и дышать по-прежнему было легко, кислород был в норме. И это, пожалуй, было самым удивительным... Хотя, при подобном течении событий, самое удивительное выбрать было трудно. Все было по-своему прекрасно...

– Чертовщина, едрена вошь, – прошипел он. Шаттл продолжал медленно плыть в темноте.

2

– Что у нас с кислородом? – спросил Мэтью, своим вопросом прервав тишину, которая уже достаточно долго висела в сфере.

– Судя по показателям – все в порядке.

– Плюньте на показатели, сержант. Это же очевидно, что ни один прибор не работает. За последние пару часов ни одна стрелка не двинулась с места, – проворчал Акира.

– Да, но кислород же есть? – тихо сказала Лиза. – Мы же дышим. Он не может закончиться внезапно, мы бы почувствовали...

– Как по-вашему, сколько мы уже здесь висим? – тихо спросила Оливия.

– Сложно сказать. По ощущениям, часа 2–2,5. Но так как кислород рассчитан максимум на 2, то допускаю, что просто время тут тянется как-то по-иному...

– Нас должны хватиться на корабле, – прошептала пожилая женщина.

– Они и хватились, – ответил Ямото-старший. – Хвать, а где сфера? А сферы и нету.

– Не ерничайте, сэр, – сказала Лиза.

– Вы последняя, мэм, кто будет мне советовать, как себя вести. Держите свой язык в закрытом рту.

– Что вы себе позволяете! – вступил Мэтью. – Вы не должны...

– Еще один. Советчик. Заткнитесь.

Наступило гнетущее молчание. В воздухе, и так достаточно накаленном, отчетливо пахло агрессией и паникой.

Микки, до этого момента не произнесший ни звука, плавно приблизился к отцу и что-то тихо прошептал ему на ухо. Акира метнул на него яростный взгляд, но промолчал. Микки снова что-то тихо сказал и мягко скользнул к стойке. Снова наступила тишина. В наушниках у Ли зашуршало.

– Да, сэр?

– Ли, – спросил Смит, – новости есть?

– Нет, сэр.

– Кислород?

– Все по -прежнему, сэр.

– А люди? Кто-нибудь хочет есть, пить, в туалет?

Сержант растерянно обвела глазами компаньонов.

– Кто-нибудь хочет пить?

Тишина.

– А есть?

Они переглянулись. Никто ничего не хотел. Все чувствовали себя точно так же, как на момент входа в сферу.

– Все в порядке, сэр. Пожеланий нет.

– А если бы были? – пробормотал Мэтью. – Хотя... Да, чудеса...

Всем было очевидно, что уже минимум часа три болтаются неизвестно где, дыша не убывающим кислородом, не испытывая никаких потребностей и дискомфорта. Это было странно. Дико. Пугающе.

– Мы что, умерли? – обведя все молящим взглядом, спросила Оливия.

«Мы что, умерли?» – отозвалось в голове у Лизы. «Произошла катастрофа, авария, взрыв, которого мы не услышали, и мы тихо умерли все разом, так и не осознав, что произошло? И летаем теперь меж звездных клякс, как призраки?».

Ужас сковал все ее мышцы, словно все тело набили колотым стеклом. Она услышала скрип собственных зубов, мурашки бежали под волосами. Лицо онемело. Слезы лились, но спазм в горле не давал звуку проникнуть наружу.

«Мертвецы не рыдают», – стучало в голове. Ткань времени в ее теле перестала ощущаться вообще, она не знала, сколько уже пребывает в этом состоянии, три часа или неделю. Ее пульс был единственным мерилом в этом пустом безвременье. Все мысли остановились, и женщина впала в вязкое, затягивающее, как гнилое болото, забытье.

В сфере висела тишина. Не звенящая, полная каких-либо призвуков, как любая тишина на Земле, а абсолютная, непроницаемая, величественная. Как будто они оказались в момент перед рождением первого звука Вселенной. Никто уже не мог сказать, где они, что с ними, как долго это происходит.

– Корабль! – крик Микки вывел Лиз из длительного оцепенения. Она попробовала пошевелиться, тело вроде слушалось. – Корабль, слышите? Вот, впереди!

Если бы в невесомости можно было вскочить и побежать, то все пятеро бы бросились к нему. А так произошла странная кутерьма, люди слились в подобие змеиного клубка и колыхаясь, плыли к Микки.

– Сэр? Пилот Смит? – сержант кричала в наушник. Она пыталась вызвать Смита, но его камера была выключена. – Сэр, прием!

– Да, Чи, что ты кричишь? – казалось, Смит спал. Он действительно уже довольно давно не открывал глаз, стараясь расслабить сведенные ужасом члены.

– Сэр, корабль!

Смит резко согнулся, вглядываясь в обзорное стекло шаттла. Действительно. Корабль был относительно недалеко от них. Проблема была только в том, что это был не их корабль. Очертания висящего перед ним космического судна были абсолютно незнакомы Смиту. Огни не горели, признаков жизни не было. И естественно, ни на каком приборе он не проявился. Впрочем, на это Смит уже и не рассчитывал. Он испугался было, что этот корабль вообще плод его воображения, но тут вспомнил, что не он увидел корабль первым, так что если только не массовое сумасшествие, то корабль – чужак действительно существует.

– Да, Ли, вижу, – процедил он, все еще разглядывая чужака. – Держу курс на него.

– Сэр! – Ли сделала паузу. – Как вам кажется, это наш корабль?

– Прекрасно сама все видишь, сержант Чи. Не говори ерунды.

– Да, сэр. Есть, сэр.

– Пока нету ничего. Подползем поближе, посмотрим ему в лицо.

– Лучше бы в зад, сэр, если у нас есть шанс попасть внутрь, то только в транспортный отсек.

– Смешно. Молодец. Ну, поехали.

Он направил шаттл к цели, стараясь соблюдать возможно минимальную скорость. Через считанные минуты они уже подходили к кораблю. Смит сделал круг вокруг незнакомца. Зашел на второй и тут увидел, что шлюзы транспортного медленно открываются. Их приглашали на корабль.

2034

Через несколько минут после взлета Орлиевский уже был на ближней орбите. Предстояло сделать один виток и выходить на траекторию большого эллипса. Можно было покидать взлетный модуль и переходить в гравитационный отсек. Орлиевский отстегнул себя от кресла и немедленно завис, держась за поручень.

– Переходим наверх, – ни на кого не глядя сказал он. Последнее время он вообще старался не смотреть людям в глаза, никому, даже Родригесу. Ему казалось, что каждый, с кем он пересечется взглядом, прочтет буквально до мелочей все его мысли. У Георгия напрочь исчезло чувство защищенности и собственной сохранности, его преследовало ощущение, что он – лягушка, в ожидании урока по анатомии распятая на школьном столе .

Он отпустил поручень и легко скользнул в сторону люка. Даже не поворачивая головы, он спиной чувствовал каждое движение Анны.

Она так и не пришла к нему на следующий день, несмотря на свои последние при их встрече слова. Он ждал ее в комнате, откуда не выходил целый день, просто сидел на стуле и ждал стука в дверь. Постучали около трех дня, но это оказался Родригес, приглашающий пойти поесть. При мыслях о еде Орлиевского ощутимо затошнило. Он только мотнул головой и прикрыл глаза. Родригес, потоптавшись перед входом, неловко присел было на край кровати, но тут капитан обдал его таким взглядом, что индеец подскочил и немедленно покинул помещение. Больше за весь день Орлиевского никто не побеспокоил. От напряжения у него свело спину, он вздрагивал от каждого шороха, звука за окном. Наконец Георгий встал и вышел из комнаты. Он сначала медленно, потом все быстрее и быстрее шел по длинному плохо освещенному коридору в сторону комнаты жены. Когда подошёл к двери, вся майка была покрыта пятнами пота. Он остановился, прислонясь спиной к стене и пытаясь перевести дыхание. Капли со лба ползли на глаза, но у него не было сил поднять руку и утереть их. Орлиевский сполз вниз и остался сидеть на полу у двери Анны. Он понимал, что это истерика, необходимо переждать, когда остановится бешеная пульсация во всем теле. Идя сюда он был готов произнести многие, в прошлом абсолютно недопустимые, слова. Возможно, был готов ударить, задушить,

выкинуть ее из окна. Все равно, каким именно образом, но прекратить эту пытку ее отношением к нему. Но сейчас понял, что не способен. Не способен ни на что. И что это будет бесконечно унизительно, если Анна откроет сейчас дверь и увидит его таким, валяющимся у ее порога. Но встать и уйти он тоже не мог. Ничего не мог. Ни ходить, ни жить, ни дышать.

Он не помнил, сколько он просидел так, прислонившись к стене. Возможно, он даже заснул, потому что взявшийся из ниоткуда Родригес тряс его за плечо, тащил вверх за подмышки и вел до его комнаты. К этому моменту Орлиевский был уже почти в норме. Он кивком поблагодарил Родригеса и под бдительным взглядом индейца разделся и лег в постель. Уснул он быстро, но неглубоко и тревожно. Всю ночь перед его глазами мелькали то длинные влажные пряди волос Анны, то такая же мокрая растрепанная шевелюра Картера. Их волосы переплетались между собой в змееподобный клубок, на котором бликами отражался огонь. Из горла Орлиевского выползал сдавленный крик, но выходя наружу сразу затухал, превращаясь в струйку пара. Змеи волос шевелились, луна злобно поблескивала, сон превращался в кошмар.

Он открыл глаза задолго до будильника. Медленно бродил по утреннему пустынному парку вокруг здания, вдыхая как можно глубже нежный рассветный воздух. К завтраку он уже был самым обыкновенным на вид капитаном Орлиевским. С Анной до вылета в Токио они так и не пересеклись.

Капитан скрылся в люке, за ним последовал Родригес. Картер собрался в свою очередь последовать за Родригесом, когда Анна, словно огромная птица, заслонила ему проход.

– Ну что, лейтенант? – усмехнулась она, глядя ему в глаза. – Летим?

Джерри молчал. Ему было сложно смотреть на эту женщину. Он сразу начинал ее разглядывать, словно мать новорожденного младенца, впитывая каждую черточку, складку губ, изгиб ресниц. Он переставал понимать смысл слов, обращаясь целиком в зрение и некое умозрительное осязание. Казалось, он чувствует ее кожу под своими пальцами.

– Ты знаешь, я мечтаю, чтобы переход удался, – утрированно распахнув глаза, сказала она. – Мы все окажемся на том свете, и делай что хочешь. Нет-нет, на том свете в смысле – на другом. Не бойся, я не призываю смерть, – наклонившись к его уху,

прошептала она. От ее дыхания у Картера по спине побежали мурашки. Анна же, приблизив к нему лицо, застыла так на несколько мгновений. Оба зависли, ухватившись за поручни. Наконец, она отстранилась от Картера и легко впорхнула в люк. Орлиевский встретил ее пристальным взглядом потемневших за последний месяц глаз.

– Мы на орбите, – обратился он к появившемуся в отсеке Картеру, переведя на него тяжелый взгляд. – Расчетное время час пятнадцать минут.

– Отлично, – нарочито легко ответил Джерри и направился к приборной доске. – Как там прогнозы, Адэхи?

– Так себе, – хмуро ответил изучающий поблескивающие графики над поверхностью приборной доски Родригес. – Сейчас как раз прошли сквозь магнитку, увидим...

Словно в подтверждение его слов шаттл трижды отчаянно тряхнуло, на несколько мгновений стало темно. Когда снова зажегся свет, на табло горели сразу несколько красных сигналов.

– Какого черта? – пробормотал Картер.

– Это к вопросу о магнитных бурях, лейтенант, – проговорил Орлиевский, вглядываясь в сводку повреждений. Освещение снова замигало, скачки напряжения и удары извне, хоть и не такие ощутимые, не прекращались. Больше всего капитана беспокоила возможность замыкания и, как следствие – пожара. Он достаточно знал подобный историй.

– Я здесь не в первый раз, – огрызнулся Картер, но в его глазах застыло недоумение.

– Вы раньше поднимались выше термосферы на транспортниках нашего размера? – спокойно поинтересовался Родригес.

Картер промолчал. «Венера» была в десятки раз меньше тех шаттлов, на которых он совершал вылеты на далеких орбитах. В десятки раз меньше и беззащитней.

Шаттл продолжал сотрясаться из-за скачков напряжения. Приборы сбоили, показывая явную чушь. Миллиарды разогретых ионизированных частиц с самого Солнца на скорости близкой к скорости света вонзались в шаттл, испытывая на прочность все его системы

Завыла сирена общей тревоги. Орлиевский метнулся к центральному табло, пытаясь предугадать, что за новость его сейчас накроет. «Лишь бы не пожар», – звенело у него в голове.

Все приборы корабля горели красным. Родригес впился взглядом в бегущую перед его глазами строку лазерного текста и шумно выдохнул.

– Главная антенна, командир, – обернулся он к стоящему за плечом Орлиевскому.

– Повреждена? – переспросил тот.

– Нет. – Родригес растерянно посмотрел на капитана. – Похоже, мы ее потеряли.

– Как это потеряли? Где она? – рявкнул капитан.

Родригес немедленно вывел на экран изображение с внешней камеры. Антенна, целая и неповрежденная, неспешно плыла рядом с шаттлом по незначительно отличной от него траектории, медленно, но верно удаляясь в глубину космоса.

Родригес, Картер и Орлиевский замерли, наблюдая за ее движением в черноте.

– Кто ее устанавливал? – не отрывая взгляда от плывущей перед ним антенны, тихо спросил капитан. Никто не ответил.

– Кто ее устанавливал? – рявкнул он, развернувшись к Картеру. Тот пожал плечами.

– Внешнее оборудование ставили те ребята, присланные. Мы с Родригесом работали внутри.

– Я все проверял, капитан, – сказал Адэхи. – Все было нормально.

– Вон твое нормально! – заорал Георгий, – за окошком проплывает! Где теперь Тамерлан?! Со всей его связью!

Вид у него был абсолютно бешеный. Картер, не отрывая глаз он безумного лица капитана, попятился назад и быстро кинулся к люку.

– Куда это он? – пробормотал пришедший в себя от бегства лейтенанта Орлиевский. – Выключи ты сирену, Родригес!

Через секунду пронизывающий мозг звук сигнала тревоги прекратился. Стало немного легче думать. С экрана смотрело лицо Картера в скафандре.

– Выхожу, – донеслось из динамика. – Открывайте шлюз.

0000

1

Они сидели в кают-компании. Это был не салон Корабля-Мечты. Никакого блеска, цветов, скатертей и прочей роскоши. Стол с фиксированными сиденьями, истертая старинная кухонная панель, куча приборов. Ни намека на туристический бизнес. Малкин разглядывала помещение, фотографии на стенах. Луна. Снимок Земли с гораздо более близкого расстояния. Фото человека в открытом космосе, лица не видно. Но похоже, что это тот самый астронавт, который сидит перед ними на вертящемся стуле. Георгий Орлиевский.

«Надо же, опять Орлиевский, – подумала Лиз, – командир шаттла «Венера», как представился он часом ранее». Рядом с ним стояла высокая брюнетка, астромедик. Поодаль, на невысокой табуретке сидел огромный индеец. Внешности впечатляющей, лицо рассечено шрамом, длинные черные с проседью волосы забраны в хвост. Он не принимал участие в разговоре, только слушал, оперевшись локтями на колени и следя мрачным взглядом из-под бровей за пришедшими.

Немногим ранее эти трое встречали их, потрясенных и потерянных, в транспортном приемнике. Смит, заведя в отсек шаттл, больше всего боялся за исправность управления тросом. К счастью, пульт зажужжал, и сферу втянуло внутрь. Шлюз закрылся. Раздалось шипение, включилась система жизнеобеспечения. Через несколько секунд на пульте внутри отсека загорелся зеленый сигнал, и люк напротив шаттла открылся. Перед Смитом проплыл командир, его лицо прильнуло к обзорному стеклу. Он показал большой палец, и Смит разблокировал выход.

Два астронавта висели друг перед другом. Смит подал руку. Орлиевский пожал ее, но как-то вяло. Странное вышло рукопожатие, словно каждый ожидал, что второй испарится, исчезнет. Наконец, капитан вынул ладонь и направился к сфере. Шесть бледных лиц молча наблюдали за его движением. Стеклянная дверь открылась.

– Добро пожаловать, господа, – сухо сказал Орлиевский. – Постарайтесь следовать за мной.

В этот момент за его спиной появились фигуры Анны и Родригеса.

– А где лейтенант? – спросил у Анны командир.

– Пытается разобраться со вторым шлюзом. Там все время что-то заедает. Чудом закрыли.

– Ищет, чем заняться, – буркнул капитан и кивком пригласил следовать за собой.

Медленно, по одному, молчаливые, подавленные путешественники поднимались в кают-компанию. Здесь была гравитация, еда, вода, пара кресел и диванов. Но все сидели за пустым столом. Не хотелось ничего, кроме как получить любые возможные пояснения происходящему.

– Итак, как я понял, до появление смазанных звезд они были в сфере не более двадцати минут. – Георгий говорил медленно, обращаясь к Смиту.

– Примерно. Я могу сбросить на чип показатели с бортового, если хотите. – Капитан уперся в него взглядом.

– У вас работает клипса?

– В смысле? Какая клипса? Чип работает, да.

– И 3D экран подключен?

– Ты меня поражаешь, командир, – протянул Смит. – Какие 3D экраны. Уже сто лет как у всех объемная связь на борту.

Они уставились друг на друга.

– Сто лет, говоришь? – протянул Орлиевский.

– Десять так наверняка, – Смит встал с лавки. – Сейчас скину на чип. Родригес, откроешь проход?

Индеец встал и последовал за Смитом.

– Сколько вы тут висите? – спросил Акира. Орлиевский перевел на него тяжелый взгляд. – Трудно сказать. Трудно ориентироваться. Приборов никаких. Дня и ночи нет. Кислород, запасы воды на одном уровне. Как считать?..

– И все-таки. Месяц? Два месяца? Неделя?

Командир пожал плечами.

– Месяц... Или два. Полтора.

– И ничего не меняется?

– Ничего. Вообще.

– Вы вот прилетели, – прозвучал голос Анны. Низкий, глуховатый, словно она сообщила что-то личное по секрету. Все сидящие повернули к ней лица.

– И никаких предположений, что происходит? – проговорил Ямото-старший.

– Самые размытые. Художественные домыслы, – мрачно хмыкнул Орлиевский.

– Не поделитесь? – лицо Акиры загорелось еле сдерживаемым интересом.

– С удовольствием, но не уверен, что мои пояснения помогут действительно понять, и что происходит, и где мы находимся.

Резкий крик заставил их всех дернуться. Крик сменился отчаянной руганью. В комнату тяжело вбежал мужчина. Лиза пыталась разглядеть его лицо под длинными светлыми волосами и недельной щетиной. Левая рука мужчины была вся в крови, подушка большого пальца болталась на куске кожи.

-Черт подери! - Анна бросилась к аптечке.

– Да долбанный шуруповерт. Уже почти закончил у шлюза, закрепил последний отсек, толкнул пальцем, а правая рука на кнопку съехала.

– Да, с пальцем нехорошо вышло... – мрачно сострил командир. – Похоже, без фаланги.

Анна уже наложила клей и затягивала руку кожей-скотчем. Мужчина откинул волосы со лба, и Лиза снова сошла с ума. Рядом раздался жесткий всхлип Оливии.

– Вот. Здесь последняя картинка и данные с экрана, – раздался голос входящего в комнату Смита. Он прошел к столу и замер, наткнувшись взглядом на раненого. Молчание длилось пару секунд, а потом Смит начал орать.

Орал он самозабвенно. Короткими булькающими «А», словно пытаясь своеобразной азбукой Морзе передать мысль. Приседал, бил себя по ногам, снова сгибался. Довольно долго в производимых им звуках не было ничего членораздельного. Наконец, он проорал:

– Картер!!! Картер!!! Твою ж!!.. Картеееееерр!!!

Второй пилот корабля-перевозчика замер, открыв рот и забыв о руке.

– Смит?.. – тихо спросил он, не веря своим глазам.

– Я сейчас умру, – вдруг спокойно сообщил Смит, замолчал и сел на пол. Все присутствующие забыли дышать, наблюдая за встречей пилота Смита и пилота Картера, умершего за штурвалом своего шаттла по их общим ощущениям чуть более часа назад. Они уже знали об этом трагическом событии и даже видели тело несчастного пилота, оставленное в холодной камере корабля.

Картер подошел к Смиту, присел рядом с ним на корточки и поднял его лицо за подбородок. Смит смотрел на него полными слез глазами. Было видно, что в нем сейчас нет воли к победе в борьбе с обстоятельствами. Похоже было, что Смит сдался.

– Привет, – сказал Джерри, – откуда ты взялся?..

– Он взялся с Корабля Мечты, – ответил капитан. – Они катали по космосу сферу с этими милыми людьми. Это такой туристический супер трюк.

– Не слышал ни о чем подобном. Последнее, что я знал о Смите, что он перегоняет капсюльник.

– Я ушел оттуда пять лет назад, – жалобно произнес пилот. Потом возмущение снова стало возвращаться к нему. – Мы же вместе летаем! – уже громче воскликнул он. – Да ты вообще умер! Вон, там, в кабине!

– Кто умер? – и без того бледное лицо Картера стало зеленого оттенка.

– Ты. Мы летели сюда вместе. Мы работаем вместе. Работали. И ты умер во время полета. Сразу после появления этих размазанных соплей на небе.

Картер поднялся на ноги и огляделся. Все молчали. Никто не говорил, что Смит дурак, идиот, бредит, шутит и тому подобное. Тишина буквально трещала в ушах. Оливия смотрела на Джерри трагическим взглядом, Мэтью сочувственным, Микки спрятал глаза, стараясь не смотреть на пилота вовсе. Только Лиза и Акира пристально смотрели Картеру в лицо. Акира сверлил пилота черными зрачками, подталкивая пойти и посмотреть на собственный труп в морозилке. Лейтенант долго не отводил глаз от Акиры, потом быстро повернулся и пошел к выходу. Через пару секунд Анна, мягкой походкой пантеры, выскользнула вслед за ним.

– Прихвати нашатырь, – буркнул ей вслед Родригес, Анна едва повела плечом и вышла из комнаты.

2

Джерри стоял над телом пилота из Корабля Мечты в холодном отсеке шаттла. Анна тихо подошла к нему сзади и остановилась вплотную, но не касаясь его. Джерри никак не отреагировал на ее появление, можно было бы предположить, что он ее не заметил. Оба молчали.

– Это я? – прервал молчание второй пилот.

Анна едва заметно пожала плечами и сделала шаг к телу.

Короткая спортивная стрижка, гладко выбритое лицо, едва заметная выкрашенная в синий цвет прядь в волосах как дань брэнду. Но черты лица вполне узнаваемы. Тот же прямой нос, широкие скулы.

– Похож, – и указав на левое предплечье лежащего, добавила, – проверь.

Джерри не сразу понял, что она имеет ввиду, но потом, задумавшись на долю секунды, достал миниатюрный скальпель из весящего на бедре чехла, наклонился к телу и легко разрезал комбинезон на левом плече, дюймах в 5 выше локтя. В разрезе показалась крупная родинка, величиной в 20-центовую монету.

– Ты, – произнесла Анна.

Он посмотрел на нее с таким пронзительным отчаянием, что Анна невольно протянула руку к его волосам. Он едва успел перехватить эту утешающую его руку и сжал ее. Анна сделала шаг назад. Лицо ее было совершенно спокойным.

– Что здесь происходит, Анна?.. – он все еще держал ее пальцы с железной хватке, даже не замечая, что причиняет ей боль. – Ты можешь хоть предположить, что с нами происходит?

– Мы предполагали, и строили догадки уже миллион раз. Пора расслабиться, – усмехнулась она.

– Думаю, мы уже умерли.

– Эту версию мы тоже проговаривали, лейтенант. Если б мы умерли, то наши души соединились бы в небесах, а здесь мы все точно так же мучимся условностями.

– Прекрати, – он кинул на нее полный досады взгляд.

– Прекращаю. Пойдем наверх, Джерри. Может, им там пришли какие-то дельные мысли. В конце концов, тебе повезло намного больше, чем твоему альтер эго. Ты жив.

Она повернулась и вышла из отсека. Картер стоял и разглядывал лицо мертвого. Что-то было не так. Он не мог понять, как могла появиться эта синяя прядь на его ныне лохматой голове. Что за совершенно иная жизнь проглядывала сквозь застывшие черты. Не раз за последнее время он чувствовал дурноту от помешательства. Казалось, реальность покинула его навсегда, и не было больше никаких островков, за которые можно уцепиться. Но этот последний номер с лихвой перекрывал эффект от всего пережитого за последнее время.

Он коротко и зло ударил кулаком в стену отсека. Удар пришелся покалеченным пальцем по металлу перегородки и оставил противный красный след. Боль была такой пронзительной, что вернула лейтенанта в сознание. Он последний раз посмотрел на тело и быстро вышел из отсека.

3

Шея затекла. Лиза повела плечами, пытаясь размять вставшие колом мышцы. Она не знала, сколько она уже сидит вот так, втянув голову в плечи, сжавшись, как полу-бабочка, полу-гусеница, застывшая на середине своего превращения. Надо было заставить себя распрямиться и встать, или, на худой конец, поменять позу. «Зачем?», – едко подумала она. Действительно, в нынешней реальности в любой позе можно находиться вечно, без ущерба для своего тела. «Странно, тогда какого черта так затекли плечи?», – продолжила она беседу сама с собой, свой излюбленный и в последние месяцы единственный способ общения с внешним миром. Шевелиться не хотелось, хотя становилось уже откровенно больно сидеть на этой неудобной люльке-койке.

– Пойду, чаю, что ли, выпью, – пробормотала она себе под нос и осторожно распрямилась. Немедленно заныл затылок и почему-то поясница. По-старчески покряхтывая и придерживая себя рукой за спину, Малкин побрела в салон. Там было странно пусто, издалека раздавались приглушенные голоса то ли Смита, то ли Купера. Лиз поискала глазами источник воды, и только тут заметила спину Орлиевского, слившуюся со спинкой дивана. Он неподвижно сидел и смотрел в иллюминатор, словно девица под окном в ожидании Салтана.

– И к обедне померла, – прошептала она по-русски, продолжая общение с лучшим в мире собеседником – собой. Орлиевский резко обернулся и уперся в нее ошеломленным взглядом. Лиза еще ни разу не видела его лица без скептической усмешки или вертикальной мрачной морщины на лбу. А тут прямо живой детский интерес и блеск в глазах. Лиза непроизвольно улыбнулась.

– Вы говорите по-русски? – проговорил капитан, вывернувшись в кресле.

– Таки да, я же из Нетаньи, – ответила она ему с утрированным одесским говором, а-ля привоз. – А я думала, вы болгарин или поляк. Хотя, на поляка вы не очень тянете…

– Я из Москвы, – он молча смотрел на нее снизу вверх, лицо разгладилось и заметно помолодело.

«Да мы, похоже, ровесники. Если он и вовсе не моложе меня. Видный мужик. Мрачный как удав…Хотя кому сейчас весело»

– Чаю хотите? – спросила она его вслух и огляделась, пытаясь все-таки отыскать нечто для приготовления чая.

– Давайте, – протянул Орлиевский, продолжая все так же рассматривать Лизу. Он сам удивился, какой волной радости его накрыло при звуке своего языка. Буквально накрыло. Он даже задышал чаще, щеки покраснели. При всем его теперешнем поистине звездном одиночестве родная речь прозвучала как все слова тепла и ласки мира вместе взятые. Он очень давно не говорил на русском, он вообще очень давно ни с кем не говорил, не считая Адэхи, с которым ему было комфортно не столько говорить, сколько молчать. С остальными спутниками и молчать, и говорить было одинаково отвратительно. Да и темы все были уже исчерпаны. В первые «дни», попав в этот новый непостижимый мир, они наперебой, все, включая Анну, что-то кричали друг другу, доказывали, ставили эксперименты с кислородом, не ели по многу дней, потом, наоборот, ели без остановки. Ничего не менялось: не заканчивалось, не прибавлялось, не убывало. Перебрали массу объяснений, от перемещения во времени до собственной кончины. И все-таки, единственным полу-разумным выходом было предположить, что они действительно достигли цели, Созвездия Пса. Что же касается размазанных звезд, полного несоответствия со всеми существующими звездными картами, застывшего времени, так

пес его знает, что и как существует во Вселенной за десятки тысяч световых лет от Земли. Человек слишком много на себя берет со времен первородного греха, ожидая какой-либо прок от своих размышлений и предположений.

В конце концов все четверо умолкли, сойдясь на единственной рабочей версии – межгалактическом броске, ну и справедливо ожидая, когда же их теперь откинет обратно. Но этого не происходило, и ощущение и вечности своего существования с одной стороны, и подступающего окончания оного постепенно накрывало Орлиевского. Он замолчал, замолчал не только внешне, но и внутренне. Закончились бесконечные разрывающие его нутро жаркие споры, даже вялый монолог уже не раздавался в душе капитана. К моменту появления сферы он жил в абсолютной тишине.

И эти русские слова, да еще сдобренные специфическим юмором, разбудили в нем все звуки разом. Он с огромным удовольствием смотрел в ее рыжие глаза и ждал новых слов, любых, просто слов по-русски. Лиза сосредоточенно рылась во всех ящиках вокруг кухни.

– Да, неожиданная встреча. А вы откуда? – спросил Орлиевский.

– Мы из Питера. Я уехала ребенком, но в семье все говорят по-русски.

– Здорово, а мои уже и дома перешли на английский. Они в Калифорнии, – пояснил он. Лиза, наконец, добыла и кипяток, и чайный экстракт, и теперь наливала то, что на борту называлось чаем, в огромные металлические фляги. Протянув одну их них Георгию, она осторожно села рядом с ним на край дивана.

-А у вас все в семье астронавты? – спросила Лиз, осторожно ставя горячую флягу себе на колени.

-Почему вы так подумали? – улыбнулся Георгий.

-Ну я подумала, что вы из династии, - Лиза отхлебнула чай и посмотрела прямо в глаза Орлиевскому веселым рыжим взглядом. – На Корабле Мечты вот тоже был капитан Орлиевский.

Георгий молча смотрел, как его собеседница болтает флягой по кругу, чтоб жидкость остыла, и молчал. Лиза сделала еще глоток и продолжила, не обратив внимания на эффект, произведенный ее словами.

-Да, точно, Капитан Орлиевский. Точно не знаете такого?

-А имя помните? – тихо проговорил Георгий.

-О, это сложнее… Сейчас!

Внезапно она заговорила низким бархатным голосом:

-Капитан Илья Орлиевский приветствует вас на Корабле Мечты!

И добавила голосом обыкновенным:

-Да, точно! Илья.

Георгий молчал, глядя в пол, Лиза разглядывала его с любопытством.

-А как он ходил? – спросил Орлиевский.

-Ровно. Размашисто. Уверенно, - подбирая слова, Лиза рассматривала странное лицо собеседника. – Так вы знакомы?

-Думаю, да, - протянул капитан. – Это мой двоюродный брат. Илья Орлиевский. Должен был лететь с нами. Только на момент нашего вылета у него не было ноги.

Повисла пауза. Орлиевский потянул носом и тихо добавил:

- Может, Рассел успел нарастить?.. Сколько же мы тут тогда висим?..

Они сидели, уставившись друг на друга, как два попугая самца на жердочке.

– Слушайте, капитан, – наконец вкрадчиво заговорила она, нарочито картавя. - Как гусский человек гусскому человеку, что тут происходит? Вы имеете хоть какое-то понимание проблемы?

Орлиевский усмехнулся было ее речи, но потом улыбка потерялась в привычных морщинах.

– Я могу только строить догадки, предполагать… Вернее так: я предполагаю, где мы могли оказаться. Но очень сомневаюсь, что это то самое место.

– Какое – то самое? – у Лизы даже нос вытянулся, словно она «вынюхивала» у капитана сведения в самом прям смысле слова.

– Если мы действительно там, куда летели, то до Земли несколько тысяч световых лет. Точнее, двадцать пять тысяч.

Эта галактика одна из самых ближних, в созвездии Большого Пса. CMaDWARF

– Галактика? – Лиза следила глазами за вставшим Орлиевским. Тот задумчиво прошелся из угла в угол.

– Да. Целью нашего вылета была галактика. Вернее, межгалактический переход. Хотя, честно говоря, все мы рассчитывали, что ничего не выйдет, – грустно улыбнулся капитан. Малкин по инерции начала улыбаться в ответ, но мышцы остановились на середине процесса. Она смотрела на Георгия, слегка приоткрыв рот. Тот продолжал, остановившись прямо перед Лизой:

– Но, во-первых, то, что нас окружает, не имеет ничего общего с картами этого участка космоса. Вернее, не имеет ничего общего вообще ни с какими существующими картами, проекциями, виртуальными схемами ни одного участка космоса. Во-вторых, мы должны были пробыть там семь минут, что по расчетам нашего руководителя должно было соответствовать максимум шести часам земного времени. В третьих, если предположить, что мы действительно залетели черт знает куда, то у нас была реальная возможность совершить подобный бросок, но вы-то? Ваша Сфера каким образом сюда приползла?

– Очевидно каким, – не сводя с него зеленых глаз, ответила Лиза, – она провалилась в кроличью нору.

– В кротовую, в таком случае, – кивнул Орлиевский.

– Беседуете на варварском языке? – раздался у них за спиной голос. Оба, и Малкин, и Орлиевский, резко обернулись. Горячий чай плеснул на колени капитана, и тот смачно матернулся, забыв, что право на безнаказанность попрано русскоязычной Лизой. Но та не обратила на брань ни малейшего внимания и во все глаза смотрела на стоявшего в углу Смита.

– Я прошу прощения, что мешаю, – хмыкнул тот. – Но, если честно, не успел выключить автопереводчик и завладел частью информации, так сказать. Пиратски, – подмигнул он Лизе. – вычеркнуть из памяти?

Лиза застыла. Орлиевский посмотрел на лучезарное лицо Смита и непроизвольно скопировал его улыбку.

– Да нет, владейте. Особенно, если знаете, как ее удачно применить.

– Да вы уже сами ее применили. Ведь если все так, как вы говорите, то это единственное объяснение происходящего. И она не самое плохое.

– Что ты имеешь ввиду? –спросил капитан.

– Ну это хоть какое-то пояснение, что уже прекрасно для нашего положения. И потом, если вы и правда летели к Псу… Хотя слово летели тут не очень годится. Совершали переход? – Смит состроил гримасу, претендующую на уважительную.

– Да, – процедил Орлиевский, – совершали…

– Так вот, – кивнул Смит. – Если совершен пространственный бросок, то в ткани пространства вполне могли произойти смещения… Вы же слышали про теорию струн, капитан?

– Кто ж ее не слышал. – Орлиевский подошел к Смиту. – То есть ты считаешь, что вы к нам присоединились? Провалились вслед на двадцать пять тысяч световых лет?

– Это единственное возможное объяснение. Надо посмотреть наше взаиморасположение, посчитать. Но похоже, – Билл гостеприимно развел руками, – мы все здесь, у Большого Пса.

– И всем нам большой писец, – закончила Малкин снова по-русски, но лицо ее без всякого намека на улыбку было обращено к Биллу Смиту. Георгию стало не по себе от ее взгляда на пилота, что-то в глазах Лизы заставило его перестать на несколько мгновений дышать. Он с трудом отвел взгляд от ее бело-рыжей головы.

– А что тогда со звездами? Что тут вокруг, по-твоему? – снова обратился он к Смиту.

– Слушай, капитан, нужно сравнить все данные с бортовых систем. Абсолютно все, до последней картинки. Должно быть пояснение, и координаты…

– Координаты у нас последнее время неизменны, если слово «время» вообще стоит употреблять.

– Если все так, как вы говорите, то вполне возможна элементарная ошибка в расчетах времени. И это не семь земных минут, а семь лет. Или семьдесят, тоже не удивлюсь. А кислород, еда, топливо и все остальное в норме, так как за семь минут и не должно ничего убыть. Равно как и в нашем теле. Застыли, замерли. Но главное в другом.

Смит поднял вверх указательный палец, подчеркивая важность сказанного.

– Как я понимаю, вы же рассчитываете на обратную петлю?

Орлиевский снова прошелся по салону, глядя строго вниз. Да, они рассчитывали, ждали. Долго сидели пристегнутыми в креслах. Потом только отбегали на пару секунд, потом вставали поразмяться. А теперь вот спят себе в каютах, словно и нечего больше ждать. Хотя, судя по тому, как они оказались здесь, может, и не тряхнет вовсе… Настоящий адский кошмар.

– Но тем не менее, единственное место, где мы можем быть – это Созвездие Большого Пса, – выговорил он в конце концов.

4

Когда Картер зашел в комнату, Георгий, Смит, Лиза и Ямото-старший сидели у зависшего в воздухе виртуального экрана, остальные расселись по салону, стараясь держаться подальше друг от друга. На экране было два изображения. Первое транслировалось Смитом из системы управления шаттла. Второе было собственно той самой картинкой, которую демонстрировал монитор «Венеры» все последнее время. Не стоило долго присматриваться, чтобы понять: ракурс абсолютно одинаков. Смит, сидя в очках, производил какой-то анализ и вычисления, но идентичность изображений была видна и невооруженным глазом.

– Классический пример, что такое оказаться не в то время не в том месте, – заметил Ямото. – Удивительное соответствие расположения относительно всех возможных точек координат. Захочешь нарочно повторить – не выйдет никогда.

– Да, – ответил капитан, – остается только понять, какая из этих возможных координат наградила нас подобным эффектом.

– Видимо, все разом, – проговорил Смит. – Судя по всему, мы шли буквально за вами следом. Одно не понятно, как мог такой полет быть не внесен в расписание вылетов?

– Мы не афишировали наши планы. Это скорее, – Орлиевский подыскал слова, – частное мероприятие.

– Ну и расплодилось же таких частников, – протянул Акира. Было ощущение, что какая-то мысль не дает ему покоя, но он не может поймать ее за хвост.

– Я правильно понимаю, что эта несчастная сфера влетела в тоннель у нас на хвосте? – спросила из дальнего угла салона Анна.

– Иначе никак, богиня, – ответил Смит. – С другой стороны, это единственный шанс оказаться в местах столь отдаленных, – продолжил он. – И, судя по словам командира, это единственное место, где мы могли все оказаться.

Вся его блестящая тирада повисла в воздухе. Акира энергично затряс головой, споря сам с собой.

– И что теперь? – протянула Лиза.

– Насколько я понимаю, только ждать. Астронавтам обещали обратную петлю.

– Кое-что не сходится, тем не менее, – снова произнесла Малкин. – Насколько я помню, на Земле год – в космосе минута, а не наоборот.

– Вопрос соотношений во времени вообще не изучен, как вы понимаете. И сколько уже прошло времени на земле, нам тоже не известно, – сказал Георгий. – Меня больше беспокоит вид звезд, всего пространства вокруг. Что-то не так, так быть не может.

– Очевидно одно: наши координаты на момент перехода абсолютно идентичны. То есть вы последовали за нами. Сквозь кротовую нору в созвездие Пса.

– Причем тут эти координаты, командир. Я полагаю, то, что нас сюда втянуло, на этих картинках не видно, – вдруг резко проговорил Акира Ямото. – И у меня огромные сомнения по поводу этого вашего пса.

– О чем это вы, сэр? – спросил внезапно Родригес, сидящий, по своему обыкновению, на отшибе, за их спинами. – Что значит втянуло?

Ямото повернулся к Микки.

– Давай. Поведай им свои соображения.

Микки, сидящий за Родригесом, привстал, не разогнувшись как следует. Было видно, что перспектива говорить при всех этих людях его пугает.

– Давай, Микки. Излагай. Версия предельно нелепая, но не тупая. Не тупее пространственного броска в никуда, –

язвительно добавил японец и обвел взглядом присутствующих, словно намереваясь грудью встретить возражения и множество встречных теорий. Народ молчал. Все взгляды были устремлены на Микки. Молодой человек пошел пятнами и замер.

– Ладно, – сказал Акира. – Изложу сам. Микки ученый. Если вдруг у кого-то возникли вопросы. Так вот, Микки – физик. За его плечами академическое классическое образование. Доктор наук. МТА, Бостон, – добавил Ямото.

Оливия издала сдавленный вздох восхищения. Лиза окаменела, сверля глазами пол. Сержант Ли восхищенно вздохнула. Смит присвистнул. Анна, Картер и Орлиевский смотрели на них с интересом, ожидая объяснений.

– Я вижу, что вы понимаете, о чем идет речь. На всякий случай добавлю: он один из пятидесяти студентов-физиков, получивший академическое присутственное образование на континентах Северной и Южной Америк и Евразии. Один из пятидесяти.

– Куда подевалась остальная толпа умников? – мрачно спросил Родригес.

– Остальные учились онлайн. Без допуска в аудитории, к лабораториям и к книжным изданиям. В онлайн классах, в онлайн курсах, онлайн университетах. В оставшиеся в мире пять присутственных учреждений им входа не было. Возможно, среди них есть тоже неплохие специалисты, только я бы не стал даже пытаться проводить параллели. Так вот. Микки предположил следующее.

Акира набрал побольше воздуха, собираясь сообщить выдвинутую вызывающим у него рьяную гордость сыном теорию.

– Мы попали в черную дыру!

Сначала все молчали, а потом раздался смех. Пожалуй, это был первый громкий и искренний смех за все время, проведенное среди «соплей», как называл здешние звезды Картер.

Смеялись долго, с удовольствием, на все лады, словно пытаясь смыть этим смехом весь ужас пережитого. Когда веселье улеглось, Акира все еще стоял посередине комнаты. Вид его ничуть не изменился – все та же надменная воинственность.

– Насколько я помню, – сказала Анна, – ближайшая к нам черная дыра находится примерно в восьми тысячах световых лет. V404Cygn, созвездие Лебедя. Не так уж и далеко, конечно, по звездным меркам. Только мы бы ее заметили. Она в 12 раз больше Солнца.

Ямото помолчал и тут сделал такое, что вызвало всеобщую оторопь – он улыбнулся. Улыбнулся той самой знаменитой японской улыбкой вежливости, которой славна культура страны восходящего солнца. Всей страны, кроме Акиры Ямото.

– Анна, вы абсолютно правы и очень остроумны. К тому же нестерпимо прекрасны. Но я, вернее Микки, имел ввиду совсем другую черную дыру. Маааааленькую, – и он показал пальцами в воздухе, какую маленькую дыру имеет ввиду.

– Планковские черные дыры, – раздался голос Микки. – Они малы. Масса порядка десят в минус пятой степени. А плотность вещества в такой штуковине около десяти в девяносто четвертой степени кг/м в кубе. Это из квантовой гравитации. Теория, имевшая популярность лет сорок - пятьдесят назад. Но конкретных ответов не получено.

– На что? – спросил Смит

– Ни на что, – по-прежнему глядя в пол, ответил Микки. Никто больше не смеялся. – Так вот. Идея в том, что эта дыра может находится не в световых годах от нас, а прямо перед носом. Чуть выше исследованных орбит. Да хотя бы и прямо на них. И скорость, и орбита вращение Земли вокруг Солнца и Луны вокруг Земли может как раз в той или иной мере быть продиктованы присутствием такой мощной гравитационной силы. Причем она может как притягивать объекты в космосе, так и отталкивать их друг от друга. Законы ее взаимодействия с остальными космическими телами не изучены. Никем. Сплошные догадки и гипотезы.

Воцарилось молчание. Через какое-то время раздался голос Мэтью:

– То есть, молодой человек, вы предполагаете, что нас туда засосало? В это пространство? Но сколько мы видели всяких научных... ммм... – поискал он нужное слово, – фильмов... Ну, вернее, не фильмов, скорее компьютерной графики, порой такой захватывающей... – Он прервался под скептическим взглядом Родригеса, но потом продолжил. – Короче говоря,

вход в так называемую кротовую нору, тоннель в пространстве, занимает массу времени, преобразований, температура...

Мэтью замолчал, чувствуя шаткость своей аргументации.

– Ученые могут только предполагать, как это все могло бы быть, – ответил Микки. – Начнем с того, что даже минимально близко к черной дыре живой человек приблизиться не в состоянии. Он погибнет за миллионы километров. А вот если...

Парень встал с места. Глаза его горели. Лиза замерла, не в силах оторвать взгляд от этой воинствующей гармонии в каждом движении тела и черте лица. Микки подошел ближе и теперь говорил, обращаясь конкретно к командиру.

– Я могу точно так же предполагать и домысливать. Но идея такая. Мы оказались в зоне действия такой дыры. Маленькой дыры, планковской. Причем не просто в зоне действия, а под определенным углом и с определенной скоростью движения, при которой она могла нас поглотить. Так как подобного размера объект не может создать перехода сквозь время в том самом смысле, к которому мы привыкли при подобных теориях.

– Что значит – перехода сквозь время? – испуганно спросила Ли.

– Ну это же очевидно, – ответил за сына Ямото старший. – Для этого не надо даже кончать МТА. Вы в каком, позвольте спросить, году вылетели в этот ваш полет? – обратился он к командиру. – С этим вот замечательными 3D мониторчиками и печкой двадцать восьмого года выпуска?

Теперь все глаза были направлены на Акиру. Тот имел вид воинственный, но хотя б не улыбался.

Орлиевский заговорил первым.

– Мы вылетели второго мая две тысячи тридцать четвертого года.

– Прекрасно. Теперь спросите, когда вылетели мы.

– Нет! – закричала Оливия. – Не надо! Не надо так говорить! Я не могу это слушать!

Женщину трясло, она кричала, извиваясь всем телом. Мэтью и Смиту с трудом удалось ее усадить на сиденье у стола. Анна принесла какой-то флакон и брызнула Оливии в лицо. Та резко

вздохнула и замолчала. Все это время Джерри, Орлиевский и Акира не отрываясь смотрели друг на друга.

– И когда же вылетели вы?

– А мы вылетели несколько позже, – ответил японский миллионер. – Семнадцатого октября пятьдесят пятого. А точнее, позже на двадцать один год. А технологии, – продолжил он через небольшую паузу, – идут сейчас такими темпами, что не заметить этой разницы в оборудовании и снаряжении просто невозможно. Так что тот факт, что мы стартовали в разные моменты, был очевиден сразу.

– Так что выходит, – проговорил Джерри, – мы сидим тут двадцать лет?..

– Я думаю, все не совсем так, – ответил Микки. – Не прошедшие годы, а отсутствие времени как такового. Вот что важно.

– Вот сейчас не понял вообще, – сказал Смит.

Микки поднял на него глаза, и снова спрятал взгляд.

– Мне кажется, оба наших корабля попали в одну и ту же точку временного провала, каждый из своего момента реального времени. Но из одной точки координат и скорости движения.

– Но в таком случае «Венера» не могла втянуть сферу за собой, – медленно произнес Орлиевский.

– Но она могла создать этот проход, – ответил Микки.

– Что создать? Черную дыру? – глаза капитана загорелись нехорошим огнем, но Микки не обратил внимания.

– Если речь идет о переходе, то вполне возможно. Как раз на этом и построена идея. Искусственное создание планковского провала.

Георгий застыл, уставившись на Ямото-младшего, тот спокойно выдержал его взгляд. На этой территории Мики чувствовал себя уверенно и спокойно. У Орлиевского же в голове звучали слова Тамерлана: «Сквозь созданный прибором проем…». Созданный. Искусственно созданный им, Тамерланом, проем. Маленькая черная дыра.

– Ну и что? Мы прибыли в эту галактику с разницей в двадцать один год? – спросила Лиза.

– Остается предположить, что да, – неуверенно ответил Микки. – Хотя меня смущает то, что оба – ваш корабль, да и сфера вкупе

с шаттлом, – оба слишком велики для подобного провала. Не сходится... Что-то не сходится...Я сильно удивлюсь, если мы все-таки в CMaDWARF.

Снова возникла пауза. Каждый из присутствующих старался переработать услышанное с успешностью, зависящей от полета фантазии и базовых знаний по астрофизике. Выходило не очень.

– Значит получается, там внизу лежу мертвый я из будущего? Полетал здесь с вами, вернулся, пожил и умер, прилетев второй раз на одно и тоже место. Не выдержал потрясений… – Картер обвел глазами всех присутствующих. – Редкого везения парень, не так ли?

Смит даже хмыкнул.

– Ну ты всегда был незаурядным парнем, – рассмеялся он. – Хотя, чтоб вот прямо вот так... – под конец фразы Смит скис, улыбка обвисла.

– Редкого, конечно редкого везенья, – подхватил Акира, – он же что нам говорит: посидел здесь, вернулся на Землю и полетел дальше. Очень оптимистично.

– То есть вы утверждаете, что вернуться отсюда нельзя? – спросил Джерри. – Должен быть обратный бросок!

– Я ничего не утверждаю, вы что, с ума сошли? Кто здесь может что-либо утверждать? – зло пролаял Ямото.

Лиза молчала. Пожалуй, она могла кое-что утверждать. Она знала как минимум двоих из присутствующих в комнате, кто вернулся. Она не имела никакого представления, как именно это произошло, а главное, как отреагируют все эти люди, если она объявит о своем знании. «Не буду ничего пока говорить. Не могу», – подумала она.

– Подождите. Есть идея, – Смит сел с размаху на стол, поднял ладони перед собой, призывая к примирению и спокойствию. – Если вы летаете уже больше двадцати лет, то в нашей-то системе должны быть сведения о каждом из вас. У нас в базе Корабля Мечты все всемирное хранилище информации вплоть до момента вылета сферы. Так что про всех живых и мертвых кое-что наскребётся. Если вы, конечно, не космические пираты. Вы пираты?

– Нет, – как-то слишком быстро ответил Орлиевский, не глядя ни на кого.

– Тогда говори имена. Целиком и полностью с датой и местом рождения.

Смит нацепил очки.

– Георгий Орлиевский, тысяча девятьсот девяносто первый год рождения, Москва, Россия.

На экране возникло серьезное лицо Георгия. Он казался намного старше, чем теперь, и поражал странно-мертвым выражением лица.

– Георгий Орлиевский. Командир 3-го ранга с расширенной зоной допуска. Так, так, так, родился, учился, создал, разработал, воевал, жена Анна Валенсия, детей нет... Вот. С две тысячи тридцатого владелец корабля- транспортника «Анна». С тридцать первого владелец корабля- транспортника «Венера». Является хозяином компании по доставке грузов и пассажиров на отдаленные участки. В тридцать втором году продает корабль «Анна». Уходит из военного ведомства, переходит в развлекательный сегмент, частные космические путешествия. В тридцать четвертом продает также и «Венеру» и уходит из космической программы. В две тысячи тридцать пятом году присвоена инвалидность, ментальное расстройство. Опекунство оформлено на Илью Орлиевского, две тысячи шестого года рождения. С тридцать шестого года проживает в Крыму, без определенных занятий.

Лицо Орлиевского приобрело каштановый оттенок, от в нитку сжатых губ побежали витиеватые морщинки куда-то вниз шеи. Через несколько секунд капитан заставил себя улыбнуться, прерывая в который раз за этот вечер навалившуюся тишину:

– О, Крым – это интересно.

– Там стало очень красиво после признания суверенитета, – нарочито воодушевленно заговорила Оливия Купер. – Потрясающее место, просто оазис какой-то... Все чисто, ухоженно...

– Так что жив ваш командир, загорает, пьет вино. С годами очухается от поездки, – продолжил рассказ Смит. – О чем это нам говорит? О том, что все будет прекрасно! Теперь Анна. Полное имя?

– Анна Венера Валенсия, тысяча девятьсот девяносто шестого года рождения, Барселона, Испания.

– Отлично, – Смит произнес ее имя. – Так, есть такая. - кивнул он на фото. Широко улыбнулся Анне и вмиг увял, встретив взгляд без всякой тени улыбки. – Итак. Ну, начало вы сама знаете. Вот. Летная школа в Камбодже. Пилот высшей категории с допуском. Работа: Камбоджа, Шанхай. С двадцать восьмого года супруга Г. Орлиевского. Совместные полеты, бизнес. С две тысячи тридцать четвертого года сведений о ней в системе не имеется.

Радостный и бодрый поначалу голос Смита снова приобрел несвойственную задумчивость.

– Странно, – помолчав, добавил он. – Как правило, сведения есть обо всех.

Смит замолчал. Анна равнодушно отвернулась от него и устремила взгляд на Родригеса.

– Нет, – ответил индеец на ее немой вопрос. – Даже не думай предсказывать мне судьбу, не имею никакого желания выслушивать. Итак узнал больше, чем хотел.

– Прочти про меня, Смит, – глухо сказал Картер.

– Хорошо. Джереми Джон Картер, две тысячи четвертого года рождения, Хьюстон, Техас.

На экране была лицо того самого лейтенанта Картера, который в данный момент неподвижно лежал в нижнем отсеке. Гладкое лицо, короткие волосы, приветливая улыбка. Без синей пряди в волосах.

Лейтенант Джереми Картер, Летная Академия, Иллинойс, Принимал участие в боевых действиях в Палестине 2025, награжден звездой за храбрость (экипаж У. Смит, Д. Картер).

С две тысячи двадцать восьмого года пилот высшей категории на транспортных ведомственных кораблях ТАКА с расширенной зоной допуска. В тридцать первом Московское отделение ТАКА, пилот высшего класса, отделение Атлас. С тридцать четвертого по сорок пятый перерыв в полетах. А с сорок пятого и по сей день занимает должность второго пилота в ТАКА, VIP отдел Сан Франциско, совершает регулярные рейсы до объектов высокой категории сложности.

– Ого, – усмехнулся Орлиевский. – Одиннадцать лет простоя и на тебе, ВИП отдел. Как это так вышло?..

– Я подсобил. Наткнулся на него случайно, на Гоа. Серфер хренов… Ну и пристроил на Мечту, – ответил ему Смит, бросив быстрый взгляд на Джерри. – Да, у вас всех карьера как-то не особенно сложилась после этого тридцать четвертого.... Кто пропал, кто лечится, кто отдыхает… очень долго отдыхает…

Смит снова оглянулся на Картера, но тот словно и не слушал его, молчал, только кадык шевелился в попытке проглотить ком в горле.

– Что-то я в принципе не увидел упоминаний о таком далеком полете на шаттле «Венера». Вы же в туристическо-развлекательный бизнес открыли? Как я понимаю, свадьбы – юбилеи катаете? И что, прям вот в экзосферу?..

– Это был единственный за последнее время нетуристический полет, – ответил Орлиевский. – Мы проводили эксперимент.

– Ну, это мы уже слышали. Рыли тоннели. – Едко проговорил Акира.

– И эксперимент этот должен был пройти незамеченным для ТАКА, – закончил капитан.

– С чего это?

– С того, что организатор и автор всей этой затеи проводил все это в тайне от ТрансКосмоса. Прямо у них перед носом.

Акира перестал нарочито громко пыхтеть. Тихо и серьезно стоял он перед капитаном Орлиевским, глядя на него пронзительными черными зрачками.

– Имя. – Сухо спросил он.

– Чье? – не понял капитан.

– Автора проекта.

– Тамерлан Магометов, – ответил Орлиевский. – Почему вы спрашиваете?

– Да так, – протянул Акира и оглядел медленным пронзительным взглядом по очереди в Картера, Орлиевского и Родригеса. Подошел к Анне и долго пялился на нее, словно впервые увидел. Какая-то мысль билась об его лоб, оставляя кровоподтеки и синяки, и принять ее Акира явно не решался.

Он снова оглянулся к Орлиевскому, потом медленно перевел взгляд на Картера.

– Не может быть, – скрипуче проговорил он. – Вылетали из Токио?

Орлиевский коротко кивнул.

– Вы что-то знаете про этот полет, господин Ямото? – быстро спросила Лиза.

– Знаю, – хрипло произнес тот. – Кое-что знаю.

– И что же именно? – выдохнула Малкин.

– Мы не в созвездии Пса, – задумчиво ответил японец.

– Это не я! Этот мужик внизу – не я! – вдруг заорал Картер, пнул ножку стола и вылетел из помещения.

Родригес вопросительно посмотрел на командира, тот кивнул и направился к пульту управления. Счет, по сути, шел на секунды, хоть и разница курсов было очень незначительна, антенна неуклонно отдалялась от шаттла. Картер, оказавшийся на той стороне иллюминатора, помахал рукой в камеру и запустил реактивный ранец. Мощным толчком его кинуло вперед в сторону неторопливо плывущей от шаттла основной антенны. Расстояние, как оказалось, увеличивалось быстрее, чем можно было предположить. Картер совершил еще один рывок и настиг свою цель, буквально схватив антенну за хвост. Страховочный трос был полностью натянут, несмотря на усилия Орлиевского скорректировать курс «Венеры». Картер, пристегнув себя к одному из витиеватых металлических сочленений, махнул рукой, подавая сигнал, чтоб его тянули обратно. Родригес протянул руку к управлению тросом, и тут шаттл тряхнуло с утроенной против прежнего силой. Антенна резко перевернулась вокруг своей оси и, полностью поменяв направление, на высокой скорости двинулась прочь от шаттла. Картер, пристегнутый к ней карабином, словно сказочный наездник, мчался в космическую даль, увлекая за собой оторвавшийся от «Венеры» трос.

Зрелище было фантастическое. Трое в шаттле замерли у экрана наружной камеры, словно пытаясь осознать происходящее. Три секунды висела мертвая тишина. Первым пришел в движение капитан. С бешеной скоростью его пальцы летали над виртуальным плато, меняя курс шаттла.

– Ты его видишь, Адэхи? – прокричал капитан, не отрываясь от компьютера. Родригес пытался восстановить связь с Картером, но пока в ушах стоял только треск и шип. Видимости с камеры с его шлема тоже не было.

– Пока тишина, – проговорил он. И вдруг раздался голос лейтенанта.

– Эй, прием! Вы меня слышите?

Орлиевский и Родригес чуть не столкнувшись лбами нависли над камерой.

– Картер! – заорал капитан. – Что там у тебя?

– Лечу. – Голос Картера звучал так близко, что Родригес непроизвольно обернулся. Взгляд его уперся в лицо Анны, застывшее прямо за его затылком.

– Быстро летишь? – задал Орлиевский идиотский вопрос, но ему даже не стало за это стыдно. – Направление можешь определить?

– Судя по виду земли, сейчас где-то над индийским океаном.

– Что, такая видимость? – протянул Родригес.

-Да, прекрасная погода, – хмыкнул Картер. – Но пейзаж быстро меняется. Видимо, лечу быстрее вас, ребята. И это, как я думаю, не очень хорошо?

– Ты еще видишь шаттл? – спросил Орлиевский.

– Сейчас попробую оглянуться. Светитесь вот, на пол седьмого. Смотрите.

Перед астронавтами возникло изображение с камеры Картера. Орлиевский немедленно ввел данные в систему.

– Ясно. – Капитан быстро провел руками над панелью, производя расчеты. Родригес и Анна замерли у него за спиной.

– Он здесь. Превосходит нас по скорости, хоть и незначительно. Если лечь на эту траекторию, то можно будет зайти ему в лоб.

– И что? – Адэхи в упор посмотрел на командира. Орлиевский понял, что тот имеет ввиду. Перехватить объект, движущийся на космической скорости навстречу другому объекту, движущемуся на космической скорости, будет весьма затруднительно.

– И что предлагаешь?

– Догнать и постараться сравняться.

– На это уйдет не менее сорок минут. Разворот и фактически смена орбиты. Сколько у него кислорода?

– Часа на полтора должно быть.

– Должно или точно?

– Максимум два часа, – тихо сказала Анна. Орлиевский кивнул, не поворачивая к ней головы. Решать и действовать надо было немедленно.

– Пересчитывай, Адэхи. Постараемся пойти вдоль. Картер, слышишь?

– Да, командир.

– Дыши там пореже. Мы разворачиваемся.

– Постараюсь, командир.

– Если он отцепится и использует ранец, то может значительно затормозиться, – проговорил Родригес.

– Если он отцепится, то сменит направление, а мы останемся без антенны. Так попробуем, – хмуро проговорил Орлиевский.

– Можно будет забрать Картера, а потом уже… – тихо сказала Анна.

– Потом уже ничего будет нельзя. Ни найти, ни достать на борт. – резко ответил капитан, не глядя на жену. – Действуем, Адэхи. Родригес кивнул и подошел к люку, отправляясь в нижний сектор. Пока он задавал новые команды в систему, стояла гробовая тишина. Анна как вросшая сидела в кресле, вцепившись в поручни. Орлиевский замер, разглядывая изображение с камеры Картера, которое по-прежнему транслировалось на центральное табло.

– Эй, Джерри, – проговорил он после долгой тишины, – как ты там?

– Слушай, Грэг, я попробую ее затормозить, но я боюсь, она опять развернется и все по новой…

– Скажи ему, чтоб он отцепился от антенны, – тихо, но очень жестко произнесла Анна. – Пусть отцепит карабин и включит ранец.

– И развернется вообще неизвестно куда. Не в антенне уже суть! Сейчас мы хоть можем предсказать момент встречи, а так все заново, а воздуха все меньше.

– Пусть он отцепиться от этой чертовой антенны!

В ее голосе послышалась истерика. Орлиевский впервые посмотрел на нее. Лицо было белое, покрытое испариной, прядь волос прилипла к мокрому лбу. Георгий медленно подошел к ней и присел на корточки перед креслом. Она опустила на него страшные нездоровые глаза и впилась ими в его лицо как иглами. Орлиевскому показалось, что он чувствует реальное покалывание на щеках.

– Мы его догоним, – тускло произнес он. – Догоним и снимем с антенны. Антенну установим и благополучно вернемся домой.

– А без антенны? – тихо и жалобно спросила она.

– А без антенны нет. Без связи и навигации – не вернемся.

Анна кивнула и закрыла глаза. Он еще оставался пару секунд в прежней позе, потом медленно встал и направился к пульту.

– Картер? Ау, ты здесь?

– Ну да, где-то здесь, – голос лейтенанта звучал тускло.

В люке показалось лицо Родригеса.

– Все сделал. Выйдем на его траекторию в пределах часа. Дальше будем выравниваться.

– Нам нужен максимум час, – сказал Орлиевский. – Надо держаться, лейтенант.

– Я держусь, капитан. Крепко держусь за эту чертову железку, – шершавым голосом ответил Картер. Он пытался острить, но было ясно, что он не в самой лучшей формы. Показатели давления и пульса со встроенной системы в скафандре лейтенанта были в красной зоне.

– Слушай внимательно. Прямо перед перехватом дам сигнал. Строго в определенный момент надо будет сделать рывок. Именно синхронно, слышишь?

– Да, капитан.

– Что у него с кислородом? – тихо спросил Орлиевский.

Родригес отвел глаза.

– Не очень, командир. Осталось двадцать процентов.

– Другими словами, у нас нет этого часа?

– Я думаю, он старается экономить. Так что не стоит вести беседы…

– Экономить кислород? – переспросил Орлиевский. – Это шутка?

– Нет, командир. Есть техники. Некоторые военные владеют ими очень неплохо.

Орлиевский недоверчиво смотрел на механика, заставляя себя поверить его словам. Лучше было принять его версию, так как иначе шансов у Картера было немного. Вернее, не было вовсе.

– Если кислорода действительно осталось двадцать процентов и лейтенант дышит как мы с вами, сколько у него времени?

– Полчаса? – полу вопросительно полу утвердительно ответил индеец.

Повисла пауза. Капитан долго смотрел куда-то перед собой, потом резко бросил Родригесу.

– Ускоряемся. Давай, спускайся и перепроложи!

– Мы проскочим его, командир, – тихо ответил Родригес.

– Выполняй!

Индеец застыл, не в силах отвести взгляд от командира. Орлиевский сам метнулся к люку. Медленно переплывая от поручня к поручню, он добрался к главной системе управления шаттлом. Взмахом руки вывел на виртуальный экран все заданные Родригесом параметры. Целую минуту его глаза не отрывались от верениц сверкающих цифр. Затем резким движением он очистил плато и ввел новые команды. Родригес, подплывший к нему, тяжело дышал за спиной.

– Если пойти таким путем, то можно остаться без обоих пилотов, командир, – тихо сказал он.

– Ты сделаешь все, чтобы забрать нас, – ответил тот и быстро двинулся к шлюзу.

Через несколько минут Орлиевский, одетый в скафандр, был готов к выходу в космос. Родригес, контролировавший процесс из верхнего салона, махал ему в камеру с натужно-ободряющей улыбкой.

– Готов, лейтенант? – проговорил Орлиевский, обращаясь к Картеру.

Картер молчал. Адэхи и Орлиевский оба замерли, один у центрального экрана, другой перед дверью шлюза.

– Картер, прием!

Ответа не было. «Вот и все. Ты этого хотел?», – пронеслось в голове у капитана. Тошнота волной поднялась к горлу, он с трудом заставил себя сглотнуть. Ему вдруг показалось, что он попал в самый центр роя то ли ос, то ли мух, и они с отвратительным жужжанием закручивают его в смерче, проникая в его мозг и превращаются в его собственные мысли и чувства. Обладая высоким эмоциональным интеллектом, Георгий всегда был в состоянии определить, какие именно чувства он испытывает, отличить гнев от зависти, радость от облегчения и тому подобное. Сейчас же, не услышав ответа

Картера, он не мог понять ничего, услышать себя, вычленить конкретные чувства. Он просто вращался в рое хищных ядовитых насекомых, не в состоянии унять их звон в ушах.

– Начинаем, командир? – Голос Адэхи прорвался сквозь звон в голове. Георгий подождал еще несколько секунд. Тошнота немного отступила. За спиной заурчала первая дверь, отсекая его от корабля. Через несколько секунд открылась вторая дверь шлюза, и Орлиевский шагнул в пустоту.

– Как дела, командир? – голос Родригеса так неожиданно раздался прямо в ухе, что капитан вздрогнул.

– Порядок, – ответил он нарочито небрежно. – Картер не заговорил?

– Нет, молчит. Вы его видите?

– А должен уже? – Григорий попробовал оглянуться, что было достаточно непросто. –Где он?

– На тридцать градусов вправо. Мы с ним должны поравняться через полторы минуты.

Орлиевский уже различил светлую точку, движущуюся немного правее шаттла. Теперь, после разгона «Венеры», она двигалась значительно медленнее корабля, и судя по всему, должна была остаться позади буквально в миг.

– Что со скоростью? – спросил он Адэхи.

– Делаю все что могу, капитан, – по его тону было понятно, что прогноз не оптимистичный. – До максимального приближения пятьдесят секунд.

– Мне нужно подойти на длину троса, Адэхи, – сказал Орлиевский.

– Стараюсь, командир.

Силуэт Картера, прижатый к огромной паутине антенны, был теперь прямо перед капитаном. Надо было добраться до него за то время, пока шаттл проходит точку пересечения. Это было мало реально даже используя ранец. Адэхи впился глазами в экран. Каждый мускул его большого тела был предельно напряжен и готов к немедленному исполнению любой, самой неожиданной команды капитана.

– Вытягивай нас, как только я за него ухвачусь, – быстро проговорил капитан. – Все. Три, два, один.

Орлиевский рывком выпал из шлюза, направляя себя в сторону плывущего под ними Картера. Родригес отслеживал каждое движение капитана, словно в замедленной сьемке. «Не успеет, никак», – стучало у него в голове. Шаттл проходил точку пересечения заметно быстрее, чем Орлиевский мог достичь цели. Трос был почти предельно натянут, еще секунда, и Орлиевский унесется вдаль от прижатого к антенне Картера.

– Картер! Картер, ответь! Отстегивайся, Картер! – голос Орлиевского прострелил барабанные перепонки Родригеса, но Картер никак не реагировал на призыв. Орлиевский отстегнул страховочный трос и, активно орудуя джойстиком, одним рывком достиг антенны. Родригес, почти прижавшись лицом к экрану, практически перестал дышать. Потом, судорожно набрав воздуха до самого дна диафрагмы, с невероятной скорости начал набирать серию команд, пытаясь максимально затормозить шаттл. Но, к отчаянию Родригеса, хоть разница скоростей и стала меньше, Орлиевский, Картер и антенна отдалялись от «Венеры».

– Есть! – хрипло проговорил Орлиевский, защелкнув на Картере карабин. – Сейчас попробую пристроиться к его ранцу, и прыгнем. Не убивайся, Родригес, – добавил Орлиевский. – Трос – вон, недалеко, на два рывка.

Какое-то время в ушах индейца раздавалось потрескивание и шип. Каждая секунда отбивалась от черепа и падала в желудок.

– Чертов скафандр. Не пошевелиться, – раздалось наконец, – Пристроился. Все, Родригес, лови нас.

Орлиевский, прицепив себя к Картеру, дотянулся до джойстика на скафандре лейтенанта, изловчившись запустить одновременно и свой SAFER. Странное сочленение астронавтов и антенны двинулось навстречу шаттлу. Орлиевский резко дернул рукой и вдруг помчался на огромной скорости, вытянув словно супермен одну руку вверх и таща за собою Картера и антенну.

«Какого дьявола?» – пронеслось в голове Родригеса. Но он уже понял, что происходит. Орлиевский, проткнув перчатку, двигался за счет стремительно покидающего скафандр кислорода, добавляя тем самым скорость себе и Картеру, но и теряя при этом соответственно весь запас воздуха, если вдруг эта стыковка не удастся.

Родригес считал секунды. Пот медленно полз у него по виску, скатываясь на шею. Уровень кислорода у Орлиевского был два процента. У Картера горела красным нулевая отметка. Им предстояло зацепиться за трос, а потом еще несколько драгоценных секунд добираться до шлюза. Без права на ошибку.

– Командир, слышишь меня? – Родригес не отводил взгляда от изображения с камер, но разглядеть детали было очень сложно.

Орлиевский не ответил. Секунды растянулись в неравномерную тестообразную нить, то раздуваясь в его сознании, то сплющиваясь снова. Время обрело тягучую плоть. Дышать становилось все труднее. Висящий впереди хвост троса казался игрушечным, как шнурок воздушного змея, который они запускали на заливе совсем, казалось бы, недавно, в прошлой жизни. Змей заигрывал с ним, вовлекая в состязание, азартно виляя хвостом. Георгий крепко зажмурился и потом усилием воли сосредоточил взгляд на тросе. Тот абсолютно без движения парил за кораблем. Между ними оставалось пара метров, капитан напряг каждый мускул в порыве ухватить трос. Растопыренная ладонь пролетела мимо, трос остался где-то сбоку.

«Все», – отпечаталось в мозгу капитана. Он рывком, чуть не свернув шею, повернул голову назад и увидел, что конец троса застрял среди металлических спиралей антенны. Орлиевский в странном изгибе, игнорируя все законы физиологии и возможности скафандра, вывернулся вокруг собственной оси и ухватил перчаткой трос. Еще через секунду, издавая утробное хрипение, не видя ничего перед собой из-за застилающего лицо пота, Георгий щелкнул карабином.

– Тяни! – он не говорил, скорее рычал, как раненое животное, выдавливая остатки воздуха из тела. – Родригес. Тяни!

Родригес, загипнотизировано стоящий у изображения внешней камеры, дернулся всем телом и включил трос. Странное существо из двух астронавтов и колец антенны быстро поползло к кораблю.

– Анна! – выйдя из ступора, Родригес обрел ясность мысли. Теперь все зависело от их скорости. Анна уже должна была быть готова у шлюза. – Анна, ты там?

Лицо Анны, одетой в скафандр, возникло на экране. Она кивнула и подняла ладонь вверх, что означало полную готовность. Родригес, задав еще ряд команд, быстро спустился вниз и устремился к скафандрам. Счет шел на секунды.

Первым они втащили Орлиевского. Он едва шевелил руками, но все-таки подавал признаки жизни. Потом Родригес втянул неподвижного Картера. Каждая секунда тикала в сердце Анны. Давление нагнеталось крайне медленно, отнимая по капле шансы Картера снова задышать. Родригес и Анна впились глазами в датчик, который, казалось, нарочно замер и не двигался с места. Как только показатели достигли минимально приемлемых, Анна рванула с Картера шлем. Глаза лейтенанта были закрыты, лицо имело синеватый оттенок.

– Быстро в капсулу, – скомандовала она Адэхи. Тот, стянув шлем с головы Орлиевского, подхватил Картера, быстрыми и сильными движениями вытянул его из скафандра и уложил в барокамеру. Анна, сделав ему несколько инъекций, захлопнула стеклянную крышку и начала вводить параметры, водя пальцем поверх сенсорной части стекла.

– Сколько он без воздуха? – спросила она индейца, не поворачиваясь к нему.

– Минимум пять минут, – ответил Родригес, помогая Орлиевскому. Тот стоял на четвереньках и судорожно то ли кашлял, то ли бился в судорогах, пытаясь втянуть воздух в сжавшиеся легкие. Анна, не отводя глаз от капсулы Картера, проделывала необходимые манипуляции.

– Адэхи, помоги мне его донести в медотсек.

Родригес, покосившись на капитана, подплыл, хватаясь за поручни, к Анне и начал подталкивать парящую в невесомости нижнего отсека капсулу с лейтенантом. Надо было немедленно подключать его к системам жизнеобеспечения и экстренной помощи, если у него вообще еще оставались шансы. Анна, словно кит касатка, плыла впереди. Родригесу было страшно смотреть даже ей в спину, встречи с ней глазами он бы просто сейчас не выдержал.

Орлиевский, придерживая рукой кислородную маску, надетую ему Адэхи, подтягивался от поручня к поручню, пытаясь добраться до люка. Мыслей не было. Сил не было. Сильно тошнило. Он с трудом подтянулся по лестнице и ввалился

животом на пол верхнего салона. Попробовал встать, и его немедленно вырвало. Еще несколько минут он лежал, распластавшись на жестком синтетическом покрытии, потом заставил себя подняться с пола, старательно обходя собственную рвоту. Наконец, оказавшись в кресле у пульта, он откинул голову на подголовник и заснул.

0000

1

Акира Ямото пытался пристроить свое привыкшее к удобствам тело в капсулу отдыха. Шаттл не был ориентирован на особый комфорт. Пассажирам, летящим к звездам, предлагались именно звезды, а не пятизвездочный отель. Изначально гостями этого корабля были инженеры, строители, геологи, изучающие поверхности астероидов, Луны. Или же сами астронавты, летящие на смену своим коллегам. Но последнее время Орлиевскому все чаще доводилось возить туристов, готовых плюнуть на комфорт ради ярких воспоминаний. В любом случае, роскошью «Венера» не отличалась никогда, крошечные койки-капсулы были рассчитаны именно на сон персонала и абсолютно исключали возможность полежать с книжкой, оперевшись на локоть, чего так не доставало Акире Ямото.

Акира попытался улечься на крышку капсулы, что ему, естественно, не удалось. Он снова залез внутрь, но так выходило лежать только на спине, причем укрыться можно было только задвинув крышку капсулы. Ямото рассвирепел. Он в ярости уселся на край капсулы и выругался.

– Может тебе пойти все-таки в салон? – тихо спросил Микки, лежащий на втором ярусе как положено, на спине, вытянув ноги. Он как раз собирался задвинуть верх своей капсулы, когда услышал отцовскую ругань.

– Да? И шевелить пальцами ног перед пьющим чай Родригесом? – брови японца взлетели над лицом, как две гусеницы-шелкопряда.

– Мне кажется, они привыкли к обществу в салоне, – максимально мягко ответил Микки, хотя искушение посоветовать: «Просто не шевели пальцами, папа» было огромным.

– Они привыкли, а я не привык. Боже, как же нужен отдых, – протянул Ямото каким-то несвойственным себе тоном. Микки подумал, что отец и правда вымотан как никогда, и вся эта агрессивная бравада уже не способна снять с него накопленную усталость. Акира не был молод. Он, по меркам Японии, еще и не был стар, конечно, ведь средние показатели смертности уже дошли до отметки сто тридцать лет, но и молодым его в

девяносто три назвать было нельзя. Он многое видел в жизни, начав разнорабочим в Окадзаки. Заработал первые серьезные деньги, активно вступая в сделки с обретшей свободу торговли Россией, новоиспеченные бизнесмены в которой были готовы продать все и всем, лишь бы увидеть доллар. Он сделал несколько первых миллионов, предвосхитив дотком двухтысячного и чрезвычайно удачно сыграв на акциях. Он создал корпорацию «Ямото HI (heavy industries)», обеспечив продукцией военного и двойного назначения все корабли ТАКА. И именно он был одной из тех скрытых фигур, завершивших растянувшуюся на два десятилетия войну с террором.

Все происходящее было мучительно для Акиры еще и тем, что никак не зависело от него самого. Он, в силу своего характера и судьбы, привык держать и других, и, что главное, самого себя, в руках. Не распускать, не позволять обмякнуть, ныть, сдаваться. Даже в тот день, когда он нашел лежащей на полу мертвой жену, он не позволил себе умереть. У него был Микки. Миколушка, как называла сына его Олеся. Мягкая, теплая, веселым смехом озаряющая его жизнь. Главное сокровище его на удивление долгоиграющего российско-белорусского делового партнерства. Ямочки, розовые щечки, голубые глазки. Он не ждал от нее долгих философских бесед. Ему нужна была только ее абсолютная любовь и тепло, льющееся из нее настолько щедро, что он таял и млел, просто сидя рядом.

Даже тогда, когда ее, сорокалетнюю, вдруг украл у него, восьмидесятилетнего, оторвавшийся тромб, он заставил себя ползти дальше. Сдаваться было запрещено.

А сейчас он не понимал, чего ждать, кто враг и к чему готовиться. И это уничтожало его.

Он, наконец, узнал командира. Тамерлан показывал ему фото Орлиевского и комментарии к его личному делу. Потом уже он вспомнил и Картера, и Родригеса. Только фото Анны ему не предоставляли, так как изначально она не должна участвовать в эксперименте. Да Акира и думать давно забыл про кучу потерянных денег, которые вынул у него Магометов, проча золотые научные кущи. Ямото-старший если и имел слабые места, то азарт исследователя был как раз одним из них. Азарт, многократно помноженный на любопытство дилетанта, с детства мечтающего о звездах. В библиотеке Акиры Ямото были все великие, да и не очень великие, фантасты XX–XXI

веков. Брэдбери, Азимов, Шекли, Нортон, Воннегут были зачитаны в прямом смысле до дыр и кочевали долгие годы по всем личным девайсам Акиры в цифровом виде, пока, наконец, не обрели покой непосредственно в его голове, в чипе. Звезды были его страстью. На этом и сыграл Тамерлан Магометов, подметивший искренний интерес к своей затее у этого сурового и абсолютно не обаятельного японца. Впервые они повстречались в двадцать девятом на одном из симпозиумов, посвященных новым видом космического топлива. Сам Магометов там присутствовал как разработчик, а Ямото в качестве почетного спонсора. Фигурой он к тому времени был уже известной далеко не только в узких кругах, и подобраться к нему поближе было не так-то просто. Тем не менее, Тамерлану удалось оттеснить от почетного гостя толпу желающих познакомиться и побеседовать, и на некоторое время Акира оказался у него в руках. Он слушал Тамерлана, и в глазах пожилого японца горели юношеские искры. Уже после первого приватного разговора, состоявшегося спустя несколько дней, Тамик понял, что нашел искреннего единомышленника, готового рискнуть многим, очень и очень многим, ради удовлетворения своего юношеского интереса. И интерес этот долго не угасал. Они пережили серию неудач еще на первых этапах разработки самой идеи. При этом размер вложений Ямото уже тогда мог бы вызвать оторопь у совета директоров ТАКА. Но даже Тамерлану Магометову, не смотря на все его заслуги в астроинженерии и мировую известность, необходимо было предъявить ТрансКосмосу не просто наброски идей, а нечто материальное, то, что руководство компании могло бы пощупать, рассмотреть, «подержать в руках». И без поддержки Акиры Магометов бы никогда не вышел на государственный уровень. Но и после того, как корпорация взяла его проект под свое крыло, он постоянно нуждался в содействии Ямото. Не все, далеко не все свои секреты и детали проекта готов был делить Магометов с корпорацией. В конце концов, непосредственно сам переходник был готов, причем, в строжайшей тайне от ТАКА, в двух экземплярах. И тут Тамерлан пришел первый прилив паники. Страх неудачи был настолько тяжелым и липким, что Магометов чувствовал себя распятым перспективой провала. И провал состоялся, даже два раза. Оба запуска с животными на борту не принесли ни малейших результатов. В первый раз вообще все было чисто, во второй же многие показатели, в том

числе и расход горючего, давали повод заподозрить какие-то новые процессы, но ТАКА уже не был готов рисковать деньгами и переключился на альтернативный проект молодого ученого из Ирландии. Тамерлан был практически одной ногой в психиатрическом отделении, Акира тоже пребывал в подавленном состоянии. Его расстраивали не деньги. Их у японца было достаточно еще на пару таких проектов, да и относился он к ним как к таковым достаточно спокойно. Акира переживал, что так ничего и не увидит, ни дальних галактик, ни инопланетян, ни две луны в чужом лиловом небе. Но все же снова пошел за едва пришедшим в себя Магометовым и еще раз дал денег. На этот раз на полет с живыми астронавтами на борту. Акира Ямото навсегда запомнил их долгий с Тамерланом ночной разговор. Тот верил. Упорно, вопреки любому здравому смыслу, верил в то, что переход происходит. «Ты пойми, Акира-сан, я кожей знаю, кожей!», – твердил инженер, нависая над Ямото. Тот уже не особенно верил, ничего хорошего «кожей не знал», соглашался на этот весьма рискованный шаг с тяжелым сердцем и, к огромному своему сожалению, оказался прав. Полет состоялся, не принеся побед. С пилотами контакта Акира никогда не имел, обещанные деньги честно перевел Тамерлану и постарался забыть об этом деле как обо всех провалах и потерях. Остался только неприятный привкус разочарования и почему-то обмана. Хотя в чем именно заключается этот обман, Ямото понять не мог, сколько ни пытался. С Тамерланом его пути разошлись. Впоследствии он узнал, что Магометова судили за хищения через пару лет после этого эксперимента, состоялся длительный процесс, всплыло множество неприятных подробностей его деятельности за спиной у корпорации, но до имени Акиры Ямото дело не дошло, как, впрочем, и до имен злополучного экипажа. Тамерлан же умер в камере от обширного инсульта за сутки до приговора, который, про прогнозам многих юристов, вполне мог быть очень мягким в силу чрезвычайных заслуг Тамерлана. Но, по всей видимости, у Тамика было свое собственное ощущение жизненных перспектив.

И вот сейчас вся эта история с проходом сквозь кротовую нору приобрела абсолютно неожиданный поворот. Весь проект обернулся в удивительнейший парадокс и загадку. Хотя, конкретно в их случае, скорее в отгадку, ключ к тому, что же с ними произошло.

– Микки, – Акира тихо позвал сына. Тот моментально спустился и присел на корточки перед койкой отца. – Послушай меня внимательно…

В последние часы Микки чувствовал, что отец не просто любит или гордится им, но и как будто ищет в нем опору. И это было для него самым пугающим. Он всегда был нежным и застенчивым мальчиком. Растила его мать. Мамуля. Она была моложе отца на сорок лет и не смела никогда и ни в чем ему перечить. Она вообще никому ни в чем не перечила. Дипломов не имела, в разговорах смущалась, иногда тихо пела на белорусском и рассказывала ему чудные долгие сказки. Она была самым добрым и нежным существом из всех, кого он встретил в жизни. Микки не мог понять, как отец, помешанный на образовании, мог доверить ей сына полностью, без всякого контроля, но так не и собрался с духом спросить. В любом случае, на нем, Микки, мамины слабости никак не отразились, и он-то получил образование блестящее, можно сказать, исключительное.

И теперь на него возлагались надежды пожилого отца. Микки не мог осознать такой перемены в расстановке сил в их семье.

– Ты спишь? – спросил Акира.

– Нет, – ответил Микки.

– Послушай меня…

Ямото старший только хотел было продолжить, как раздалось нерешительное поскрипывание у их закутка.

– Извините, – вполголоса проговорил Мэтью. – Это я, Купер.

– Что-то случилось, мистер Купер? – неприветливо спросил Акира.

– Нет, не то чтобы... Просто... Вы позволите? – Мэтью подошел к капсуле и присел на край. Акира посмотрел на него и также сел рядом.

– Меня мучает один вопрос. Микки, вы меня слышите?

– Да, мистер Купер, – ответил Микки.

– Так вот, – продолжал Мэтью. – Вот сейчас пилот читал про них про всех, ну, которые на этом корабле летали... Биографии их, – обрадовался он, подобрав нужное слово. – Так вот. Все про всех есть. Вот только ни одного упоминания ни про какие пропавшие корабли. Понимаете меня?

Купер перевел глаза с Акиры на Микки и обратно.

– Как же так? Ну, если вы говорите, что нас засосало в дыру. Это значит, никто не обратил никакого внимания на пропажу? Или нас втянуло, а потом точно так же обратно ... выплюнет? В тот же момент, что ли, чтоб вообще никто ничего не заметил? А мы что ж, и не рассказали ничего? Никаких заметок в сети, между прочим, типа «страшный рассказ пилота» или «как меня похитила черная дыра». Ничего такого не было. Или память отшибло всем вместе? Поясните мне! Как могли целый корабль и сфера провалиться черт знает куда? Одиннадцать человек всего, между прочим! А потом всосаться обратно и ни слова никому не сказать на Земле по возвращению? Или это какой-то сеанс массового гипноза, а не Корабль Мечты, вот! – воинственно закончил он, уже не приглушая голос.

Акира молча выслушал, потом перевел глаза на Микки.

– Микки, – тот поднял глаза на отца и закусил губу. – Могли ли быть не замечены никем пропавший корабль и целая группа самых богатых в мире туристов?!

– Мы не можем ничего сказать, заметили ли пропажу Корабля Мечты. Нам это неизвестно. У нас информация только на момент отлета корабля. Мы понятия не имеем, заметили они это или нет. Можно только строить догадки. А вот то, что никто не заметил пропажу «Венеры», это другой вопрос.

Микки помолчал. Он был еще не готов выложить все те выводы, которые мучительно напрашивались в его голову последнее время, если таковое существовало сейчас для них.

Мэтью переводил взгляд с отца на сына и снова на отца. Он тяжело и шумно дышал.

– Знаете, что я вам скажу? Я вот что думаю, – продолжил он, не дождавшись ответа. – Это все игра. Дурацкая шутка. Эти обезумевшие от жира и безнаказанности так называемые бизнесмены ставят на нас какой-то опыт и…

– Подождите, мистер Купер, – Микки помотал головой, словно отгонял муху. – Папа, мы можем же воспользоваться еще раз системой информации шаттла?

– Это скорее вопрос к Смиту, но не думаю, что он будет сопротивляться, – проговорил Акира, натягивая ботинки. – Пошли, поговорим.

И он быстро пошел в сторону комнаты.

2

Рука ныла невероятно от самого кончика срезанного пальца до локтя. До зубного скрежета. Картер достал из аптечки новый жгут и флакон с аэрозолем, сжал зубы и сдернул липкий слой. Кровь немедленно начала сочиться. Края раны были синие, толстые, подушка срезана подчистую, на ее месте просто был плоский кусок живого мяса. От этой пульсирующей болью площадки бежали замысловатые борозды, прорезанные винтом, напоминающие лепестки розы. Поначалу кроваво-мясистые, по длине превращались в трещинки и завивались кружевом. Вид все это имело отталкивающий. Джерри досчитал до пяти и брызнул аэрозолем на палец. В ушах зашумело. Но через несколько секунд боль отошла, вернулась способность дышать. Рука занемела, и он начал накладывать септик и клей. Капля жидкого клея медленно стекла по очищенной от крови коже. Картер тусклым взглядом смотрел на замысловатый узор. Он уже видел такой. Он знал точно такую же рану, давно, в другой жизни. Именно с такими лепестками розы, убегающими на ладонь.

Он долго сидел, тупо глядя на собственную руку. Потом тяжело встал и медленно пошел в холодный отсек.

Вокруг было тихо. Видимо, несмотря на непривычную выносливость не устающих в этой чертовой бездне организмов, человеческая привычка к отдыху и уединению взяла свое, и пассажиры попрятались по скудным спальным закуткам. Где-то слышался приглушенный шепот, перекрываемый мерным гудением системы жизнеобеспечения. Лейтенант мельком взглянул на датчики: все показатели на прежнем уровне. Это перестало потрясать, стало одним из элементов новой реальности. Он открыл люк и спустился вниз.

Смит возник из ниоткуда, словно черт из табакерки. Они внезапно оказались не просто лицо к лицу, а именно нос к носу, чуть не столкнувшись лбами. Импульсивно отстранившись, оба молча замерли. Картер глядел в блестящие глаза Смита, ожидая, что тот первый заговорит, а Смит застрял, не в силах выдавить даже простое «привет» самому старому, самому надежному и преданному другу. Пустота, скопившаяся между ними в другой, неизвестной этому Картеру жизни, не давала Биллу вести себя естественно в присутствии отмотавшего

десяток лет жизни назад Картера, не давала говорить, двигаться, дышать.

– Ты к себе? – выдавил он шуточку, кивнув на отсек с телом пилота «Корабля Мечты». Картер в ответ постарался хоть криво усмехнуться, но не вышло никак. Он серьезно кивнул в ответ, чувствуя себя моральным уродом.

– А ты уже его навестил? – спросил в свою очередь он Билла. Тот так же серьезно кивнул.

– Ну и как я там? – спросил Джерри, рассматривая серебряные виски и морщинки у глаз своего резко постаревшего на двадцать лет старинного приятеля и абсолютного ровесника.

– Лежишь, – Смит посмотрел ему в глаза, Джерри немедленно скосил взгляд.

– Сложно все, парень, – тихо проговорил Билл, распоров молчание. – В пустыне все было просто. А на Гоа сложно. А сейчас, сейчас совсем сложно. Слишком сложно, – выдохнул он, и снова повисла тишина. Они стояли на пороге комнаты, в которой лежал труп одного из них, и не были в силах говорить друг с другом. А между тем, еще несколько часов назад, на вопрос: «Кто самый близкий человек в твоей жизни?», каждый из них назвал бы имя другого. Человеческий разум, хрупкий и ненадежный, не в силах был усвоить и переварить всю ту двойственность и неопределенность, которую подсуропила им судьба.

– Слушай, – выпалил было Смит. Но, встретив тяжелый взгляд Картера, отвел глаза. Они не могли даже смотреть друг на друга. Что-то между ними треснуло и не желало склеиваться вновь. Картер неловко шагнул влево, освобождая проход. Смит скользнул мимо него, стараясь не пересечься взглядом. Дверь за ним захлопнулась. Картер выдохнул и зашел в комнату с собственным трупом.

Его тело лежало на месте. В прежнем виде, просто прикрытое синтетическим покрывалом. Джерри откинул его. Никаких следов тления, разложения, пятен... Ничего, как новенький. Он поднял левую руку лежащего и повернул ладонью к себе. Отличная рука. Широкая ладонь, пять длинных здоровых пальцев. Никакой шуруповерт не прикасался к ним. Картер поднес свою руку к этой, мертвой. Мог ли подобный шрам рассосаться в результате лечения? Лазерная шлифовка,

пересадка кожи, биотехнологии? Пошел ли бы когда-нибудь этот, сидящий здесь живой лейтенант Картер сводить с помощью ведущих хирургов шрам с руки, если он до сих пор не удосужился даже дойти до дантиста? Кто этот человек, лежащий перед ним в его, Картера, обличье? И откуда у его старика Джона точно такая же адская роза на руке?

Картер еще мальчишкой не раз спрашивал у того, откуда такой шрам. Джон только поджимал губы и цедил что-то невнятное. Только один раз, когда Джерри было уже лет восемь, старикан разозлился на его приставания и проворчал что-то типа: «Не суй руки в работающую технику»! Пожалуй, дед был прав. Не стоит этого делать.

Лейтенанту стало холодно. Так холодно, как никогда в жизни. Как будто лед из холодильной установки засунули ему прямо в горло, и ледяные капли медленно катятся ему в желудок. Ему вспомнился еще один разговор.

Старый Джон, вырастивший его с пятилетнего возраста, вообще говорил мало. Всякие вопросы о себе он игнорировал, переводя тему на что-то более, по его мнению, увлекательное. Картера он забрал из семьи опекуна, когда мать Джерри умерла от передозировки, и его с сестрой отдали в приемную семью. Семья фермера и четверо приемных детей жили на большом ранчо в Техасе, и всем ее членам предполагалось работать с пяти утра до сумерек, занимаясь полями и коровами. Сестра Джерри сбежала оттуда ровно через неделю. Ей было тогда тринадцать, и больше он о ней не слышал. Да и, честно говоря, никогда не искал. Он же, пятилетний, жил там еще пару месяцев, пока старый Джон не явился на ранчо и не объявил, что он его двоюродный дед. Не особо крупной мзды шерифу хватило, чтобы получить мальчишку, не беспокоясь о документах. Старый Джон забрал парня к себе на окраину Хьюстона, где они и жили спокойно до поступления Джерри в вооруженные силы США.

Как-то десятилетний Картер случайно оказался рядом, когда старик разговаривал с соседом о енотах, постоянно терзающих их выставленный на уборку мусор. Сосед предлагал их травить, Джон не соглашался. Сосед настаивал и с насмешкой упрекнул старика в боязни трупов. На что тот сплюнул и мрачно выдал:

– Кретин ты, Том. Уж сколько трупов я видел, не приведи господь, даже свой собственный.

Сосед посмеялся шутке, но Джону, похоже, было не особо весело. Енотов удалось отстоять, запирая баки на ночь. Вечером того дня мальчик все-таки переспросил деда, как это можно видеть собственный труп. Старик покосился, что-то пробормотал, но ответа, ясное дело, не последовало. Пожалуй, это был последний раз, когда юный Картер о чем-то спрашивал у него. Все его сведения о человеке, воспитавшем его, сводились к его имени, долгому проживанию в жаркой Австралии и ненависти к кроликам, сильно надоевшим ему в этой стране. О своей семье тот тоже ничего не говорил, только пара женских лаковых туфель и длинное черное платье притаившиеся в глубине старого шкафа, выдавали присутствие женщины в жизни Джона. О женщине этой старый Джон тоже никому ничего не рассказывал. Поговаривали, что она бесследно исчезла за много лет до появления Джона младшего в этом доме. Уже много лет Джон Картер проводил дни за стойкой своего единственного имущества – маленького кафе с нелепым названием, и вел неспешные беседы с завсегдатаями и случайными клиентами. Спокойный, неулыбчивый, неторопливый.

Но один разговор с внуком начал старый Джон по собственной инициативе, разговор странный и, по мнению юного Джерри Картера, бессмысленный. Джерри уже поступил в военную школу и готовился отбыть через пару дней на базу. Джон же эти дни был особенно молчалив, ни о чем не спрашивал, советов не давал, но у Джерри было необъяснимое чувство, что дед категорически против его вступления в армию. За годы жизни вдвоем у Джерри появилось абсолютное умение распознавать эмоции деда, но и тому надо отдать должное: он никогда не заставлял внука гадать на кофейной гуще и сообщал о своем недовольстве четко и недвусмысленно. Поэтому Джерри и не мог понять, что, собственно, происходит, и что именно пошло не так. Накануне отъезда, ни с того ни с сего, после третьей кружки пива в тишине, дед изрек, глядя в стол, как будто продолжал внутренний спор с самим собой:

– Ну хорошо. Даже если армия. Но почему воздушные силы?

Джерри, мирно смотрящий какую-то ерунду в планшете, недоуменно вскинул глаза.

– Ты чего, дед?

– Я ничего, – Джон замолчал. Долго жевал губы, подбирая слова. Наконец, выдохнул и посмотрел в глаза внуку пронзительным синим взглядом:

– Слушай меня, Джерри. В жизни каждого мужчины есть момент, когда смелость в том, чтобы сказать «нет», а не «да». Если хочешь действительно переломить судьбу – не делай ничего. Замри. Плыви по течению. Даже если скучно. Даже если тоска. Ничего не предпринимай и ни на что не соглашайся.

Джерри поймал себя на том, что смотрит на деда с открытым ртом, и подобрал отпавшую челюсть. Во-первых, это была невероятно длинная для деда речь. Во-вторых, он вообще не понял, что ему хотят сказать, но чувствовал, что сакральный смысл явно присутствует. Он похлопал точно такими же, как у Джона, синими глазами, и спросил:

– Что делать? И чего не делать?

Джон молчал. Казалось, количество мыслей, одновременно живущих в голове старика, не дает тому возможности сформулировать желаемое. Молчание длилось несколько минут. В конце концов, старик выдохнул и произнес одно единственное слово:

– Не лети.

– Куда? – Джерри хотел еще спросить: почему, когда, с кем, но замолчал, глядя на Джона.

Тот выдвинул челюсть вперед, глаза его налились кровью, два огромных кулака сжались, как две лимонки времен второй мировой. Джон молчал. Он не знал, что сказать и как сказать. Он не знал, каких последствий ждать от каждого произнесенного слова. Не знал, имеет ли право вообще что-либо говорить Джерри. Он долгие годы думал над этой речью, но, похоже, провалил ее на корню.

– Не лети. В космос не лети. В неизвестность не лети. Не ищи приключений. Не соглашайся на странные проекты. Люди не всегда знают, куда тебя втягивают. Ты не должен лезть в дела чужаков. Придет момент – откажись.

-Какой момент?

Джерри замер. Все это было очень странно и не похоже на Джона Картера, на их обычные разговоры. На все его советы и вообще жизненную позицию старика. Джерри ждал

продолжения и разъяснений. Дед встал, держась за край стола, коротко рявкнул:

-Не лети! - Встал и вышел из комнаты, потом так же резко вернулся.

-Слушай меня, Джерри, сынок. Я не могу сказать все, но я знаю точно: есть решения, от которых зависит жизнь. Твоя, единственная жизнь, которая должна оставаться единственной. Не лети! – и снова, оборвав все свои откровения на полуслове, вышел из комнаты. Сколько потом Джерри не стоял у него под дверью, Джон не произнес ни слова. Больше они к этому разговору не возвращались. Пилотом Картер все-таки стал, в космос полетел, и даже иногда, вспоминая ту речь деда, задумывался, не в этот ли именно раз все-таки стоит оказаться. Но так или иначе, дед умер задолго до всяческого космоса в жизни Джерри и прочих его свершений.

Когда человек переживает сильное эмоциональное потрясение, психика охраняет себя от нового знания. Люди либо отрицают факт, потрясший их сознание, либо впадают в истерику, либо устраняют свою личность из хода событий, превращаясь в сторонних наблюдателей. Так говорили в Академии на курсе психологии стресса. Картер хорошо помнил услышанное.

Его психика предпочла третий вариант. Он, словно математик-аналитик, работал с фактами, абсолютно выключив окраску восприятия. Не то чтобы это был продуманный ход, просто он отдавал себе отчет: секундное погружение в эмоции – и он законченный психопат. Работал механизм самосохранения. Он сидел рядом с телом мертвого лейтенанта Джерри Картера и напряженно вспоминал подробности своей жизни. Разговоры, лица, детали событий. Лицо Джона на его поступлении в Академию. Письмо из больницы, в котором его известили о состоявшихся похоронах старика. Он орал на персонал, бил ногами косяки, но работники интерната все стойко пережидали, повторяя лишь одно: это последняя воля покойного. На похороны не приглашать. Известить после погребения.

Все приобретало новый смысл и окраску. И кое-что теперь вставало на свои места. И в первую очередь становилось ясным отсутствие шрама на руке мертвеца.

Джерри медленно поднялся. За спиной стояла Анна.

3

Акира Ямото, Мэтью, Оливия, Орлиевский и Лиза сидели вокруг монитора в комнате. Смит склонился над Ли Чи, сидящей перед монитором.

– Давай, Чи, рой. Должны быть пропавшие.

– Ну нет сведений, сэр. Только мы.

Теория рушилась. Если б они нашли хоть еще один пропавший корабль, то можно было бы предположить, что где-то здесь, в этой скользкой темноте, витает еще кто-то, возможно – живой, возможно – нет. Но фактов для умозаключений было бы больше. Для любых умозаключений и самых нелепых выводов.

– Командир, – голос Родригеса прозвучал неожиданно. Впрочем, голос Адэхи всегда звучал для присутствующих неожиданно. – А как же козы?

Орлиевский вздрогнул. Точно. Козы.

– Они были на тех же координатах?

– Не думаю, – проговорил Георгий. – Их запускала ТАКА. Но проверить надо.

– Какие козы? – недоуменно спросила Лиза Орлиевского. Тот посмотрел на нее почти ласково и ответил по-русски:

– Были предварительные эксперименты. Запускали пару раз шаттлы с животными. Но проку было мало.

Лиза продолжала смотреть на него зелеными испуганными глазами, капитан тихонько погладил ее по плечу.

Ли, не обращая на них внимания, продолжала рыться в сети.

– Чертовщина какая-то. О вас-то тут должно быть? – она вскинула глаза на капитана. – О вас-то где информация?

Орлиевский понял, что пришло время кое-что прояснить. Набрал побольше воздуха и, после слишком длинной паузы, произнес:

– О нас информации нет. Во всяком случае, – медленно добавил он, – мы сделали все возможное, что бы ее не было.

Он моментально почувствовал себя под светом софитов, монолог предстоял не из простых, и что самое глупое, он опять не выучил текст.

Георгий огляделся, подсознательно выискивая глазами Анну. Последнее время это стало чем-то вроде нервного тика:

быстрый взгляд, ищущий ее силуэт в пространстве. Если Орлиевскому удавалось найти жену глазами, он мог продолжать жить на тот момент времени, если же нет, то его глаза продолжали это навязчиво резкое, сродни нервному тику, движение, пока он не находил искомые очертания. Общение с ней сводилось к молчаливому кивку-приветствию, максимум – к какому-либо вопросу, типа: «Где все чашки?». Но, как это не удивительно, истерика, овладевшая капитаном там, на той стороне времени и пространства накануне вылета «Венеры», отступила. Он по-прежнему находился в состоянии крайнего нервного напряжения, но мог владеть собой, ушли приступы потливости и озноба. Как ему самому казалось, замкнутость и безвыходность их существования ограждали Георгия от возможности внезапно потерять Анну. Ему уже было даже не так важно, стали ли они с Картером любовниками. Главное было то, что она рядом, а пока она рядом, есть еще призрачная надежда прикоснуться к ней и посмотреть в ее лицо.

Анны в комнате не оказалось. Орлиевский поймал полный поддержки взгляд Родригеса и вдохнул поглубже. Свет софитов нестерпимо жег, но время объясняться явственно настало.

– Мы сделали все, чтобы об этом вылете никому не стало известно. Информации нет в сети, – глухо начал он и замолчал.

– То есть, это тот самый полет… – так же приглушенно проговорил Смит.

– Какой тот самый? – не выдержала Лиза. – О чем вы все тут говорите?!

Она беспомощно оглядела всех присутствующих. У Орлиевского и Родригеса было одинаково сосредоточенное, жесткое выражение лица. Чета Куперов замерла, только голова Оливии время от времени поворачивалась от капитана к Микки и обратно. Смит сидел, задумчиво поблескивая белками, словно пытаясь осознать снизошедшее на него озарение. Акира, зажав руки между коленей, медленно покачивался на жестком стуле. Только у Микки было на лице схожее с Лизой непонимание. Но в отличие от испуга, льющегося из глаз Лизы, на лице Микки читался восторг человека, готового шагнуть в магию настоящего приключения.

– Тот самый полет, после которого Картера смыло на Гоа, – Смиту было явственно неудобно обсуждать такие подробности, но ситуация не располагала к излишней деликатности. – Он

накануне рассказывал, что собирается принять участие в каком-то хитром эксперименте, весь лоснился от предвкушения… Уж больно его достал распорядок и уют на службе. Этот малый – Картер-то – не выносит скуки. Ну вот и доразвлекался. Улетел и с концами. Я его несколько лет искал, не было гада нигде. Не летал, не служил, словно растворился. Самое смешное, что и об эксперименте этом никто толком сказать не мог. Я сам только одно имя и знал: Магометов. Пытался связаться с Тамерланом вашим, но тот меня послал, вообще не вышел на контакт. Ну и потерял я Картера. Думал, плохо дело. Много тогда чего вообще передумал. Но потом этот мой развод, бесконечная нервотрепка с посещением детей… Одним словом, потерял я его надолго. И вот, совершенно случайно наткнулся на него на Гоа. На пляже, волосы длинные, крашеные, серф под мышкой, весь обдолба… – Смит запнулся, почувствовал, что чуть не ляпнул лишнего. – Ну, я его постарался к жизни вернуть, на работу пристроил, но рассказывать он так и не стал ничего. Вообще стал другой совсем. Только командами общаемся…

Смит помолчал, почесал локоть, потом щиколотку, снова локоть.

– Вот уж не думал, что стану свидетелем, так сказать… – закончил он.

– Свидетелем чего? – еле слышно прошептала Лиза.

– Двадцать один год назад, весной тридцать четвертого, состоялся эксперимент. –Акира заговорил внезапно для всех, явно обращаясь к Микки. Остальные замерли от неожиданности. Орлиевский, уверенный на тысячу процентов, что пояснять все придётся именно ему, замер, в изумлении глядя на старого японца.

– Этот эксперимент подразумевал проход сквозь пространство, используя, как ты абсолютно верное заметил, планковскую черную дыру. Искусственно созданную биокристаллической системой перехода. Рассчитывали попасть в одну из ближайших галактик. Руководителем сего и вдохновителем был, не побоюсь этого слова, великий, как выясняется, ученый, Тамерлан Магометов, земля ему пухом.

– Почему пухом? – с присвистом прошептал Орлиевский.

– Умер. Загнали в угол. А вернее, сам себя загнал. Не выдержал провала. А провала-то особенно и не было, как видите.

– А вы, вероятно, тот самый спонсор, – проговорил Георгий.

– Именно, – посмотрев на него снизу вверх, каркнул Ямото-старший. – Думал, выкинул все на ветер, а вот оно как. Сижу, где положено. Прибыл вот строго по месту назначения. Любоваться результатами. Только что-то я не уверен, что именно туда, куда рассчитывал старина Тамерлан…

– Так и что было потом? – нетерпеливо спросила Малкин.

– Потом вот, то, что вы видите, – Георгий продолжил рассказ японца. – Вылетели. Через ряд инцидентов все-таки оказались на координатах. Произошел контакт с наземной частью переходника.

– Каких инцидентов? – вскинулся Акира.

– Это не важно. Действительно, отношения к сути не имеет, – уверил его капитан и продолжил:

– Действовали строго по плану. Отследили падение температур, давления, пронаблюдали расход горючего и собрались домой. Честно говоря, на особый результат не рассчитывали. Я, во всяком случае… Глядь – а вокруг синие сопли, Земли нет, приборы стоят. Но, что самое прекрасное, продукты не заканчиваются, кислород на месте, состояние бодрое. Отдыхаем.

– То есть рабочая задача была войти в соприкосновение с наземной частью прибора? – уточнил Микки.

– Да. Но под определенным градусом. Скорость тоже имелась в виду конкретная.

– Много факторов, – протянул Микки. – Случайно все проделать не выйдет.

– Уже все проделали, – мрачно произнес Акира. – Окно в бесконечность… Иначе, как бы сфера сюда провалилась… Вопрос только, куда именно – сюда?..

Все замолчали. Слишком много информации, странной, новой, трудно воспринимающейся.

– Вы делали попытки выйти за пределы шаттла? – после паузы спросил Микки.

– Мысль такая была. Но, честно говоря, я не вижу смысла так рисковать без видимой необходимости. Есть такое ощущение…

Орлиевский замолчал. То, что он собирался сказать, могло прозвучать пугающе. Но мысль эта давно не давала ему покоя, хоть он и не делился ею еще ни с кем.

– Так вот, – кашлянув, продолжил он. – Я не уверен, что там, снаружи, привычный вакуум. Ну, в смысле, межзвездное пространство.

– А что там? – широко раскрыв глаза, протянула Лиза.

– Антивещество? – вопросительно протянул Микки.
Орлиевский кивнул:

– Если бы попали туда, куда предполагалось, то приборы должны были работать, Магометов неоднократно это подчеркивал. Даже на действующую связь намекал. И потом, должно же быть хоть отдаленное совпадение с картами. И время должно ощущаться – земное или нет, не важно, но какое-то внутреннее, свое, конечное. У меня ощущение, что мы в каком-то мешке… Временном отстойнике, не знаю, как сказать.

– На изнанке, – тихо выговорил Микки. – На изнанке пространства. На обратной стороне мироздания.

4

Анна стояла, слегка откинувшись назад и опираясь затылком на стену. Когда Джерри встал, она скользнула взглядом по его лицу и моментально выпрямилась как струна. Картер молча смотрел на нее, не делая никакой попытки приблизится. Анна медленно подошла к нему. Он чувствовал ее дыхание на щеке, ее волосы щекотали шею. Глаза ее были опущены, смотрела вниз, куда-то в плечо Джерри. Расстояние между ними было ничтожным, но они не прикасались друг к другу. В тишине было слышно только дыхание лейтенанта, Анна, казалось, даже не дышала.

– Анна, – шепот лейтенанта словно взорвал тишину. Она дернулась и подняла к нему лицо.

– Что? – так же шепотом спросила она.

– Анна... – он не знал, что говорить. Все происходящее, словно гигантский пресс, расплющивало его волю и сознание. И эта женщина своим присутствием высасывала жалкие остатки мыслей и воли.

– Отойди от меня, – с мольбой выдохнул Джерри.

– Хорошо, – Анна легко кивнула и сделала шаг назад. Оглянулась и присела на край какого-то перевернутого ящика, болтающегося здесь с незапамятных времен.

– Что ты здесь все время ищешь, Картер? Отгадки на загадки? – усмехнулась она, неподвижными черными глазами глядя куда-то чуть мимо его лица.

– Ищу. Искал.

-Нашел? – он больше не мог переносить этот взгляд. Набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул, словно сдувая с себя немощь.

– Пойдем наверх.

Анна каким-то гладким, плавно-кошачьим движением снова оказалась прямо перед ним. На сей раз она смотрела уже прямо ему в лицо. Требовательно и яростно.

– Зачем ты это делаешь? Ради чего, Джерри? Ради кого? – прошептала она. Ладони, длинные и голубоватые при этом свете, легли на его щеки, и он почувствовал, что проваливается. Последним усилием воли он схватил эти руки, утаскивающие его за черту. Сжав их изо всех сил, Джерри попытался сказать что-то важное, но получалось только смачное пыхтенье.

– Это не любовь, Анна. Это какая-то чертова хрень!... – выпалил он в полном бессилии.

– Любовь? – ее брови взлетели вверх, и она легко рассмеялась. Этот смех совершенно выбил у него почву из-под ног. Анна отошла и присела обратно на ящик. Он остался стоять на месте, растерянно глядя на нее.

– Любовь – это какое-то совершенно неподходящее слово, лейтенант Картер. Любовь, – она красиво повела бровью и взмахнула рукой, подыскивая соответствующую случаю метафору, – это солнечный день, птички, нежные взгляды. Прощанье под луной, ласка, вздохи. Это не имеет никакого отношения к тому аду, в котором я живу.

Анна замолчала, улыбка сошла с ее лица, в глазах было что-то пугающее, пугающее даже на фоне всего, что с ними происходило.

– Знаешь, что чувствует морской пехотинец, которого со связанными руками и ногами бросают в бассейн? – вновь тихо

заговорила она. – Он должен погрузиться на самое дно, не пытаясь плыть, чтобы потом, оттолкнувшись, начать медленно подниматься, – она помолчала, убеждаясь, что он следует за ее мыслью. – Немногим хватает воли. Они дергаются, барахтаются и тонут. Захлебываются, некоторые действительно гибнут. Выживают те, кто погрузился не сопротивляясь. Не шевелясь спустился на дно. Так вот, – Анна строго взглянула в лицо Картеру, – я давно на этом дне. У меня горит без воздуха грудь и связаны руки и ноги. И я вижу край воды, а всплыть обратно не могу, нет сил оттолкнуться. И так долго, бесконечно долго. Похоже, вечно.

Она поднялась. Стояла перед ним, высокая, прямая, абсолютно спокойно выговаривающая слова. Только в глазах поднималось что-то безумное, как у приговоренного с электрическому стулу.

– Вот такая вот любовь… Инквизиция.

Они снова стояли вплотную, и это было непереносимо. Он схватил ее, притянул и вжал в себя с такой силой, словно хотел впитать всю, до последней клетки, чтобы самая ее сущность просочилась в него, измотанного этой адской неизвестностью и борьбой с самим собой.

– Он же все равно прикончит меня, я это чувствую. Я пропаду, меня не будет. Нигде больше не будет, – шептала она ему в ухо, стягивая с него комбинезон. – Пусть будет за что.

Джерри перестал размышлять. Тело жило само, как и тогда, на ночном берегу. Он в любом случае утратил контроль над реальностью. Анна. Он чувствовал ее. Он был с ней. Он был счастлив вопреки всяческому здравому смыслу. Он все еще жил.

2034

«Оно есть бесконечно и так же бесконечно коварно». Наконец Тамерлан подобрал достаточно поэтичный эпитет. Бесконечно коварное небо. Черное. Пустое. Молчаливое. Тамерлан прошел уже три первых стадии в осознании провала операции. Когда в назначенный час Орлиевский не вышел на связь, он замер, не в силах в это поверить. Потом им овладел гнев, его трясло от желания разбить все кругом в этой маленькой белой комнате, напичканной приборами и запахом его, Тамерлана, всклокоченных нервов. Он не мог поверить, что это действительно с ним происходит. К концу второго часа ожидания его тело перестало биться в истерике, погружаясь все глубже в черноту депрессии. До стадии принятия оставалось совсем недолго. Тамерлан сидел откинувшись в огромном мягком кресле и рассматривал небо сквозь стеклянный потолок. Звезды, огромные и пушистые, словно нарисованные в детском мультике, мерцали и тихонечко менялись местами в созвездиях.

Тамерлан понял, что ничего не выйдет. Наверное, он знал это с самого начала проекта. А если совсем начистоту, то он знал это с самого детства. Знал, что у него никогда ничего не выйдет. Иногда это знание помогало ему немного защититься и не подставлять свой хрупкий организм под пощечины бытия. Но чаще всего бунт, вечно тлеющий где-то между легкими, все-таки вырывался наружу и заставлял его выставить свою персону напоказ, превращая ее в мишень. С этого момента события имели два варианта развития. Первый – заведомый и уютный, но весьма редкий в жизни Магометова – то есть провал и позор. Второй, срабатывающий гораздо чаще, но тем не менее вечно для него неожиданный и непредсказуемо-волшебный, – победа, выигрыш, продвижение вперед, обогащение и слава. Каждый раз, когда он достигал цели и доводил до претворения в жизнь и производство свое очередное изобретение, им овладевало бесконечное удивление и желание спрятаться до того момента, как его уличат в подлоге и некомпетенции. С годами это чувство становилось только острее, ибо в его воображении шансов на удачу, как яйцеклеток у женщины, с каждым разом становилось все меньше. Вечное раздирающее недоверие к собственным идеям, и в то же время физиологическая невозможность их не генерировать и воплощать, держало Тамерлана на грани

нервного расстройства почти всю жизнь. И вот сейчас, под этими бархатными мультяшными звездами уверенный, добродушный, ироничный, лучший конструктор современности наконец дождался момента великого провала, в который верил с детства. Тамик ощущал, что именно сейчас, в этой странной пустоте он проживает свой пресловутый час Ч. На вопрос, почему именно сейчас, он ответить себе не мог. Ему было всего сорок пять лет, то есть мальчишка в мире большой науки. Потенциал его как ученого и инженера был необозримо велик и, по большому счету, не было ни малейшего повода подозревать себя в творческой исчерпанности. Тем не менее, что-то внутри Магометова, какая-то лишняя фибра души, застряв в парализованном оцепенении, нашептывала ему обратный отсчет. Как Герман, ставящий все, что есть, на туза, ждал Тамерлан Магометов этого полета «Венеры». И сидел теперь в бесконечно коварной пустоте, уперев расплывающийся взгляд в пышные цветки звезд. Не хватало только призрака старухи.

Орлиевский не отвечал. Магометов перебрал в голове все возможные причины, хотя, по сути дела, причина могла быть только одна: радиация. И если это так, то у Земли появился еще один спутник, а на совести Тамерлана четыре трупа. При этой мысли Магометов так зажмурил глаза, что у него свело мышцы щек.

– Тамик, прием! – раздалось в ухе. Тамерлан подпрыгнул на месте и раскрыл глаза с той же силой, как закрывал их полминуты назад. – Это я, Орлиевский. Ты еще там?

– Прием…Прием! – голос сначала не подчинился Магометову, но потом все-таки вышел наружу хриплым баском. – Вы где?

– У нас тут пара накладок. – Тамерлан застыл, впитывая каждое слово, прилетающее из экзосферы. – Плохо прошли бурю. Оторвало главную антенну.

– Все живы? – медленно спросил Тамерлан.

– Да. Все. Картер приходит в себя, минут через двадцать обещал присоединиться. Хорошо, что медик на борту, – хмыкнул капитан. Магометов только кивнул. – Так что сейчас Адэхи заканчивает с установкой, дай Бог ему здоровья. Сигнал уже есть, как видишь. И, надеюсь, вернемся к плану А. Если еще не поздно.

Вся энергия вернулась к Магометову одним концентрированным пучком, он вдруг снова обрел способность двигаться и соображать. С невероятной скоростью, едва касаясь пальцами виртуальных лазерных линий на панели, он начал пересчитывать исходные координаты «Венеры» в соответствии с условиями предполагаемого перехода. Вместо пиковой дамы выпал туз. Орлиевский молча ждал, слушая сухой шорох в ухе. Из люка показался Картер. Медленно вполз в салон и, держась за спинку, сразу тяжело осел в кресло. Лицо его было зеленоватым, но живым, и это безмерно радовало капитана вопреки всякому здравому смыслу, как он это мысленно себе прокомментировал.

– Гоша, – раздалось в ухе, – лови координаты. Через двадцать пять минут в этой точке. Успеете?

– Адэхи, – проговорил Орлиевский, – ты как?

– Уже почти закончил, – прогудел Родригес.

– Успеем, – в свою очередь отвечая Магометову, сказал капитан. – Доложусь с точки.

– Давай, Гоша, – Тамерлан смахнул что-то влажное с щеки и почесал костяшками сжатого кулака кончик носа. – Теперь уж все, не пропадайте.

– Ха, ты уверен? Разве не за этим летели? – хмыкнул Георгий

– Ну, пропадайте, но строго по плану, – жалобно засмеялся в ответ Магометов. – То есть, удачи нам всем! Жду.

Орлиевский покивал головой, словно соглашаясь сам с собой и встретился глазами с Картером. Тот сидел напротив него, неотрывно глядя в лицо капитану. В салоне стало так же тихо, как в окружающем их космосе. И капитан, и лейтенант рассматривали лица друг на друга, не ощущая ответного изучающего взгляда. Орлиевский медленно водил глазами по каждой черточке, каждой родинке на лице второго пилота. Он не испытывал ни малейшего дискомфорта от взаимного молчания и вообще всей ситуации.

– Вы меня ненавидите, капитан? – задумчиво спросил Картер, не отрывая глаз от Орлиевского.

– Сложно сказать, Джерри, – задумчиво протянул тот. – Скорее, да. А может, и нет… Я последние дни не могу точно понять себя.

– Мы все немного… – произнес Картер после паузы, – потерялись в пространстве. Странный проект… Похоже, мне стоило сразу свалить... Все это бессмысленно.

– Это мы еще не знаем. Может, как раз и есть свой смысл. Скоро выясним. Нам всем в каком-то смысле как раз стоит заглянуть в соседние измерения, – тихо сказал Георгий. – Как говорится, большое видится на расстоянии? Как считаешь, это что-то большое и чистое, а, лейтенант?

Картер молчал, продолжая задумчиво рассматривать щеки командира. Сарказм Орлиевского не располагал к улыбкам. Все происходящее с ним, Джерри Картером, было чуждо его природе. Он не должен был оказаться в роли благодарной жертвы. Все свои тридцать лет он сам всегда и везде выступал спасителем, выносящим котенка из горящего дома. Ему говорили спасибо и плакали на плече. Он привык быть на волосок сильнее, ловчее, сообразительней, нежели требует ситуация; привык, что последнее, самое верное решение – это именно его решение. То, что этот сумрачный капитан рисковал жизнью, спасая его из нелепейшей, по его собственному мнению, ситуации, рождало в нем жгучий протест, умноженный на тот факт, что он еще и муж женщины, имя которой вызывало в лейтенанте нервный спазм. При этом Картер полностью отдавал себе отчет, что не имеет ни малейшего права на соперничество. И до этого момента не имел, а теперь просто сама мысль в этом направлении превратит его в подлеца. «Когда уже закончится этот отвратительный день», – подумал он. Очень хотелось домой, в Москву. Залезть под одеяло и смотреть в щелочку, как плывут пылинки в солнечных лучах. Почему-то он совершенно не думал об исходе эксперимента, словно речь шла не о предполагаемом переходе сквозь Кротовую нору, а о регулярном рейсе Юнайтед.

Орлиевский же думал о результате эксперимента. И чем ближе они подходили к цели, тем более неприятными были эти мысли.

– В любом случае, – сказал он, вставая на ноги, – я, как ни странно, рад, что ты жив, Картер. И ты, надеюсь, рад. У нас есть что-то общее.

Капитан подошел к стойке в глубине салона и достал бутылку кагора, припасенную накануне.

– Слишком много общего, – тихо раздалось у него за спиной. Он резко обернулся. Картер с закрытыми глазами бессильно откинулся в кресле. Орлиевский подошел к нему вплотную, Картер открыл глаза, но позу не изменил.

– Я ничего делить не буду, – тихо сказал капитан.

– Я не крыса, Грэг, – тихо и жестко сказал Джерри. – Я испарюсь, как только мои ноги коснуться Земли.

– Прекрасный план, – проговорил Орлиевский.

За спиной послышался шум, и в салоне показался Родригес.

– Все, капитан. Надеюсь, от нас больше ничего не отвалится по дороге.

– Зови Анну, Адэхи, – улыбнулся Орлиевский. – Переходим в последнему этапу операции «Переход».

– А, это все еще имеет свое название? – протянул Родригес. – Тогда другое дело. Только если операция будет успешной, то это далеко не последний этап, командир.

– Что есть успех в нашем случае, – сделав специальное умное лицо, протянул капитан. – Достаточно философии.

Один за одним они скользнули в люк, переходя в безгравитационный отсек. Анна уже приготовила весь свой хитрый медицинский скарб, предназначением которого было не упустить ни малейшего изменения в организме участников полета. Она прилепила сидящим в глубоких креслах Родригесу, Орлиевскому и Картеру на область виска и запястье по крошечному датчику, данные с которого должны будут поступать как и ей на панель, так и непосредственно Тамерлану.

«Операция «Переход», – пробормотал себе под нос Орлиевский и едва шевельнул губами. Усмешки не вышло, даже горькой. «Вот, новый переход», – старинная песенка звякнула в голове и улетела прочь. В голове капитана снова было тихо.

0000

1

– Так. Предположим.

Микки, застыв посреди салона, рассматривал черноту за стеклами шаттла. Лиза, Смит, Ямото-старший и Ли Чи не сводили с него глаз.

– Предположим, вы создали искусственно проход, тоннель в пространстве. Предположим. И потом туда провалились мы. Через годы. – Микки с вызовом посмотрел на капитана. – Только мы и вы?

– А нужна компания? – хмыкнул капитан.

– Не помешала бы, – неожиданно съязвил Ямото-младший. Такой тон как-то не вязался с его обликом. Лиза вздрогнула и привычно втянула голову в плечи.

– В смысле, если бы нашелся след еще какого-то пропавшего корабля, можно было бы генерировать кое-какие идеи. Вас не ищут, так как вы сами изъяли информацию из хранилища. Ищут ли нас, мы не знаем. Так может, есть еще корабль, который пропал на этих же координатах, который искали, или он сам нашелся. И есть информация, что именно произошло, и, главное, как вернулись.

– А если кто-то пропал и не вернулся? – протянул Родригес.

– То, возможно, рядом с нами еще кто-то есть, – внезапно севшим голосом ответил Микки, удивляясь собственному умозаключению.

Снова наступило затишье. Каждый их присутствующих обдумывал новые штрихи к портрету.

– Так, а что за козы все-таки? – снова вскинулся Смит.

– Перед тем, как Тамерлан обратился к нам, ТАКА проводил пробный полет с животными, – ответил Орлиевский.

– Два пробных полета, – вставил Родригес.

– Да. Но во время первого вообще никаких аномалий не было замечено, даже горючее было в норме. А вот при втором полете были кое-какие симптомы… Но, в любом случае, они немедленно и благополучно вернулись на землю.

Акира громко шмыгнул носом, приоткрыл было рот, но ничего не произнес, лишь с силой выдохнул. Микки покосился на него, но спрашивать ни о чем не стал. Подошел к по-прежнему рыщущей в интернете Ли, заглянул ей через плечо.

– Ли, смотри не только шаттлы и корабли. Смотри капсюльники, мелочь всякую. Челноки, шлюпки. Может, все-таки, есть еще пропажи в этом…

– Есть! – воскликнула Ли, перебив Микки. – Две тысячи тридцать седьмой, Байконур. Шаттл Ап12 вернулся, потеряв шлюпку. Доклад лейтенанта Янга.

Возникла проекция документа, к которому прилагались последние снимки с лобовой камеры пропавшей шлюпки. Снимки, досконально повторяющие картинку на мониторе «Венеры» последние часы наступившей для шаттла вечности.

– Потрясающе, – пробормотал Орлиевский, рассматривая снимок. – Сто процентов совпадает. И что? Они нашлись?

Ли помотала головой.

– Нет. Велись поисковые работы. Пропал с радаров. Должен был перевезти какую-то ценную мелочь на соседнюю станцию. Улетел и не появился. На борту два пилота. А вот и козы, – продолжала Чи. – Март тридцать четвертого. Невада. Экспериментальный вылет, пятый уровень секретности. Координаты конечной точки те же. Полное совпадение по картинке.

– Те же? – удивленно протянул Орлиевский. – Как так возможно?.. Абсолютно другие исходные данные.

– А конечная точка та же. И угол захода. Посмотрите, капитан!

Изображения четырёх летательных аппаратов застыло в воздухе перед лицами астронавтов. На первом было изображения с собственных камер «Венеры», на втором – найденная картинка последней точки полета экспериментального шаттла ТАКА. На третьей – последние координаты сферы на момент ее связи с кораблем и, соответственно, всемирной сетью. А на четвертой – крошечная шлюпка ремонтного судна АП12. Идентичность расположения по координатам была словно выполнена на графическом редакторе.

– Чудеса, – выдохнула Лиза. Смит подошел к повисшим картинкам, прожигая взглядом каждую из них, и остановился перед шаттлом ТАКА :

– Только вот козы вернулись… А мы здесь.

– Судя по информации в сети, мы тоже вернулись, – хмыкнул Орлиевский.

– Но они и не пропадали вовсе, – возразил Родригес.

«А вы-то…» – мрачно подумал Акира. Открыл было рот, но снова сжал челюсти, пытаясь затолкать обратно свои откровения.

Они тогда сидели с Магометовым всю ночь. Акира много чего в жизни видел, да и сам мог вести себя весьма по-разному, но вообразить, что он будет выступать в роли утешителя и позволять взрослому мужику отчаянно рыдать себе в плечо, Акира Ямото был не способен. Тамерлан тогда треснул, треснул окончательно, по всем швам. Почему он вбил себе в голову эту дурь о последнем шансе, Ямото тоже не мог понять. Магометов был молод, талантлив, здоров, амбициозен. Акире же тогда было за семьдесят, и понять отчаяния сорокасемилетнего ученого он был не в силах. Но и говорить всякую дешевую дрянь, типа «у тебя все впереди» он тоже не был готов. Сидел, слушал эти вздохи и всхлипы и пытался вычленить суть, то есть реальные результаты своего многомиллиардного вложения в науку. А результат – космическая пустота. Вложение в пустоту – именно это определение приходило на ум Акире сквозь трясущийся голос Магометова. Тамерлан говорил и говорил, ему было необходимо вывалить на молчаливого покровителя все свое потрясение от полета «Венеры». Из потока его откровений Акира понял, что все его сомнения и опасения упираются в точку назначения. Не было в Магометове уверенности, что посылал он все свои экипажи – и животных, и людей – именно в CMaDWARF, Созвездие Пса. Утверждая, что петля ведет в другую галактику, ученый не исключал и менее оптимистичные перспективы для команды. «Изнанка пространства», – пуча узкие глаза, бубнил Магометов. Это и тогда неприятно прозвучало для японца, после второго провала с ТАКА, а сейчас, в свете всех событий, у него буквально мурашки побежали по коже, осознавая, что именно пытался тогда поведать ему компаньон. «Можно свернуть пространство и пройти сквозь него, а можно поднырнуть,

понимаешь? Попасть в складку, вовнутрь!». Акира помнил нездоровый взгляд, который сопровождал этот возглас Тамерлана. Но тогда ему вовсе не хотелось погружаться в детали. «А стоило погрузиться, пожалуй», – холодея, медленно думал Ямото.

Он уже было собрался сообщить все, что знал своим товарищам по космическому провалу в небытие, но что-то остановило его в последний момент. Мало чего боялся старик, но кое-что все-таки имелось: человеческое безумие в любых проявлениях. От простой дамской истерики до белой горячки. Его ни под каким предлогом нельзя было затащить в психиатрическое отделение основанной им же самим больницы, равно как и любой другой. Самые незначительные признаки нестабильной психики, вплоть до простого нервного тика на лице партнера, могли сорвать выгодную сделку или перспективное сотрудничество. И вот сейчас Акире небезосновательно казалось, что, если он сообщит капитану о том, как именно закончилась экспедиция, то безумия на шаттле будет много. Самого разнообразного. Ну и еще одна мысль не давала открыть рот с подробностями: а вдруг Тамерлан наврал? Вдруг они все просто погибли, пропали во Вселенной? А Магометов в приливе отчаяния не нашел в себе сил рассказать правду даже ему, Ямото, единственному его партнеру? Вот и лопнул потом, от перегрузки совести, загнал сам себя в гроб. Никто б его надолго не осудил. Да если б и осудили, то не убили бы, это точно.

Акира еще раз коротко взглянул на Орлиевского. «Этот сбрендит первым. И так уже почти одной ногой в смирительной рубашке. Эта баба хорошо поработала. Видно, что сука. Этот, второй, в которого она вцепилась, тоже еще хлебнет, к гадалке не ходи. Вообще, подборка типажей – просто именины сердца. Один другого стоит».

– То есть, эта шлюпка может быть где-то здесь, да, Микки? – протянул Родригес, вдоволь насмотревшись на картинки из космоса. – Если мы здесь и встретились, то почему бы этим парням не оказаться где-то поблизости?..

Микки и Орлиевский смотрели на Адэхи, открыв рот. Микки с нескрываемым восторгом схватил индейца за руку, словно тот подтвердил его самые заветные мечты. Смит же, внезапно помрачнел и пошел на парня, всем своим видом излучая

опасность. Встав перед Ямото и глядя ему в лицо взглядом полным ненависти, Смит прошипел:

– Какова вероятность, что они здесь?– вся его фигура вдруг налилась агрессией, видимо, стресс дополз до остатков нервной системы этого весьма устойчивого к потрясениям офицера.

– Ну! Давай, поясняй, умник! – сверкая белоснежными зубами, гаркнул он в лицо Ямото-младшему.

– Не ори на него! – Родригес встал между ними, отстраняя разбушевавшегося пилота от юноши. – Ты еще гарантию от него потребуй.

Смит отошел от парня, но глаз не отвел. Продолжал буравить Микки требовательным взглядом.

– Микки, – тихо произнес Георгий. – Ты тоже думаешь, что это возможно?

– С одной стороны, – тихо ответил Микки, – если исходить из этого кадра, то вполне можно предположить, что шлюпка прошла тот же путь, что и «Венера», и сфера. Встретились же мы тут, вопреки всякой вероятности... Но мне непонятно другое...

– Подожди, – Смит резко перебил его. Злоба ушла с его подвижного лица, и он обрел прежнюю позитивную деловитость. – Давай по делу. Если есть хоть малейшая вероятность того, что здесь есть еще что-то из нашего мира, то я полетел.

– Куда? – выдохнула Лиз. Родригес беззвучно шевеля губами, повторил за ней тот же вопрос. Смит с улыбкой посмотрел в ее перепуганные зеленые глаза. Рыжие брови Лиз беспомощно взлетели домиком, образовав мелкую морщинку на прозрачно-белой коже. Вид она имела ужасно трогательный. Он подошел к ней, и нажал на нос, как ребенку, только что не сказал при этом «бип».

– Не нервничайте, Мэган. Недалеко. Невинная прогулка при луне. Я сделаю несколько кругов вокруг корабля, постепенно увеличивая радиус. В конце концов, давно пора было уже исследовать местность, что сидим-то. Горючее бережем? – сострил он. Никто не засмеялся. Смит обратился к Орлиевскому:

– Так вот. Я совершаю вылет и докладываю. Если найду хоть что-то, то хоть новая почва для выводов нашего юного гения возникнет, а то сплошные домыслы и теории. Все, я полетел?

– Полетел… На чем?

– Как на чем? На этом дирижабле разве нет шлюпки?

– Есть, даже две. Но не думаю, что ты с ними знаком.

– Шутите, командир. Я знаком абсолютно со всем, что летает, – улыбнулся во все лицо Смит, демонстрируя тридцать два шикарных зуба.

– И с Франкенштейном? – выдохнул у него за спиной Родригес.

– Ого, – Смит резко повернулся к нему. – Вы таскаете за собой эту дрянь?

– Почему это дрянь? – у Родригеса даже вытянулось лицо. – Это последний модуль, шикарная разработка…

Родригес понял на ходу, что «последняя разработка» это была для них, в тридцать четвертом, и осекся.

– Они запрещены везде, братан, – глядя на него в упор, сказал Смит. – После того, как их собственный конструктор разбился на испытаниях. Там крупные недоработки в системе охлаждения, минимальная вместительность и прочее, и прочее.

– Максимальная маневренность и скорость. И миниатюрный размер, – закончил Орлиевский. – На нашем этапе жизни лучшего пока нет. А когда это он разбился, разработчик? Как его, кстати…

– Называл он себя скромно – Микеланджело. В сорок втором, – ответил Билл. – Все хотел улучшить. Они часто загорались при заходе в атмосферу. Пилоты отказывались проводить испытания. Так он сам сел…

– Боец… Бери шлюпку, Смит. Давай, удачи, – Орлиевский хлопнул Смита по плечу. – Ли, выпусти его.

– Есть, сэр, – козырнула та. Смит, Родригес и Ли втроем вышли из салона.

– Как думаете, найдет чего-нибудь? – спросил им вслед Мэтью Купер.

– Посмотрим, – коротко ответил Акира. – Так что единственное, Микки? Что ты не договорил?

Микки, с трудом оторвав голову от четырех снимков из космоса, как будто даже не сразу понял вопроса Акиры. Всю последнюю часть разговора в салоне он пребывал в собственных, судя по его лицу, не слишком приятных размышлениях. Сощурившись, долго смотрел на отца, прежде чем ответить:

– Я думаю, где мы находимся. И это не Созвездие Большого Пса. Что-то принципиально другое… Давайте подождем. Пусть прилетит. Надеюсь, – тихо добавил Микки, – ничего не найдет.

– Надеешься? – удивленно переспросил Ямото старший. Микки пожал плечами, как будто извинялся за собственные выводы. Акира сморщил недовольную гримасу. Собственное бессилие давалось с трудом. – Ну хорошо. Подождем.

– А если он действительно что-нибудь найдет? – глухо спросила Оливия Купер. – Как вообще лучше, чтоб нашел или нет? – тихо спросила она.

– Не знаю, мэм, – ответил Микки после паузы. – Но если он действительно найдет тут пропавшую шлюпку, то картина будет яснее. Правда, не значит, что... что перспективнее, что ли, – Микки замялся, подыскивая слова.

В комнату вошел Картер. Помолчал, поискал глазами, куда сесть и тяжело опустился на лавку у стола.

– Где Смит? – спросил он, оглядев присутствующих.

– Он улетел, – ответила Лиза.

– Куда? – у Джерри даже рот приоткрылся от удивления.

– У нас тут новости, лейтенант, – едко выговорил Орлиевский. – Возникло предположение, что мы не одни во Вселенной. В этой Вселенной, – уточнил он, отвечая на взгляд Картера.

Картер отвел глаза.

– Интересно, – усмехнулся он. – И кого еще сюда принесло?

– Маленький кораблик. Шлюпочку. Есть такая версия, что где-то тут, – капитан сделал неопределенное движение над головой,- рядом с нами находится потерявшийся несколько лет назад минишаттл. Координаты его исчезновения с последнего снимка соответствует полностью нашим координатам. Вот этим, которые висят тут.

– А шаттл пропал официально? – спросил Картер.

– Похоже, что пропал. Заявлено.

– Ясно, – лейтенант оглядел всех сидящих. Георгий неотрывно смотрел на него острым как бритва взглядом. «Точно первым свихнется», – снова пронеслось у глядящего на капитана снизу вверх Акиры.

– Где Анна? – строго спросил Орлиевский у Картера.

– Понятия не имею, – солгал Джерри, выдержав его взгляд. – Я из холодильника. У меня тоже есть новости.

Он повернулся к Микки и Акире.

– Я понял две вещи, парень. Или одну целую, но из двух частей. Во-первых, те люди, о которых читал нам Смит, не имеют к нам отношения.

– То есть, не имеют? – переспросил Георгий.

– Так и есть. Это другие мы. Какая-то параллельная ветвь. И скорее всего, ты не будешь жить в Крыму, капитан. А если и будешь, то вас там будет двое. Двое разных Георгиев Орлиевских, – он помолчал, давая командиру усвоить услышанное. – И второе.

Картер подошел к Микки.

– Я уверен, что вернуться отсюда можно. Точно можно. Вот только не в тот же самый день, как отчалил. Это да, факт.

– Как ты это понял? – выдохнула Лиза. Она подошла к Джерри, пока тот говорил, и теперь стояла у него за спиной, дыша ему в затылок. Картер обернулся, окунувшись в ярко-зеленые, широко распахнутые глаза женщины.

«Какая она неожиданно молодая», – промелькнуло у него в голове.

– Успокойтесь, Мэг. Не сопите, – усмехнулся он. – Я позволю себе не вдаваться в подробности собственных размышлений. Я вам сразу сказал: этот парень с крашеной башкой – не я. Можете мне верить, сэр, – добавил он, обращаясь к командиру.

Лиза схватила его за рукав и сжала с такой силой, что Джерри поморщился.

– И все-таки было б неплохо пояснить, что вас привело к этим выводам, лейтенант, – нарочито незаинтересованно протянул Георгий.

– Я поясню. Позже.

Картер высвободил руку из пальцев Лиз Малкин и отошел к креслу.

– Давно там прогуливается Смит?

Командир подошел к панели управления, как будто мог что-то на ней увидеть нового. Внезапно загорелся сигнал связи, и послышался голос Смита.

– Ау! Прием! Есть кто живой?

В комнату вбежала Ли. Она хотела доложить, но увидела, что капитан уже на связи.

– Смит! Прием! Есть новости?

– Есть, сэр. Есть новости. Вы не поверите, сэр!

Все присутствующие замерли в напряженных позах, впитывая сквозь шорох микрофона каждое слово Смита.

– Вот он, голубчик! Висит тут, от нас километрах в шестидесяти. Буквально под носом. Этот самый, АП12. Крохотулечка моя.

– Смит, – тихо проговорил командир, – ты уверен?..

– У меня нет приборов для идентификации, сэр, работает только двигатель. Но глаза у меня еще дают сигнал в мозг. Я нарезаю круги вокруг него. Сейчас попробую заглянуть внутрь.

В ухе у командира некоторое время раздавался тихий треск. Потом снова зазвучал голос Билли Смита.

– Там двое, сэр. Две фигуры внутри. Живые или нет, не знаю. Отсюда определить невозможно, – некоторое время Смит молчал, видимо, маневрировал вокруг обнаруженной шлюпки. – Нет, не могу понять, сэр. Там очень тесно, кабина и в ней двое. Лечу на корабль. Один сейчас завершить не могу. Нужно выходить, сэр.

– Я выйду, сэр, – сказал Родригес.

– Сядь, Адэхи. Выйду я, – спокойно ответил Орлиевский.

2034

Анна легко скользила, отталкиваясь от поручня к поручню. Когда она приблизилась к Орлиевскому, тот попытался встретиться с ней глазами, но взгляд Анны прошел словно сквозь него, не зацепившись ни на мгновенье. Ее руки легко коснулись его щеки, потом руки и запястья, не совершив ни одного лишнего движения. Так же быстро и точно она проделала все у лица Картера. Если б Тамерлан мог ее сейчас видеть, он бы поразился сходству движений Анны и своей прекрасной домохозяйки Эльзы, пожизненно отдыхающей у него в гостиной. Наконец, все манипуляции были завершены, и экипаж шаттла «Венера» ждал начала перехода.

– Тамик, мы готовы, – проговорил капитан. – Командуй.

– Гриша, – сухо и быстро заговорил Тамерлан. – Через пару минут зайдете на координаты и разгоняйтесь. Дам отсчет за двадцать ударов и произвожу контакт. Через две минуты произойдет контакт с веществом, после этого еще тридцать секунд. Анна!

– Я слышу, – тускло ответила та.

– Вопросы, просьбы, пожелания?

– Шевелиться можно? – с намеком на улыбку спросил Картер.

– Лучше не надо, – отозвался Тамерлан. В наушниках затрещало, запикало. Потом наступила тишина. – двадцать. Девятнадцать, восемнадцать…

«Ну вот. Понеслось», – стучало у Орлиевского в голове: «И что дальше? Что там? Чернота, пустота? А может, те две несчастные козы? Вернее, не те, а их сестры из параллельного мира. Счастливые, щиплющие травку. Бред. Ничего не выйдет, нет никаких тоннелей, кротовых нор, все это выдумки Магометова. Страшно. Страшно потерять все, потерять точку опоры, потерять себя. Анна… Анна готова улететь от меня в другую Вселенную, она хочет, хочет рывка, отрыва, перехода… Не отпущу». Магометов продолжал отсчет. Угол рта Орлиевского подрагивал одновременно с каждой новой цифрой.

«Вот сейчас прозвучит ноль – и все лопнет, – думал он. – Разлетится на тысячи кусочков. Или, наоборот, расплывется, как в старых фантастических фильмах показывают. Растечется и превратится в переливающийся ком. И ни Анны, ни меня, ни мокрых волос Картера». Он знал, что ужасно нервничает,

возможно, даже испытывает страх. Но осознание было отстраненным, осознание наблюдателя, зрителя, не рискующего существованием. «Может, я уже в кротовой норе?».

– Контакт!

0000

1

Смиту было не по себе. Не то чтобы он боялся, но и спокойствия не ощущалось. Все чужое. Вроде и темнота, а какая-то серо-прозрачная, как будто краску сэкономили. Никаких конкретно космических тел не видно, но такое ощущение, будто контуры звезд просвечивают с изнанки ткани, и видишь блестящие пуговицы, пришитые с внешней стороны.

Шлюпка «Венеры» слушалась управления, и это уже был подарок. Быстрая, легкая, почти такая же, как этот АП12. Никакие системы навигации не работали, как и прежде, но двигатель работал исправно, управление осуществлялось в привычном режиме и, что особенно порадовало Смита, работала внутренняя связь. Чи коротко отвечала ему с корабля.

Он сделал первый круг, относительно недалекий, и пошел на второй заход. На третьем круге что-то блеснуло под прожектором. Направив шаттл в эту зону, Смит понял, что принял правильное решение лететь. Это был он – служебная малолитражка с крупной цифрой двенадцать на борту.

Подлетев на максимально близкое расстояние, Смит постарался запараллелить движение и дал несколько прерывистых световых сигналов, надеясь получить подобный же ответ. Ничего не последовало. Смит сделал еще вираж. Сам он больше ничего не мог, нужна была помощь, чтобы каким-то образом добраться до фигур. Он еще раз вышел на связь и направился обратно на шаттл. Что-то вдалеке серой гущи нового космоса блеснуло в ответ. Смит помотал головой, словно прогоняя наваждение, и отправился к новому объекту.

-Смит, ты куда? – испуганно зазвучал в ухе голос Ли, но лейтенант не был готов комментировать свои действия.

– Подожди, Ли. Потом расскажу, – отмахнулся он, направляя шлюпку к новому, неожиданно возникшему объекту. Тот приближался достаточно быстро, видно, расстояние, разделявшее их со шлюпкой Смита, не превышало расстояние до АК12. Через несколько минут Билли отчетливо видел все детали еще одного космического корабля, вплоть до номера.

«Матерь Божья» – выдохнул Смит, замерев перед открывшейся ему картиной. «Я сойду с ума, в любом случае, выживу или нет».

Он развернул шлюпку и направился обратно на «Венеру». Что-то подсказало ему, что докладывать об этой находке немедленно будет ошибкой.

Транспортный шлюз открылся ему навстречу. Оказавшись внутри, Смит плавно выскользнул из шаттла, проплыл сквозь несколько отсеков и скользнул в шахту гравитационной зоны. Картер и Ли ждали его.

Джерри, взбудораженный докладом о пилотах АК12, приобнял Смита. От него веяло неожиданным энтузиазмом.

– Так какой план? Как ты их надумал достать? – спросил он.

Смит покачал головой:

– Нет, там мы их не достанем, надо тянуть сюда, на запасной портал. И только на корабле уже смотреть, в каком они там виде.

– А что им быть в плохом виде, мы вот в отличном, – съязвил Картер.

– Не все, брат, не все, – положив руку ему на плечо, проговорил Смит, – вон твой родственник-то... лежит там... – наткнувшись на холодные лучи из глаз Картера, промямлил уже без намека на иронию:

– Короче, только если как-то подцепить...

– Ясно. То есть надо будет выходить.

– Ну как выходить. Из шлюпки не выйдешь. Сейчас попробуем приблизиться на корабле и будем цеплять. Скафандры тут у вас имеются?

– Кто пойдет наружу, сэр? – спросила сержант.

– Не ты, Чи. Это точно.

– Я выйду сам, – сказал подошедший Орлиевский. – Подойдем максимально, я выйду, ты, Картер, будешь корректировать расстояние. Если что – уводи. Главное избежать столкновения. Ты понял?

– Да, сэр.

– Смит. В шлюпку и веди к цели, – Георгий посмотрел на них и желчно добавил:

– Вы же вроде как команда, герои?

– Да, сэр, – с улыбкой отрапортовал Смит. Картер промолчал.

Да, они команда. И можно сказать, что герои. Тогда в небе над Палестиной любой бы ощутил себя героем. Чертов ад. До сих пор вспоминая об этом, у Джерри начинало першить в горле от запаха гари и песка в глотке. Его тогда зацепили, и Смит вывел его, прикрывая корпусом, из зоны обстрела. Чистое чудо. А потом они шли на базу. Пять дней, сорок пять градусов, почти без воды. Смит тащил его только что не на себе. И смеялся. Он всегда готов был смеяться, этот его однокашник. Они познакомились еще на поступлении, сдавая нормативы по бегу. Картер активно разминался, подпрыгивал, растягивался и вообще вел себя максимально спортивно. Смит же спокойно стоял, наблюдая за бегунами. Посмотрел на гиперактивного Джерри и подошел поближе.

– Эй, парень, ты спортсмен?

– Нет, – Картер на мгновение перестал суетиться и повернулся к товарищу по поступлению.

– А выглядишь как спортсмен. Мне вот смысла никакого нет там дергаться, все равно я бегаю медленно.

– Тем более стоит размяться, – деловито бросил ему Картер и продолжил приседать.

Прибежал он седьмым. А Смит первым. Он так дернул со старта, что ушел далеко вперед, демонстрируя весь забег остальным участникам только свою спину. После этого случая Джерри всегда очень скептически относился к сомнениям Смита в собственном успехе. Запрещал ему кокетничать, всякий раз напоминая поступление. Хотя надо отдать Смиту должное, сомневался он в себе не часто.

– Все сделаем как надо, сэр, не переживайте.

– Хорошо, – кивнул Георгий и пошел к скафандру.

Скоро шлюпка Смита устремилась в сторону своей находки, и «Венера», так долго тихо висевшая на никому неизвестной орбите, двигалась следом за своим проводником.

Они достаточно скоро достигли цели. Джерри увидел малютку АП12 и постарался оказаться на максимально близком к нему расстоянии. Задача была непростая, подойти близко и не задеть шлюпку было своего рода работой виртуоза. Желваки на лице Картера играли, руки онемели от напряжения. Серия голосовых команд прошла без сбоев, хотя все время горела кнопка отказа навигации. Картер вводил команды, пытаясь

занять максимально выгодное положение для Орлиевского. Капитан в тяжелом скафандре удалялся в сторону цели. Ему предстояло около двухсот метров пройти в открытом пространстве до АП и прицепить к ней трос, чтобы втянуть на борт шаттла. Смит страховал Орлиевского, соблюдая минимальное расстояние. В иллюминаторы можно было разглядеть неповоротливую фигуру астронавта, удаляющуюся от корабля.

– Картер, прием.

– Прием.

– Гуляем, второй пилот? – снова послышался голос Орлиевского. Не удержался капитан. Картер смахнул щекой каплю пота. Все пережитое до появления размытых звезд казалось в другой жизни. Впрочем, так оно и было: в другой жизни, в другом измерении, другом времени. Орлиевский заговорил снова.

– Все нормально. Осталось метров сорок. Как у вас?

– Все под контролем, сэр.

– Хорошо. Я приближаюсь. Черт. Скорость очень большая. Меня сейчас приложит об него. Слышишь, Джерри? – противно хихикнул командир. – Не упусти шанс.

Орлиевский чувствовал, что его несет, но никак не мог заставить себя заткнуться.

– Ау, молчишь, Картер? Я б на твоем месте хорошенько бы разогнался.

– Я попробую изменить траекторию, сэр, – четко произнес лейтенант.

– Веселитесь, орлы? – раздался в ухе полный недоумения голос Смита. Орлиевский изо-всех сил сжал челюсти, пытаясь выдавить из себя все дерьмо, которое деловито ползло наружу. Некоторое время Картер что-то набирал на дисплее. Стояла тишина.

– Попробуйте еще раз, сэр, – наконец произнес он.

Орлиевский зажмурил глаза и стал считать до десяти. Никогда, ни при каких обстоятельствах в прежней жизни он не дал бы желчи вытекать изо рта при исполнении задания. Любого задания, даже самого мелочного. Сейчас же ему было отчаянно стыдно и страшно, что даже при таком повороте событий,

когда от него зависят судьбы десятка людей, его личные переживания дают о себе знать и выходят на поверхность. Еще раз вдохнув и выдохнув, он усилием воли ввел себя в режим «работа», на какое-то время вычеркнув себя из мира эмоций.

Орлиевский снова постарался приблизиться к цели, но достать и, тем более, прицепиться, было по-прежнему невозможно.

– Я подхвачу вас, командир, – раздался в динамике голос Смита. Шлюпка, до этого висевшая над АП12, подлетела к астронавту и замерла у того под ногами, точно совместив скорости. Теперь капитан, словно космический джигит, стоял на кабине шаттла-малыша, а Смит аккуратно подносил его к борту АП12. Это было настолько фантастическое зрелище, что даже Картер на долю секунды оторопело провожал их глазами. Но взяв себя в руки, немедленно вернулся к управлению. Как только Орлиевский подцепит трос, он начнет притягивать АП12 к транспортнику. Тем временем Смит, абсолютно поймав скорость движения малолитражки, сократил расстояние между шаттлами до еле заметного просвета, и Георгий, перевесившись в немыслимой акробатической позе, прицепил трос к нижней стойке.

В ушах стучало. Лицо Джерри онемело от напряжения. Минимальное движение влево или вправо привело бы к гибели обоих висевших в пустоте астронавтов. Собственный пульс Картера отсчитывал предавшее их время.

– Есть. Готово, – прозвучало в динамике.

Раздались аплодисменты. Он и не заметил, что все пассажиры стоят у него за спиной, наблюдая за передвижениями снаружи. Джерри снова смахнул пот. Пожалуй, действительно, это все стоило самых горячих аплодисментов. Он оглянулся. У левого иллюминатора стояла Анна и с восторгом наблюдала за Орлиевским. В душе что-то нехорошо скрипнуло. Вся радость куда-то улетучилась.

– Тащить? – спросил он.

– Да, давай, жми, лейтенант. Только тихонько. Я держусь за трос.

Картер начал подтягивать АП12. Смит продолжал зависать неподалеку от командира.

– Слушайте, ребята, – проговорил капитан. – Странное какое-то корыто. Такое чувство, что разгерметизированное.

– Почему?

– Не знаю. Показалось. Ладно, на борту посмотрим. Готовь запасной шлюз.

Родригес и Ли быстро пошли вниз. Родригес в нижний запасной портал, предназначенный для непредвиденных крупных грузов. Ли должна была впустить на корабль Смита, а потом присоединиться к Родригесу внизу. Если все пройдет по плану, то они готовы к приему гостей.

Ли открыла основной порт, шлюпка Смита плавно вошла в ангар. Ли включила блокировку. Огромный входной люк медленно затягивался.

Смит выбирался из кабины. Перехватывая то одной рукой, то другой за стойки, добрался до шлюза и спустился к Ли.

Ли, сверкая полными восторга глазами, порывисто обняла его. Если бы Смит был способен покраснеть, то он стал бы пунцово-алым.

– Да ладно тебе, Чи, – проворчал он.

– Лейтенант, вы просто герой! – Ли не могла скрыть восторга. Она хотела сказать ещё что-то, что могло бы в должной мере передать ее восхищение, но подходящие слова не находились. На какую -то секунда она замерла, глядя на Смита.

– Все, отложим восторги на потом, – скомандовал он. – Быстро к Родригесу.

Они почти бегом отправились к запасному порталу.

2

Маленький АП12 уже стоял в закрытом ангаре, Георгий с помощью Адэхи с трудом вылезал из тяжелого скафандра. У входа в отсек висели Микки, Акира и Картер. Остальным было сказано ждать в салоне. Картер попробовал было оставить там и обоих Ямото, но Акира, даже не повернув головы на голос обращающегося к нему лейтенанта, устремился к новоприбывшему, увлекая за собой Микки.

Орлиевский освободился от скафандра и приблизился к гостю, прильнул к стеклу кабины, пытаясь разглядеть пилотов. Сквозь затемненное стекло просматривались две неподвижные фигуры, сидящие в тесной кабине практически вплотную друг к другу.

– Попробуем вскрыть, командир? – спросил Родригес. Орлиевский кивнул. Родригес осмотрел шаттл в надежде обнаружить какие-либо аварийные рычаги, открывающие аппарат в экстренных случаях. Не найдя ничего подходящего, Родригес двинулся в отсек. Капитан проследил по внутреннему видеонаблюдению, что Родригес что-то ищет в высоком стеллаже у шлюза. Через несколько минут тот вернулся, держа в руках несколько инструментов, в том числе дрель, монтировку и пугающих размеров тесак.

– О Боги, Адэхи, что за боевой раскрас? – деланно испугался командир.

Родригес молча приступил к замкам. Он долго орудовал сверлом, пытаясь раскрутить все блокираторы. Это заняло довольно долгое время. В конце концов, он засунул инструмент в образовавшеюся щель и просто с корнем вывернул верхнюю панель кабины.

В открывшемся проеме неподвижно лежали фигуры астронавтов. Лица были скрыты черными стеклами шлемов, руки в перчатках безжизненно лежали на поручнях.

– Надо их достать, – сказал капитан. – Адэхи, отстегнуть выйдет?

– Должно. – Родригес пристроил орудие своего взлома на пояс и нырнул глубоко вниз головой, пытаясь достать до защелок ремней. Ноги его взлетели над люком. Наконец раздался щелчок, потом второй. Родригес вынырнул. Лицо его выражало брезгливость и непонимание.

– Слушай, командир, там какая-то лужа на полу.

– То есть? – не понял Григорий.

– Что-то черное...

– Может, они обделались со страху? – предположил Смит.

– В этом случае все сюрпризы внутри комбинезонов, – мрачно отшил его Орлиевский. – Давайте-ка все-таки вытащим их оттуда.

Родригес и Картер подхватили под руки одного их астронавтов и вытащили его наружу. Мистер Ямото, не способный больше стоять в отдалении, приблизился к кабине, пытаясь разглядеть лицо, полностью скрытое шлемом.

– Отойдите, сэр, вы можете хотя бы не лезть под ноги? – гавкнул Джерри. Но Ямото снова не обратил на его слова никакого внимания.

Тем временем Смит и Ли тащили из кабины второго. Оба неподвижных тела парили над АП.

– Как с ними быть, командир? Наверх их, может? Надо же положить, – спросил Родригес.

– Да, давайте. Поднимаемся. Родригес, Ли и Смит. Берем их наверх, в гравитацию. А то висят тут, не подобраться.

Он пропустил их вперед и повернулся к Картеру:

– Лейтенант, забирай эту чертову аудиторию и убери всех в комнату. Или пусть спать идут, – кивнул Орлиевский на обоих Ямото.

– Вы со мной так не разговаривайте, – мрачно предупредил Акира. – Идите, займитесь своим делом, а я сам решу, куда и когда мне идти.

– Отец, пусть они закончат... – позвал его Микки.

– Не лезь, – отрезал Акира. Что-то явно привлекало его внимание. Картер махнул рукой в бессилии и тоже двинулся к лестнице в люк. Японец остался внизу. Он что-то внимательно рассматривал у шаттла.

Небольшие, разного размера, абсолютно черные шарики медленно, один за другим поднимались из люка кабины, красиво вращаясь в невесомости.

– Что это за чудеса? – прошептал Ямото. – Микки, что это? – спросил он, протягивая руку.

– Не трогай! – Микки кинул тело к отцу. Между ними было несколько метров. Микки сильно оттолкнулся от стойки, чтобы успеть ударить отца по руке, но японец уже прикоснулся к черной субстанции. Она повисла у него на пальце и, поглощая тело, поползла вверх. Рука Акиры все еще имела свою форму, но уже полностью состояла из ползущей черноты. Ямото стоял неподвижно, остановившимся взглядом следя за исчезновением собственного тела. Все произошло моментально. Когда Микки добрался до отца, то всей верхней части туловища уже не было. За считанные мгновения черная материя полностью поглотила Акиру Ямото и слилась воедино, образовывая большой черный шар.

3

Георгий пошел за Анной, найденным астронавтам могла понадобиться медицинская помощь. Хоть они и не подавали признаков жизни, но полностью терять надежду привести их в чувство Георгий не был готов. У него накопилось уйма вопросов и очень хотелось их задать тем двоим, оставленным на полу у запасного портала.

Анна лежала на диване в общей комнате, запрокинув голову и глядя в потолок. Впечатление, что она не имеет ни малейшего отношения к происходящему, было полным и законченным.

– Лежишь? Отдыхаешь? – иронично бросил ей муж.

– Привет, – Анна открыла глаза и равнодушно окинула его взглядом, – вы сегодня молодцы.

– Спасибо, – капитана бесила эта ее манера уничтожать, обесценивать все его геройства этой вот своей снисходительно-отстраненной реакцией. – Мы стараемся.

– Я вижу, – она снова прикрыла глаза. – Есть новости?

– Да. Есть, – он проговорил, еле сдерживая ярость. – Надо взять аптечку и идти к запаснику. Там на полу два тела. Возможно, понадобится помощь.

– Сейчас, – Анна встала и направилась к шкафам с медикаментами. Георгий стоял и ждал ее. Заметив его взгляд, Анна обернулась и медленно произнесла. – Иди, Грэг. Я приду сама.

– Как знаешь, – он резко повернулся и пошел обратно. Подходя к отсеку, он услышал дикий, останавливающий сердце крик.

4

Родригес, Смит и Ли Чи с трудом поднимали астронавтов в гравитационную зону. С каждым футом тела становились тяжелее и тяжелее, и сержант уже с трудом справлялась с подъемом. Поэтому она очень обрадовалась догнавшему ее Джерри. Наконец они достигли первого отсека.

– Ну что, – с трудом произнес запыхавшийся Смит, – открываем?

– Командир ушел за медикаментами. Может подождем? – предложил Джерри.

– А чего ждать-то? Надо хоть шлемы снять.

Снизу, из ведущего наверх шлюза, раздался какой-то сдавленный голос и удары.

–Что там у них? – поднял голову Смит.

– А кто там вообще? – удивился Родригес.

– Ямото оба остались. Он так и не ушел, – ответил Картер.

– Убрал бы ты его оттуда. Залезет еще куда не надо. Да что он там вообще развопился?

Голос Микки был слышен все отчетливей. И голос этот очень не понравился Картеру.

– Пойду ему навстречу. Снимайте шлемы, – сказал он и пошел к люку подъема.

Микки полз ему навстречу, свалившись только что не на руки лейтенанта где-то на трети пути.

– Не трогайте их! Не трогайте! – белое лицо парня возникло прямо перед ним, Джерри схватил его за голову и притянул к себе.

– Не снимайте шлемы. Там смерть, – прошептал Микки.

Тем временем Ли наклонилась над первым из астронавтов.

– Смотри-ка, шлем приоткрыт. Странно... Ну что, снимаю?

– Давай, - небрежно махнул ей Смит. Ли осторожно надавила на шлем, и тот легко открылся. Головы не было. Черная масса, словно болото, едва перекатывалась там, где должно было быть лицо астронавта.

– Что это? – прошептала Чи помертвевшими губами и притронулась к субстанции. Чернота побежала по ее руке.

– Не трогай!! Не открывайте шлемы! – прозвучал над головой вопль Картера. Смит, потерявший на мгновение способность двигаться и соображать, дернулся и схватил Ли за уцелевшую еще руку. Масса, катящаяся по ее телу с чудовищной быстротой, коснулась его пальцев и поползла по правой руке Смита. Через долю секунды Родригес, издав утробный вопль, взмахнул тесаком, изогнувшись всем своим мощным телом потомственного охотника, и одним ударом снес руку Смита по самое плечо. Рука упала рядом с той вязкой черной лужей, которая осталась от сержанта Ли.

Джерри, выбравшийся из люка вместе с Микки, успел подхватить падающего Смита, не дав ему наступить на круги черноты под ногами.

Все произошедшее длилось не более пяти секунд. Наступила тишина. Билл и Джерри замерли, прислонясь к переборке. Родригес стоял с окровавленным тесаком, глядя на Смита застывшим взглядом. Микки, скорчившийся в углу, дышал как загнанное животное, издавая на каждом вздохе звенящий свист. От руки Смита и Чи не осталось никаких следов.

Орлиевский, вбежавший в отсек, замер, оглядывая их лица.

– Что? – просипел он. – Что тут было? – повторил он, глядя на кусок мяса там, где раньше была рука пилота.

– Сэр, – каким-то утробным голосом проговорил Родригес. – Надо перевязать, сэр.

Он кивнул на Смита. Тот дернулся, запрокинул голову и упал на Картера.

5

«Ты довольна? Любопытство удовлетворено?»

Лиза зажмурилась и так стиснула зубы, что свело челюсть. Купила б она этот билет, если б знала, что увидит своими глазами свежий обрубок руки старинного приятеля? Так ли ей это было необходимо?..

«К чему я так стремилась и что в результате обретаю? Боже мой, зачем я здесь?»

Лиза сидела на краю капсулы в пассажирском отсеке рядом с лежащим в ней Смитом. Глаза были закрыты, но на лице осталось выражение крайнего напряжения. Билл так еще и не приходил в сознание с того момента, как Георгий и Джерри перенесли его сюда. Анна сделала ему несколько уколов, которые должны были остановить кровотечение и снять боль. Предплечье, укутанное несколькими слоями биосинтетики, было прикрыто термоодеялом.

Лиз сидела подле него. Ей было впервые действительно страшно. За все время этого мрачного приключения такой настоящий животный ужас не проникал ей в сердце, и только сейчас, глядя на этого сильного, жизнелюбивого и изобретательного летчика, лежащего перед ней покалеченным

и беспомощным, холодные тошнотворные спазмы сжимали горло.

– Эй, дамочка, не рыдайте, – донесся хриплый шепот. Лиза открыла глаза. Билл Смит смотрел на нее красными воспаленными глазами, пытаясь улыбнуться. Она быстро смахнула слезы, попытавшись улыбнуться в ответ.

– Что это вы вдруг раскисли? Как вас там... Мэг?

Малкин кивнула. Она смотрела на лицо Смита. Какая у него сказочная улыбка. Как невероятно, что он вообще сейчас может улыбаться. Ей было его неимоверно жаль. Но несмотря на сочувствие, в глубине сознания Лиззи не могла отвязаться от ощущения мрачного удовлетворения.

«Ты очень не хотел, чтоб я это знала, Билли. Вот только как бы не узнать больше, чем хотелось бы…».

Мысль была острой и мерзкой. Лиза вздрогнула. Ей вдруг стало очень холодно, а ладони вспотели. Нет. Она не хотела в это верить. Она точно знала, что вернуться возможно. Билл же вернулся. Не могло же в природе существовать двух абсолютно одинаковых Биллов Смитов без правой руки?..

– Не играть мне теперь в баскетбол, – проговорил Смит, не открывая глаз.

Лиза вздрогнула. Какой, к черту, баскетбол?..

– Вы это серьезно? – недоуменно переспросила она. Смит еле заметно кивнул. Она подумала пару мгновений и сочла ироничный тон самым уместным в подобной беседе.

– Плевать на баскетбол, Смит. В конце играть можно и одной левой, – нарочита грубовато ответила она.

– Во-первых, леди, я правша. А во-вторых, – Смит шумно вдохнул воздух. Видно было, что говорить ему очень трудно. – Во-вторых, как можно так говорить: плевать на баскетбол? Что еще прекраснее есть в этой жизни?..

Некоторое время он лежал тихо. Лиза уже опять начала погружаться в свои мысли, но оказалось, Смит ждет ответа.

– Эй. Так что?

– Что? – переспросила Лиз.

– Ты любишь баскетбол? – Смит даже приоткрыл один глаз.

– Я люблю шахматы, – неожиданно для себя выдала Лиза.

– Ничего себе, – прошептал Смит, еле заметно улыбаясь. Глаз он так и не открыл. – Расскажи.

– Про шахматы?

Смит кивнул.

– Что тут рассказать... Я играла за школьную команду девочек. У нас даже были турниры по всему округу. Вел у нас такой смешной парень. Янкель. Кривой такой, носатый. А потом мы узнали, что он известный гроссмейстер. Куча соревнований, награды. Янкель Белкин, может слышал?

Смит на сей раз отрицательно покачал головой.

– Ну да, тебе ближе баскетбол, – усмехнулась Лиза. – Вот такие дела.

– Янкель Белкин. Странно звучит. И где это все было, в Ливерпуле?

– Почему в Ливерпуле? В Нетанье, – глупо повелась на издевку Лиза и тут же себя за это отругала. Смит беззвучно засмеялся.

– И что? – выдавил он. – Выигрывала?

– Иногда. Однажды даже почти до финала в общем зачете дошли. Но нас девчонки из Хайфы все-таки сделали... Я рыдала, хотя мне было уже пятнадцать...

Малкин вдруг вспомнила, как ей тогда было обидно и сразу снова захотелось рыдать.

– А сейчас тебе сколько? – Смит чуть-чуть приоткрыл глаза

– А сейчас мне сорок пять.

– Не может быть, – он приоткрыл глаза пошире, разглядывая ее, – ты выглядишь как подросток. Рыжая такая… – он сухо закашлялся. – Не рыдай, Мэг. Я тебе обещаю – выберемся.

Она почувствовала его пальцы на своей руке и вдруг поняла, как сильно ей нужно, чтоб кто-то ей точно пообещал, что они выберутся.

– Обещай, Билл! Обещаешь?

Он кивнул, но что-то в его глазах подсказало Лизе, что Смит хочет добавить нечто важное.

– Билл, – она наклонилась близко к его лицу. – Что, Билл?

Смит посмотрел на нее в упор одним прищуренным глазом и прошептал ей в самое ухо:

– Я видел коз. Они здесь. Летают, – он приоткрыл второй глаз, попробовал улыбнуться и вдруг заснул, измотанный этой беседой.

Лиз смотрела на него. Все мысли унеслись, остался только ужас. Сплошной ужас, рассекаемый нахально живучей, но, судя по всему, бессмысленной надеждой. Душу свело судорогой, стало невозможно думать, сопоставлять факты...

Факты. А факты в том, что их сфера не проходила сквозь черную дыру. И единственный человек, который был способен это трактовать и переосмыслить, был Микки Ямото. Малкин втянула в себя максимум воздуха, выпрямила спину и сжала кулак. Надо было заставить себя с ним говорить.

2034

Тамерлан нажал кнопку активации, и желеобразная оболочка, хранящая в себе биоускоритель, начала рассасываться в чреве бака с горючим. «Венера» летела прочь от земли, в голове Орлиевского шел обратный отсчет. Прошли две минуты. Никто, казалось, не дышал, не шевелился, не чесал нос, не ерзал. Четверо в рубке шаттла не подавали признаков жизни, даже глаза у троих из присутствующих были закрыты. В голове у Орлиевского обратный отсчет сменился на возрастающий, перешагнув нулевую отметку. Вдруг вспомнился запах вечернего Крыма, ангар, наполненный молчаливыми рабочими азиатами. «Все. Все прошло», – странно медленно подумал он. На мгновение стало очень холодно, внутренности обожгло льдом, свело щеки. Ощущение было молниеносным и острым как игла. Орлиевский вскинул глаза, наткнувшись на плоское, лишенное выражения лицо Родригеса, потом снова уставился на датчик. Он досчитал уже до ста пятидесяти, когда раздался, разрушая стеклянную тишину в рубке, голос Тамерлана.

– Анна?

– Я здесь.

– Есть провал?

– На второй секунде. Сразу.

– Сколько по времени?

– тридцать семь сотых секунды.

– И до какой отметки?

– Тебе чьи показания? – засомневалась Анна.

– Давай капитана, – на секунду задумавшись, ответил Магометов.

– Давление сорок пять на ноль. Температура тридцать два по Цельсию. У меня тут целое полотно, что еще зачитать?

– Давай Картера, – резко проговорил Магометов.

– Давление… – Анна внезапно остановилась. Потом, оторвав взгляд от показаний, медленно обвела всех присутствующих странным взглядом, словно не ожидала их тут увидеть.

 – Мы здесь? – тихо спросила она Орлиевского. Тот молча кивнул. Анна продолжала смотреть на мужа. Ее лицо становилось все более и более странным. Она не обращала

внимания на обращенные к ней призывы Тамерлана, продолжая все так же пристально смотреть на капитана. Вдруг прыснула со смеху, словно услышала неожиданно веселую шутку.

– Так что, нет? Не перенеслись?

– Вот выясняем, – осторожно ответил Григорий.

– Что выясняем?.. – глядя на него как на дурачка продолжала она. – Это ж очевидно. Все. Фиг вам, а не измерение! – и Анна засмеялась пьяным смехом портовой проститутки. Она резко откинулась в хохоте на спинку кресла, отчего ее, единственную не пристегнутую в отсеке, перевернул кувырком назад и понесло по рубке. При этом она не переставала хохотать, совершая нелепые движения.

– Фиг вам, измерение! Никуда, слышите, никуда вы не денетесь! Здесь будем гнить! Вечно! Слышите вы?

Ей наконец удалось ухватиться за поручень и принять вертикальное положение. Трое все еще пристегнутых к своим местам мужчин молча уставились на нее. Она же перекидывала взгляд с явным оттенком безумия на каждого из них. Глаза ее больше не смеялись. В них стояли истерические слезы, превращая черные глаза Анна в два переполненных нефтяных водоема. И Картер, и Орлиевский уже отстегнули ремни, но приблизиться к ней не решались. Анна же тоже застыла на месте, хохот смешался в истерическими рыданиями, и где заканчивается одно и начинается второе, понять было практически невозможно.

Орлиевский сделал было движение навстречу к ней, но Анна дернулась и рывком отлетела к стене.

– Ты! Я тебя ненавижу! Слышишь? Я туда не вернусь никогда! Никогда! Я хочу перенестись, прямо сейчас, в другой мир! Я требую! Тамерлан! – закричала она так резко, что притихший в ужасе на далекой Земле Магометов подскочил на месте. – Тамерлан, включи свою чертову машину!

– Анечка, – елейно проговорил тот, – я включил. Я включил же.

– И что, что? Бездарный тупица, правильно тебе не дали ничего в ТАКА! Ты с нами как с козами, да? Как с козлами, как со скотом тупым! Немедленно убери меня отсюда! Джерри! – заорала она в лицо Картеру. – Что ты молчишь?!

Одним рывком она оказалась рядом с Картером, схватила его за шею. Ее сумасшедшее лицо было совсем рядом с его губами, и Картер почувствовал уже второй раз за эти сутки как рвется в его нутре связь со всем живым, что окружало его прежде.

– Джерри, мы должны были уйти отсюда. Я ждала этого, – теперь Анна уже шептала, заглядывая в глаза лейтенанта. Медленно выпустив остатки воздуха из легких, он разжал ее сцепленные на своем затылке руки и отстранил Анну от себя. Потом неторопливо приблизился к планшету, прикреплённому к креслу Анны. Та молча издали следила за его плавными передвижениями, не издавая больше не звука. Внезапный всплеск закончился. Она глубоко дышала, глаза двигались вслед за Картером. На ее лице застыло удивленно-настороженное выражение, будто Джерри Картер неожиданно совершил мелкую пакость, которой она не могла от него ожидать. Орлиевский и Родригес тоже застыли. Признаки жизни подавал только Картер. Он долго изучал цифры на панели, зависнув в позе рассматривающего рыбок пловца.

– Тамерлан, это Картер. Ты здесь?

– Да, Джерри, – глухо ответил тот.

– Провал у всех одновременно. Тридцать семь сотых секунды. Самый глубокий у меня. Давление сорок на ноль. Но у меня и денек был самый тяжелый. Самая низкая температура у Родригеса. Тромбоциты почти все улетучились, кстати, тоже. С таким анализом на пересадку костного мозга прямая дорога, Адэхи, – мрачно сострил он. Родригес молчал, глядя в одну точку.

– Ну что еще, шеф? Все цифры будут перед тобой в течение часа, если прикажешь возвращаться.

– Что с горючим? – спокойно спросил Магометов.

Картер взглянул на панель управления.

– Первая доза подчистую, как и было предсказано. Но у нас же много, благодаря мудрости руководства.

– Да. У вас много, – Тамерлан помолчал пару секунд. – Ну хорошо, до встречи. Летите.

– Летим, – кивнул лейтенант. – Летим, командир?

Орлиевский утвердительно моргнул и направился к пульту управления.

– Занимай свое место, Анна, – тихо проговорил он, заводя команды в систему. Краем глаза он увидел, как ее тонкая фигура скользнула к своему креслу. Георгий тихо выдохнул. – Родригес, какие прогнозы?

– Должны проскочить, капитан.

– Как говорится, мы этого заслуживаем, – вздохнул капитан.

– Чего именно? – хмыкнул Картер.

– Тихонечко вернуться на Землю.

Орлиевский набрал последнюю цепочку команд на панели управления и тоже занял свое место, где несколько минут назад собирался проститься с этим измерением и слиться с сиреневым туманом какой-нибудь более удачной и расположенной к нему реальности. Или хотя бы просто кануть в небытие, не пробуждая при этом ничьей истерики. Он в какой-то момент тоже поверил, что человек так сильно отличается от коз, что за счет биотоков мозга и прочих природных привилегий все-таки прорвет барьер, не дающий Тамерлану Магометову доказать свою научную правоту. Но, увы, он здесь, Тамик на земле, и оба далеко не в лучшем настроении. Да и Картер с Родригесом не похожи на полностью счастливых людей. Что происходит в голове у Картера, Георгий примерно представлял. Сочувствия не испытывал, но знал, о чем идет речь. Что же на душе у Адэхи, капитан никогда понятия не имел, но и, говоря по правде, ни разу до этого момента и не задумывался об этом. Анна же… А что Анна. «Она здесь», – прошептал он сам себе одними губами. Она не улетела на звезду, она сидит рядом и дышит. Картер исчезнет, а Анна останется. И он ее не отпустит. Никуда не отпустит, просто он не может ее отпустить. Да и она не хочет, просто какой-то протест, кризис, возраст, гормоны. Главное, она рядом. Любая: любящая, ненавидящая – не важно.

Орлиевский тихонько вздохнул. Скоро вся эта долгая кутерьма прекратиться. Они оплатят ногу Ильи. Приведут шаттл в порядок, возможно, даже выкупят второй. И не будут больше заниматься всяким дерьмом типа космических свадеб. Хотя иногда это бывает чертовски прибыльным. Но не будут, нет! Орлиевский даже помотал головой. Они купят оборудование и освоят далекие вылеты, возможно даже исследовательского характера. И никаких похорон. А возможно, даже родится ребенок…

Все. Он возвращается. И еще поживет здесь, в этом мире. Уж сколько ему отведено.

0000

1

Лиза тихонько направилась в каюту, где накануне видела Микки, но там его не было. В соседнем отсеке друг над другом лежали Мэтью и Оливия Купер. Лиза приподнялась на носочки, чтоб не разбудить их, но ее взгляд встретил широко открытые глаза Оливии. Женщина не спала, но и вступать в разговоры тоже намерения не проявляла. Лиза прошла мимо, из комнаты доносились приглушенные голоса.

– Картер, налей ему выпить, что ли, – послышался голос Орлиевского.

– Не стоит ему, командир. Как бы не стало хуже.

– Куда тут хуже, лейтенант! – капитан снова постарался говорить потише. – Куда уж... Два трупа, раненый. И куча этого дерьма на борту.

– Оно не жрет неорганику, – послышался низкий голос Родригеса.

– Что? – капитан состроил нарочито непонимающую мину. – Кто кого не жрет?

– Я пробовал. Бросил туда шуруп. Потом кончик металлической палки. Не реагирует. На корабле нет натуральных материалов. Я хотел тыкнуть туда чем-нибудь деревянным или кожаным, и ничего не нашел. Сбил все это в одно болото там на полу в отсеке. А в ангаре летает все это. Черные шары в невесомости. Туда конечно не зайти уже вообще.

Григорий посмотрел на Адэхи с недоверчивым уважением, словно не мог ожидать от него подобной исследовательской жилки. Потом налил в стакан что-то белое из фляжки и поднес сидящему в углу Микки.

– Пей.

– Что это? – парень поднял глаза.

– Сок мандрагоры. Пей.

Микки наклонился, понюхал стакан и вздрогнул.

– Я не смогу это выпить.

– Грэг, отстань от него, – проговорила Анна.

– Пей, – не обратив на нее внимания, настаивал Орлиевский.

Микки взял стакан, одним махом выпил его. Медленно поставил на пол, согнулся пополам и тихонько завыл.

– Я ж тебе говорил. Я сам в первый раз чуть не сдох, – Джерри подошел к Микки, присел перед ним на колени и слегка встряхнул. Микки поднял на него глаза, наполненные такой болью, что у лейтенанта засосало под ложечкой.

– Парень, – проговорил он с трудом. – Надо что-то думать. А думать тут как следует можешь только ты.

Микки молчал. Похоже, пережитое сегодня сломило в нем те остатки воли, которые он и так собирал из последних сил в слабый кулак. Эта страшная, какая-то бесовская гибель отца раздавила Микки. Он не мог заставить себя не то что соображать, а даже держать голову прямо.

– Я не могу, – пробормотал он, качая головой, – я не могу думать.

– Давай по порядку. Просто вспомни, что ты хотел тогда сказать Смиту перед тем, как тот решил лететь за АП?

Микки по-прежнему раскачивал опущенной головой. Лиза вошла в салон и подошла к нему.

– Микки, – сказала она еле слышно. Это был первый раз за весь полет, когда она обратилась к Микки Ямото. Микки опустил голову еще ниже. Тогда Лиза взяла его в лицо в руки и чуть приподняла. Микки смотрел на нее полными слез огромными прозрачными глазами. Бледный, потерянный и прекрасный. Лиз осторожно и бережно, как птенца, прижала к себе его голову, плечо намокло от его слез. Ее рука гладила его затылок. Она не смотрела на Микки, просто слегка покачивала его у себя на руках. Казалось, сердце сейчас разорвется и улетит в густую враждебную пустоту. Он замер, плечи перестали вздрагивать. Джерри и Георгий отошли. Родригес уперся взглядом в пол, Джерри делал вид, что изучает что-то вдали, Георгий пристально смотрел на Лизу из дальнего угла комнаты. Анна единственная никак не реагировала на происходящее. Казалось, вообще все, что происходит на корабле, не имеет к ней ни малейшего отношения.

Лиза продолжала баюкать юношу, что-то напевая ему на ухо. Наконец капитан подошел к ним.

– Микки, – тихо произнес он. – Ты меня слышишь?

– Да, – сдавленно ответил тот. Он отстранился от женщины и вытер лицо руками. Лиз опустила руки, словно признавая все произошедшее галлюцинацией.

Орлиевский кусал губы, пытаясь подобрать слова. Ему очень нужен был мозг Микки. Это была последняя надежда на саму надежду выбраться из этой клоаки мироздания. Командир отдавал себе отчет, что он способен на множество технических и практических решений. Но решить саму задачу, нащупать проблему он не мог. Да и, видимо, никто на корабле, кроме этого убитого горем паренька, не мог предложить никакого объяснения происходящему. Внезапно раздался голос Лиз, от которой никто не ждал участия в разговоре. Орлиевский в недоумении поднял на нее глаза, но та видела только Микки.

– Микки, – мягко проговорила Малкин. – Давай так. Я буду говорить тебе, что надумала, а ты кивай: да или нет. Договорились?

Микки кивнул. Лиза села рядом и попыталась собраться с мыслями.

– Итак. Наша сфера, вышедшая из Корабля Мечты в космос, прошла в непосредственной близости от некоей точки в космосе, которую мы обозначим как планковскую черную дыру.

Она сделала короткую паузу. Микки кивнул. Малкин продолжала:

– Двадцать один год назад «Венера» тоже оказалась на той же точке в пространстве. И искусственно эту планковскую дыру создала.

Микки снова кивнул.

– И несколько лет назад точно на эти же координаты вышла шлюпка корабля АП12.

Микки снова кивнул. Лиза встала и медленно пошла по комнате.

– Но. Про исчезновение транспортника нет ни слова в сети, а про исчезновение шлюпки было заявлено в первые же часы ее пропажи. Это первое «но». А второе «но» в том, что люди на шлюпке уничтожены после встречи с дырой, а мы – все присутствующие – вполне себе живы.

Никто не возражал, все внимательно слушали каждое ее слово.

– Теперь я скажу тебе, что надумала я, а ты поправляй.

Микки поднял на нее лицо. В глазах проглядывалось какое-то подобие интереса к рассказу. Лиз села перед ним на корточки и заговорила прямо ему в лицо:

– Ты тогда сказал, что оба – и «Венера», и сфера, – слишком неподходящие объекты для планковских величин. Шаттл крупный, сфера медленная. А АП12 быстрый и супер легкий. Так вот. Я предполагаю, что он действительно прошел сквозь некий туннель в пространстве, а сфера и корабль...

Она поднялась на ноги. Все взгляды были устремлены на Лиз.

– Сфера и шаттл просто отразились в кротовой норе и существуют теперь как дубликаты тех, что остались в нашей Вселенной, – проговорил Микки надтреснутым, но уверенным голосом.

– Что значит отразились? – еле шевеля губами, спросил Георгий.

Микки повернулся к столу, вокруг которого сидели, глядя на него расширенными глазами, члены экипажа. Даже Родригес утратил вечную невозмутимость, и на его лице теперь тоже читалось явное подобие страха.

– Есть теория, – продолжал Микки Ямото, – что во время прохода по тоннелю пространства – времени время закручивается, сжимается, и объект начинает существовать одновременно в нескольких моментах. То есть как будто расслаивается, приобретает несколько ипостасей одновременно, клонируется пространством. Это как кинопленка, где каждый кадр представляет собой проекцию трехмерного пространства на плоскость. Естественно, никаких доказательств этому нет. Никто сквозь эти кротовые норы на не ездил на такси и фотографий в сеть не выкладывал, – неожиданно зло и колко прокомментировал он свои слова. – Так что ссылок на научные опыты не ждите, все только на уровне домыслов.

Он помолчал, присев за край стола. Все ждали продолжения, но Микки, казалось, не собирался продолжать пояснения.

– Это действительно объясняет, почему Акира ни слова не сказал о погибших или пропавших экспериментаторах, – продолжила за него Лиз. – Он знал, что вы вернулись, они же, как я поняла, потом встречались с этим вашим организатором…

– Магометовым, – тихо подсказал Родригес.

– Да, Магометовым… – кивнула она. – Да и Сфера, как мне представляется, тоже спокойно провисела час в космосе и была возвращена Смитом на корабль.

– А пилот Картер? – сухо проговорил Джерри. – Он, по-вашему, как себя чувствует?

– Не знаю, Джерри. Даже предположить не могу, – Лиза виновато смотрела на Картера. Ей казалось, что она физически ощущает боль Джерри. Она непроизвольно подняла руку, чтобы погладить его по плечу, но движение замерло на полпути.

– Смит только что сказал, что видел тут коз, – добавила она, повернувшись к Орлиевскому. – Да, именно тот шаттл ТАКА, с козами, которые точно вернулись на Землю.

– Они тоже здесь? В этой норе? – свистящим шепотом проговорил Микки.

– Какой «норе»? – внезапно севшим голосом проговорила Малкин.

– Мы не в другой галактике, Мэган, – горько и неожиданно громко ответил Микки. – Мы не могли пройти тоннель. Мы застряли, потерялись в пространстве.

Он помолчал, стараясь не смотреть ни на кого из присутствующих.

– Одна из наших копий, или версий, как вам будет угодно, вывалилась из континуума. Мы теперь там, – Микки поискал слова, – в складках, на изнанке.

Лиза молчала. Ей казалось, что она до сих пор слышит эхо слов Микки, хотя в комнате давно висела абсолютная тишина. Наконец, тихо и медленно, заговорил Георгий Орлиевский.

– То есть выходит следующая картина. В момент приближения к этой точке на карте произошло какое-то расслоение времени, что ли?

– Не времени, пространства. Возникла точная копия вашего корабля. Один из них в нашем привычном космосе продолжал свой запланированный полет, другой, оказавшись под тканью пространства-времени, завис в своего рода черном мешке, складке, где время остановилось. При этом точно сохранив полное соответствие со своим оригиналом. Даже не так. Мы

сами и есть оригиналы, просто проживаем альтернативное развитие событий.

На сей раз молчание длилось невыносимо долго. Даже легкого вздоха не раздавалось над столом. Казалось, полное отсутствие времени в этом космическом кармане наконец проникло и в комнату, и в людей, сидящих в ней. Все замерло и в душах, и в телах. Поэтому голос Картера, разбившего это слияние, казался насмешкой над чем-то величественным.

– А меня эта версия устраивает, – едко сказал пилот. – И я скажу вам почему. Я сразу вам сказал, что тот парень – не я. И шрам, и вообще... Не мог тот я, который просидел в этой дыре чертову тучу своего личного, – он обернулся к Лизе, – внутреннего, подчеркиваю, времени, пойти красить себе бошку прядочками под цвет брэнда. Это другой человек. И еще. Не все так плохо, господа. Я абсолютно точно знаю, что есть путь вернуться обратно.

– Я тоже это знаю, – твердо произнесла Лиза. И затаила дыхание.

– Вот как, значит, – вязко протянул капитан. – Ну выкладывай, леди, – он подошел к ней вплотную и угрожающе уставился промеж ее бровей. – Давно пора рассказать о себе поподробней. Слишком широко мыслишь. Ты кто такая? Кем служишь? В НАСА? Или Моссаде?

– Я делаю кукол. Из органических материалов, – зеленые глаза смотрели снизу вверх.

– Ого, интересно. И как там у тебя с налогами, детка, если есть деньги кататься в Корабле Мечты, делая игрушки?

– Я продала свою жилье, чтобы купить этот полет.

Капитан замолчал. На сей раз Малкин спокойно выдержала его взгляд и продолжила.

– Я не ученый. Но я долго была замужем за выдающимся ученым. Исключительным. Он много пояснял, рассказывал. Он создал… – Лиза вдруг споткнулась, – одним словом, он занимался летательными аппаратами. Астрофизик. Ну и еще… Но я много читала, думала. У меня было время и причины много думать о самых невозможных явлениях. И не требуйте от меня подробностей, они все равно вам никак не помогут, но я абсолютно точно, как и Джерри, знаю, что отсюда есть путь на Землю.

– Я пытался сказать тебе что-то в этом роде, командир, – сказал Картер. – Просто не так эффектно вышло. Не обосновал научно, каюсь. Но подписываюсь под каждым словом дамы: вернуться можно. Вот только кто бы сказал, как именно...

– Один вопрос, – Анна, не обозначавшая своего присутствия во время всего разговора, подняла взгляд на Лиз. Орлиевский и Картер резко повернулись к ней, но Анна по-прежнему смотрела только на Лизу. – Если мы, как вы говорите, отразились по эту сторону тоннеля, то кто мы теперь? Из чего мы состоим? Из той же плоти и крови, или уже из каких-то здешних материй? Возможно ли нам жить там, в той Вселенной, если мы результат какой-то звездной фотосессии? Или мы можем существовать теперь только в этой дыре?.. Среди этих луж, которые плавают в запасном отсеке и которые сожрали парочку из нас. Кстати, что это было, как вы думаете? Есть предположения?

– Есть, – тихо прозвучал из-за самого дальнего угла голос Мэтью Купера. Он давно стоял там, держа за руку Оливию. Они оба внимательно слушали разговор, ничем не выдавая своего присутствия. – Вернее, не то чтобы есть, но просто я размышлял... Как мог, конечно. Если позволите, я просто скажу, как я... – он замялся и замолчал.

– Говорите, мистер Купер, мы вас слушаем внимательно, – подбодрила его Малкин.

– Спасибо, мисс Мерфи. Так вот, я думаю, что если бы мы изменили свою формулу, оно бы нас не поглощало.

– Кто оно? – буркнул Родригес.

– То, что проникло внутрь шаттла. Мне кажется, это что-то чуждое нашей форме жизни. Антиматерия.

– А вы-то кто? – рявкнул капитан. – Космобиолог, вашу мать?

– Нет, что вы, сэр. Я просто... Ну да, я в своем роде биолог. В некотором. Я врач дерматолог. Брал много анализов... Просто я тут подумал... Вы говорите, что точно есть путь обратно, на Землю...

Мэтью густо покраснел и замолчал. Георгий взял себя в руки.

– И что дальше?

– Есть одно соображение...

Мэтью прошел к столу, ища глаза Микки.

– Вы же слышали о ловушке Пеннинга? – быстро проговорил он.

Микки поднял голову и удивленно посмотрел на Мэттью, явно не ожидая такого от Купера. Подумав немного, Микки заговорил, отвечая на общий немой вопрос:

– Ученые утверждают, – начал он, – что реально в мире никаких устойчивых соединений античастиц не существует, но предполагается, что при столкновении вещества и антивещества произойдет их аннигиляция, сопровождаемая выделением высокоэнергетичных фотонов. Антивещество пытались создать искусственно уже очень давно. В две тысячи одиннадцатом ловушка Пеннинга дала исключительные результаты при эксперименте. Искали наличие антигравитации. После этого все опыты проводились в строжайшей секретности и более новых результатов широкой публике не оглашалось. Но были и другие эксперименты именно с фотонами.

– Конечно, коллайдер, – вставил Мэтью.

– И не только коллайдер. Эксперименты по инерционному термоядерному синтезу. Пытались создать тепловые фотоны, обладающие огромной энергией. Проблема была в том, что в природе подобных фотонов не существует. Стоимость эксперимента около двадцати пяти миллионов.

– Я понял, – сказал Орлиевский. Он вскочил и тяжело топая прошел по комнате. Потом остановился прямо перед Микки, нависнув над ним всей своей массой. – Что, по-твоему, представляют из себя эти черные шары?

– Я думаю, это эффект поглощения им воды…

– Кем «им»? – перебил Родригес.

– Антипространством, – словно извиняясь, ответил Ямото. – Оно поглощает из органических соединений воду. То есть не поглощает, а… – поискал слово, – превращает, если можно так сказать.

– Что во что оно превращает? – повысил голос Адэхи.

– Воду в антиводу? – тем же полувопросительным тоном ответил Микки. – Иначе я не могу пояснить, почему оно приняло такую форму после попадания в шлюпку… В любом

случае, это соединение обладает высочайшей энергией, это я могу утверждать.

– То есть если запихнуть эти дерьмовые лужи в бак, – проговорил Родригес, повернувшись в капитану. Оба замерли, уставившись друг на друга.

– О чем вы? – возник между ними Купер.

– О том, что именно за счет биомассы с высочайшим энергетическим потенциалом, помещенной в наш топливный бак, мы и оказались здесь, – не сводя глаз с Родригеса, ответил командир. – Прибор Магометова состоял из двух частей: активатора с Земли и вещества, заключенного в оболочку в нашем баке.

– Мне кажется, эти лужи способны выкинуть нас отсюда ко всем чертям и без активатора, – произнес Микки и твердо посмотрел в глаза командиру шаттла «Венера». – Достаточно будет контакта с горючим. Как бы много не показалось…

Георгий отшатнулся от него и начал очень быстро ходить по какой-то странной рваной траектории. Он молчал. Время от времени останавливался, смотрел пристально на Микки и продолжал хаотичное передвижение. Картер наблюдал за ним, сидя у стола.

– Но вот вопрос, Микки. Предположим, рванем мы отсюда со страшной силой, и куда мы попадем? – спросил он, растягивая слова.

– Прорвав ткань этого мешка, мы можем быть выброшенными на ту же точку во Вселенной, откуда все началось. Вот только вопрос, сохранится ли соотношение пространство-время в этой точке.

– То есть? – переспросил Картер. Орлиевский тоже перестал метаться по комнате и остановился рядом с ним.

– В теории, пространство и антипространство должны составлять единый пространственно-временной континуум, и движение антипространства во времени должно растягивать или сжимать наше пространство в направлении четвертого измерения. В нашем случае все соотношения могли быть искажены. Насколько быстро для нас будет тянуться время в случае возвращения в точку, предсказать невозможно. Мы имеем одинаковые шансы оказаться при предполагаемом прорыве как и в моменте своего возникновения – отражения,

так и в ледниковом периоде, или вовсе в момент рождения Вселенной. Смею только предположить, что вряд ли нас забросит в будущее. Хотя не стоит исключать и такой возможности.

– Так же не стоит и исключать возможности, что нас разорвет в клочья при этом полете, – мрачно добавил Родригес.

Никто не стал ему возражать. Такое действительно вполне было возможно. Но в их положении ставить ряд предварительных опытов возможности не было. Так что обсуждать такой исход было в какой-то мере бессмысленно.

– Ну предположим, все так и есть. В любом случае, других версий у нас нет. Попробуем действовать согласно этой теории.

– Как действовать-то? Что конкретно требуется?

– Полагаю, необходимо, чтобы предполагаемое антивещество вступило в реакцию в двигателе непосредственно в тот момент, когда будет набрана предельная скорость корабля. Тогда на пике скорости... – начал капитан.

– Нет, – прервал Микки, – не корабля. Такая громадина не прорвется сквозь петлю. Это может проделать только шаттл с Корабля Мечты. Ну или шлюпки, если им хватит энергии. И то, гарантий никаких. Шаттл, тянувший сферу, крупнее, чем АП12. Незначительно, но где проходит грань, никому не известно.

– Но подожди, Микки, – возразил Картер, – каким образом мы все туда залезем?

– Никаким, – ответил Орлиевский, – три человека. От силы четыре, если без снаряжения вообще. Кислорода максимум на двенадцать часов. Это что касается наших шаттлов. Так что даже при самом благоприятном течении событий хорошо бы представление иметь, сколько понадобиться кислорода до того, как будет достигнута цель. Если вообще это все не бред собачий, – хлопнул он по столу кулаком.

– Капитан, договорились же большинством голосов считать не бредом. Не баламуть пространство, командир, – криво усмехнулся Джерри. - Давай думать о хорошем.

– Конечно давай. Чего ж не помечтать, – выражение лица командира не предвещало мирной беседы. Джерри замолчал.

– Сколько техники имеем, сэр? – спросил Микки.

– Ваш, Корабля Мечты, и наша шлюпка. Наша рассчитана на три человека, но менее мощная.

– Ясно, – Георгий огляделся. – Сколько нас осталось?

– Вы, Картер, Микки, – Лиз оглянулась, - мистер и миссис Купер, Родригес, Анна. Смит. И я. Девять человек.

– Улетит максимум семь.

– Есть еще тот летающий пылесос с дурной репутацией – сказал Картер.

– Франкенштейн-то? – усмехнулся капитан.

– Да, Франкенштейнчик наш, – кивнул Джерри.

– В отсеке где сфера сейчас эта, с Мечты. Помнишь, Адэхи? – спросил Георгий.

– Я б в нее живым не сел, командир. И Смит очень не рекомендовал… Они на испытаниях одна за другой взрывались. Так что я б не расчитывал.

Повисло молчание, которое прервала Оливия Купер.

– Меня не считайте, – тихо сказала она.

– Почему? – Лиза удивленно посмотрела на нее. Оливия пожала плечами. – Мне нет смысла туда лететь. Мне лучше остаться здесь. Дело в том, – продолжила она, – что эту поездку нам с Мэтью подарили. Нам подарила ее Всемирная Организация Борьбы с Раком.

Оливия вздохнула и, теребя рукав, тихо продолжила:

– У меня рак мозга, достаточно давно. Причем опухоль в таком месте, которое не достижимо для хирургов. Неоперабельно. То есть, конечно, операбельно, и мне предлагали... Мне предлагали замену части доли, биоимплант. И все могло бы быть хорошо, но эта область мозга отвечает за память и особенности личности... – она бросила беспомощный взгляд на Мэтью. Тот обнял ее за плечи и прижал к себе. – Мне показалось странно рисковать собственной личностью... В нашем возрасте личность новую отращивать уже не хотелось бы, – слабо улыбнулась она. – Какой смысл жить, если не помнишь, кто ты, кто этот человек рядом с тобой. Они не говорили конкретно, чего ждать, а опухоль сама была уже достаточно большая, так что имплантат мог вытеснить многое, слишком многое из того,

чем я по сути дела являюсь. Вот такие дела, – закончила она грустно.

– В таких случаях, когда они не могут помочь или гарантировать успех, организация старается максимально поддержать пациентов. Вот, преподнесли такой подарок, – закончил за нее Мэтью. – Мы с Ливи всегда мечтали полететь на Луну. И вот, слетали.

– Так что в моем случае это идеальное место. Идеальное место для долгой жизни.

– И что, – проговорил Картер, – вы тут хотите остаться навечно? Вот в этой комнате? Запертые и отделенные от всего человечества?

– Я буду с Мэтью.

Мэтью Купер кивнул, соглашаясь и еще крепче придвинул к себе жену.

– Здесь миллион книг, сведений. Если вы позволите нам воспользоваться вашей системой Мечты, Джерри, то в нашем распоряжении весь мир. Ну и мы сами. Мы есть друг у друга. Будем считать, что это наш с Мэтом необитаемый остров.

– Мэтью, – обратился к нему Родригес, – и ты согласишься остаться?

– Я уже согласился. Мы говорили об этом. Отличное местечко, – Мэтью кивал головой, подтверждая собственные слова.

– Если я когда-нибудь выберусь отсюда, то мне будет, что вспомнить, – пробормотал Орлиевский. Он оглядел всех присутствующих. – Ну что, господа астронавты, какие планы?

– Надо понять, что делать чисто технически, – сказал Родригес.

– Чисто технически надо наловить какое-то количество этого... – Микки поискал слово.

– Дерьма, – помог ему Родригес.

– Да, спасибо, – испуганно кивнул Микки. – И кинуть его в бак через некоторое время после взлета.

– После взлета? – ошеломлённо переспросил Картер. – А почему нельзя сразу, здесь?

– Нужен катализатор реакции, а не протонный взрыв при отрыве.

– Я понял. Только это будет интересное развлечение, закладывать эту субстанцию на ходу, – Джерри живо представил себе эту задачу, и его слегка замутило.

– Но ведь доступ из кабины есть к топливу? – виновато спросил Ямото.

– Есть, деточка, есть, – огрызнулся Картер. – Только ты себе представляешь ощущения во время разгона на шаттле? И топливо у тебя в руках не такое уж безобидное, уж лучше бы просто серная кислота или пузырь с цианидом. И то шансов больше.

– Сколько его надо-то вообще, – спросил Родригес.

– Не знаю, – покачал головой Микки. – Но не думаю, что надо много. Черт! Понятия не имею, сколько надо!

Микки был снова на краю истерики, но Родригес спокойно похлопал его по плечу:

– Не нервничай, парень. Будем класть частями. Улетим. Так или иначе.

– Не стоит так торопиться, – вдруг раздался тихий голос Лизы. – Надо все продумать тысячу раз. В конце концов, времени у нас тут предостаточно. Ринуться немедленно вниз головой ставить на себе опыты было бы просто смешно.

– С одной стороны, ты абсолютно права, – задумчиво ответил ей капитан. – А с другой, я не очень понимаю, что мы можем в этой ситуации продумать.

– Многое, капитан. Полно деталей. Как вы будете собирать эту… антиводу?

– Я сделаю, – проговорил за ее спиной Родригес. Лиз резко обернулась и замерла в неудобной позе, глядя на индейца с сомнением.

– И как? Голыми руками?

– Одетыми, не беспокойтесь. Но я приготовлю сразу на оба вылета.

– Все равно, – Лиза упрямо сморщила нос. – Вопросов миллион. Кто с кем летит, как докладывать эту адскую смесь в бак на лету, какая нужна экипировка… И потом – Смит! Он же вообще пока еле жив. Надо дать ему прийти в себя хоть немного.

– И как это «немного» посчитаем? – насмешливо спросила Анна. – Днями? Часами?

– Очень торопитесь? – Лиза мрачно посмотрела на нее. Не было между ними симпатии, и даже чрезвычайные обстоятельства не смогли сблизить этих женщин. – Не знаю, сколько нужно часов или дней, но, пока он не сможет стоять на ногах, никуда лететь не выйдет. Вы же медик, а не я.

– Да, именно, я медик, а не вы. И я знаю, что он в состоянии сесть в шаттл уже сейчас. Не вижу смысла ждать.

Анна и Лиза смотрели друг на друга с таким выражением, что всем мужчинам стало жутковато.

– Хорошо-хорошо, – замахал руками капитан. – Давайте так. Сейчас расходимся и пытаемся отдохнуть. Потом все расписываем, каждый шаг. У нас действительно достаточно времени, здесь спорить трудно.

Он улыбнулся Лизе одними глазами и выразительно моргнул. Ей стало немного спокойнее, но сердце все равно выбивало нехорошую дробь, заставляя ее сжиматься и холодеть изнутри.

Орлиевский повернулся в остальным сидящим за столом и произнес почти официально:

– Господа. Надо отдохнуть. Планы у нас на ближайшее время серьезные, объявляю перерыв.

Путешественники потянулись из кают-компании, прячась один за одним в крохотных индивидуальных отсеках. Орлиевский еще посидел некоторое время в прежней позе, изучая застывшие на мониторе снимки, тяжело поднялся и тоже покинул салон. Всем нужен был отдых.

2034

1

Картер еще раз оглядел крохотную каюту, отведенную ему на время полета для личных нужд. Надобности в ней за эти несколько часов не возникло, да и не могло возникнуть, но бросить туда рюкзак с личной мелочевкой Картер успел, и теперь, по вросшей в мозг привычке, проверял помещение на предмет забытого и утраченного. Обшарив для порядка взглядом все три квадратных метра, Джерри неожиданно для самого себя тяжело опустился на капсулу и замер. Сил не было. Прожитые сутки вывернули его наизнанку, и дело было не в смертельной опасности и физической нагрузке. Честно говоря, это были далеко не первые изматывающие сутки в жизни лейтенанта. Тогда, в двадцать восьмом, было не меньше ни опасности, ни усталости. И далеко не один раз. Джерри частенько и в мирное время в поиске развлечений оказывался в весьма неоднозначных ситуациях, мало полезных для здоровья. Но в девяноста процентах случаев рядом был старина Билли, способный либо советом, либо шуткой, либо крепким ударом по морде подставить Картеру плечо. На этот раз Билла не было. Он сразу посоветовал не соваться в подобный проект, чем смутно напомнил предостережения деда, и отчалил на пару месяцев развозить грузы. «Работа скучная и не задорная, но зато конкретно в нашей галактике и с конкретными ясными перспективами». И, по большому счету, оказался прав. Джерри дорого бы дал, чтобы отмотать цепь событий к моменту этого их разговора с Биллом и улететь с ним на одном шаттле торговать семечками, как он это называл.

Но теперь он сидел на койке и не находил сил подхватить рюкзак и покинуть этот злосчастный, полный нервов, страха и разочарований шаттл. Просто пойти на выход, не завернув к Анне, не сказав ни слова. Или наоборот. Пойти к ней и сказать хоть что-то. Какой-то нерв в голове бился бесконечным надрывом, не давая принять никакого решения. Джерри слышал, как щелкают секунды, как тихо шипят его легкие при каждом вздохе, как глухо пульсирует кожа на запястье. Все это слилось в некую музыку, убаюкивающую его, приковывающую к месту.

Рывком гладиатора, скидывающего с себя труп побежденного соперника, Картер поднялся на ноги и пошел к выходному лифту. Быстро миновал салон и, стараясь смотреть прямо

перед собой, чтобы не заметить никого лишнего, направился к выходу.

– Картер?

Джерри обернулся. Родригес, огромный, темный, мрачный, как северная скала, смотрел на него с неизменным спокойствием и без всякого намека на улыбку.

– Уходишь?

– Да, Адэхи. Я прямо из Токио полечу.

– Здесь полно рейсов. Через полчаса будешь дома.

– Да я наверное прогуляюсь, – усмехнулся Картер. – Честно говоря, есть желание напиться. Ярко выраженное.

– Тут есть одно приятное местечко, прямо в деловой зоне. Три минуты на такси. До шаттлов можно потом пройтись. Токио вообще приятный городок, – с намеком на улыбку, добавил Родригес.

– Воспользуюсь, – в тон ему ответил Картер. Они помолчали, глядя друг на друга, затем Родригес медленно протянул руку. Джерри пожал ее, и оба так и застыли, держа руки друг друга.

– Спасибо, лейтенант, – выговорил Родригес.

– Тебе спасибо, Адэхи. Капитану тоже передавай.

– Не пойдешь прощаться?

– Да мы уже попрощались. Все в порядке. Ты не хочешь прогуляться со мной? – с улыбкой предложил Джерри.

– Нет, я спать. Это единственное, чего я хочу. Устал.

Родригес развернулся и неожиданно легко для такой громадины пошел к своей такой же крошечной как у Картера кающе.

Оказавшись на улице, Картер судорожно втянул в себя воздух, вымывая все накопленное за последние часы из тела. После замкнутого пространства шаттла далекий вечерний Токио казался бесконечным шатром, сотканным из огоньков и прозрачных контуров. Воздушное такси доставило Картера в центр за обещанные Родригесом минуты. Жизнь вокруг кипела. Джерри даже замер с непривычки. Он давно уже не был в скоплении людей. Несмотря на ночное время, все сверкало, гудело, переливалось. Такси летали на всех уровнях, точно

вылетели из кадра старинного Пятого элемента прямо в лицо Картеру. Отличие было лишь в том, что никакого Корбена Далласа за штурвалом не было, такси справлялись самостоятельно с собственным управлением. Баров и прочих заведений было такое количество, что искать именно рекомендованное Адэхи смысла не было. Картер зашел в первую попавшуюся дверь и уселся за деревянный грязноватый стол, украшенный унылым аппаратом самообслуживания. Скользнув пальцем по сенсору, Картер сделал заказ и застыл точно в той же позе, что и в кающе. Выпить хотелось неимоверно, до дрожи. Бокал с тройным коктейлем мартини оказался перед ним через пару минут, и уже через следующую пару минут был пуст. Стало немного легче, перестало трясти, и мысли начали выстраиваться в шеренги, расформировываясь на роты из бесформенной толпы новобранцев. Второй коктейль убывал уже несколько медленней, но тем не менее заметно стремился к нулю.

«Итак. Ты ушел. Это поступок. Это – поступок». Эту мысль он подумал несколько раз, подумал левым полушарием, с каждым разом все более раздельно и выразительно. «А в чем, собственно, поступок? А вот в чем. Чужая женщина. Женщина человека, рисковавшего собой ради тебя. Ты не кот подъездный. Ты человек. Ты ушел. Ты, Картер, молодец». «Да что ты, солнце мое!», – ответило ему правое полушарие. «Это все замечательно звучит, только скажи-ка мне, старина Джерри, сколько таких чужих жен ты познал, и скольких еще стремился познать, не вникая вообще, кто их мужья, и как они к тебе относятся».

В голове наступила тишина. Лейтенант прекрасно осознавал, что он знает причину своего побега с шаттла. Но он очень не хотел, чтобы любая часть его мозга ли, тела ли, души ли вдруг озвучила ему эту причину. В его жизни уже были отношения, от которых зависела его жизнь. Не в смысле возможного убийства соперником. Он помнил, как вкус и запах любого прожитого им дня напрямую зависели от присутствия другого существа рядом с ним. Или от отсутствия. Каково это, когда невозможно пошевелить ни одной мышцей, как после сильнейшего психотропного препарата, или наоборот, прыгать, как пудель после случки, переполняемый песней ветра и вкусом цветочного нектара. Не то что не хозяин сам себе, просто презренный холоп. А еще это существо может исчезнуть. В

любой момент, неожиданно и навсегда. И ты умрешь. Просто тебя не будет в природе несколько лет, а потом ты появишься. Новый, другого цвета и запаха, но отлично помнящий прошлую жизнь.

Когда-то Картер, сумев подвести черту под долгими месяцами подобной жизни, сделал все выводы по этому вопросу и чуял особей женского пола с подобным потенциалом за много километров. И исчезал с их траектории быстро и умело. А тут вот не обошел. Наткнулся в буквальном смысле на голое тело в темноте пляжа и оказался лишен брони и силы. И бежал. Бежал уже второй раз, позорно, трусливо, прикрывшись благородством и не сказав даже «всего тебе хорошего». Только на этот раз они играли на равных. И теперь он оставил кого-то задыхаться, не найдя ни одного теплого междометия или взгляда. «Это – поступок!», – снова подумало левое полушарие, но уже каким-то иным тоном. Без прежней комплиментарности. «Молодец. Мужик. Свинья». Третий мартини подошел к концу. Мысли опять роились вне воинских построений, но и сбивались в кучу, так что смысл каждой доходил до хозяина. Картер посидел было, задумчиво глядя в пустой стакан, рассчитанный на большое пиво, а не на крепкий алкоголь, потом быстро расплатился с аппаратом и так же стремительно вышел на улицу. Первое же такси понесло его обратно к частному космодрому Тамика.

2

Орлиевский видел, как Картер покинул «Венеру». Они уже успели сухо попрощаться, останавливать лейтенанта повода не было. Родригес сразу сообщил, что он идет спать. Перегнать шаттл обратно в Крым было решено на следующий день, даже двадцатиминутный полет после всего произошедшего за последние часы казался неподъемным мероприятием. Так что Орлиевский тоже направился в свою капитанскую каюту, намереваясь отдохнуть и немного прийти в себя. Анна наверняка уже спала, в их ли общей каюте или отдельно в медблоке, Георгий не знал, но и особого значения это сейчас не имело. Главное, что она здесь, на шаттле. Он рассчитывал, что за время снятия дополнительного оборудования с «Венеры» в Крыму они успеют так или иначе договориться, примириться, составить новый план совместного существования. Во всяком случае, капитан очень на это надеялся.

Завернув в спальный отсек, он нос к носу столкнулся с Анной. Она была полностью одета, с рюкзаком, и, судя по всему, собиралась покинуть шаттл. От неожиданности капитан глупо хмыкнул и застыл, глядя на нее вопрошающим взглядом, который вкупе с глуповатой усмешкой выглядел жалко.

– Ты куда? – выдавил он наконец.

– Туда, – она мотнула головой в сторону лифта. – Пойду я.

– С рюкзаком? – все еще не понимая ее намерений, спросил Орлиевский.

– Ну да. Грэг… – помолчав, сухо проговорила она. – Я полечу.

– Куда?

– Я в порт и домой.

– Во Францию?

– В Барселону, Грэг. Совсем домой. Я устала, я хочу побыть дома.

– Что тебе делать в Барселоне? Откуда у тебя там дом?

Пальцы Орлиевского впились в металлическую опорную стойку. До него постепенно начала доходить суть разговора. Все его размышления, похоже, были слишком оптимистичны. А принять реальность он оказался совершенно не готов.

– В Барселоне много чего. Море, фонтаны, друзья. Свобода.

– Здесь тоже полная свобода, Аня. Если ты хочешь что-то изменить…

– Да, хочу изменить. Я все хочу изменить. Пропусти?

Она попыталась пройти мимо него, но проход был настолько узкий, что застывший в изумлении Орлиевский превратился в буквальном смысле непреодолимое препятствие на ее пути. Ткнувшись в его твердое плечо, Анна в едва сдерживаемом раздражении прикусила губу. Глаза ее стали откровенно злыми.

– Послушай меня, Орлиевский. Ты сейчас уберешь свое тело с прохода и оставишь меня в покое. Все. Наш брак завершен. Ты впитал информацию?

– Я-то? – он аж захлебнулся от ее тона. Почувствовал, что тоже начинает звереть, что весь этот неожиданный разговор выходит из-под контроля. – Это ты сейчас впитывай, что я

говорю. Ты здесь не на экскурсии. Тебе деньги за это платили. Пока не вернем оборудование…

– Я свои деньги отработала! – Анна уже почти кричала. – Я свои деньги отработала миллион раз за эти годы с тобой! Годы вони и запаха раскаленного металла. Пустоты и этого твоего командного голоса. Я все отработала! Каждой своей клеткой!

Она резко толкнула его, пытаясь выбраться, но Орлиевский пихнул ее назад с той же силой. Анна, не ожидая такого поворота, на несколько секунд замолчала, лишь прожигая в муже дыру непрозрачным темным взглядом.

– Ты останешься здесь, мы сдадим все с «Венеры» Тамерлану. Потом сядем как нормальные люди и все обсудим. Все, я сказал.

– Пошел ты, – прошипела она. – Я с тобой больше никуда не сяду. Я тебя видеть не хочу, меня мутит при твоем виде.

– А при чьем виде тебя не мутит? – капитан чувствовал истерические нотки в собственном голосе, но сделать уже ничего мог. – Картера?

– Да! Картера! Так лучше!?

– Заткнись, – прошипел Георгий. Анна же, почувствовав какой-то новый прилив ненависти, придвинула свое лицо прямо к глазам мужа и начала говорить свистящим шепотом, странно протягивая каждую согласную:

– Да, Картера! Хочу его! Представляешь? Тебя не хочу. А его хочу.

Орлиевский схватил ее за плечи, пытаясь отодвинуть от себя, но Анна отталкивала его странными змеиными движениями, извиваясь всем телом, словно хотела свернуться кольцами. При этом она все время продолжала говорить все с тем же змеиным присвистом, шипя каждое слово прямо в щеку мужа.

– Меня трясет от тебя, Грэг. Мне от тебя воняет, понял?

– Понял, – Орлиевский заговорил тем же желудочным свистом. – Только ему на тебя… Где он, твой Картер? Свалил тихо. Побежишь следом? Попросишь трахнуть?

– Просить не надо, уже все сделано.

– Врешь.

Все поплыло перед глазами, кто-то больно ущипнул за желудок. Рука Георгия сильно сдавила ключицу жены. Но Анна не замолкала, она говорила все громче, быстрее и яростней.

– Все сделано. И это было прекрасно, – с садистской улыбкой заглядывая ему в глаза, шипела она. – И будет сделано еще миллион раз. Не наяву, так в моей голове. Понял? Всю жизнь мою растоптал, но в голову ко мне не залезешь, там своя жизнь, и свой секс. Убери свои мерзкие руки!

Он изо всех сил держал ее за голову двумя руками, сжимал, словно пытаясь раздавить ее или выдавить этот жуткий звук вместе с ядовитым смыслом, но рот жены продолжал двигаться, высыпая на него бесконечный сель ненависти. Даже когда она замолчала, он все продолжал сжимать ее череп, а она уже просто хрипло хихикала без слов, только в глазах горели две холодные звезды.

– Импотент. Трус. Даже ударить не можешь. Пусти, скотина! – выкрикнула она визгливо и попыталась резким движением освободиться от его рук. Орлиевский, стараясь пресечь это движение, выкрутил ее шею и изо всех сил толкнул. Раздался глухой гул металлической опоры, в которую вмазался затылок Анны, и женщина тихо сползла по нему спиной на пол к ногам мужа.

Орлиевский стоял над ней и смотрел вниз. По положению головы Анны было очевидно, что шея сломана. Глаза ее были открыты, смотрели куда-то вниз налево. Еще пару секунд тело держалось в сидячем положении, потом сползло на левый бок, полностью перекрыв узкий коридорчик. Георгий все так же смотрел на жену, не пытаясь ни поднять ее, ни сдвинуться с места самому. Мыслей не было, но в голове стало тихо, и это уже само по себе было блаженством.

«Ну вот и все. Само как-то все решилось», – подумал он и медленно присел рядом с Анной на пол.

0000

1

Ей надо было принять решение, а у нее не было на это сил. Застывшее время, густотой от нервного напряжения воздух и близость человека, ради которого она выбросила свою жизнь в этот черный мешок, лишали ее способности соображать. Лиза пыталась понять, имеет ли смысл рассказать капитану во всех подробностях, что именно привело ее на Корабль Мечты, или сам ход событий и без ее откровений подскажет Орлиевскому как завершить этот беспрецедентный эксперимент.

Рассказать очень хотелось. Она сама не могла понять, почему ей так хочется поделиться с этим мрачным сероглазым человеком всем, что мучило ее почти тридцать лет. Она чувствовала, что он свой, из ее карраса. И говорят они на одном языке не только буквально. Ей все время казалось, что она его где-то раньше видела, и даже фамилия его казалась ей знакомой. Каждый раз, оказываясь с ним в одном помещении, они тайком разглядывала его лицо. «Надо попробовать представить его улыбающимся», - подумала Лиза, представила и рывком села на кровати.

Орлиевский был у себя в капитанской каюте и, казалось, не заметил ее появления. Сидел на старом обшарпанном стуле, сложив руки на груди, и смотрел куда-то в пол. Бесконечно усталый безрадостный человек.

-Я вас узнала, - вдруг проговорила она.

-Да что вы, - ответил он, по-прежнему глядя в пол, - и кто же я?

-Вы пилот Орлиевский.

Георгий поднял на нее глаза.

-Вы как себя чувствуете, Мэг?

-Я не Мэг, - грустно сообщила она и пересела поближе к капитану. – На самом деле меня зовут Лиза. Лиза Малкин. Я стала Мэг только для Корабля Мечты.

-Лиза Малкин…Почему?

Орлиевский откинулся на спинку стула, на его лице наконец проступил интерес.

-Так нужно было, немного камуфляжа. Кое-кто не хотел, чтоб я здесь оказалась.

-И кто же?

«Билл Смит», - хотела сказать Малкин, но осеклась. Что она может рассказать Орлиевскому? Что Билл пришел к ней в двадцать третий год? А сам Георгий? Что сталось с ним самим, с его Анной? А вдруг про Анну все-таки знает Картер? Лиза не знает, что тот может поведать. Выдержит ли это капитан, который сидит и часами смотрит в пол собственной крошечной каюты? Нет, она, Лиз, не станет тем гонцом, которого хочется убить. Ей было так жалко этого любящего и страдающего человека, что она готова была на все, чтоб хоть раз увидеть улыбку на его лице.

-Я вас узнала, - повторила она. – Вы тот самый пилот Орлиевский, который первым совершил перелет на корабле нового типа. Где-то в Египте, по-моему. Мне было двадцать пять и я была почти что в вас влюблена.

-А сейчас вам сколько?

-Сорок пять.

Орлиевский смотрел на нее задумчиво, пытаясь пристроить эту сорокапятилетнюю женщину к двадцать восьмому году, который в его жизни состоялся всего шесть лет назад.

-Почему почти что? – выдавил он.

-Наверное, потому что к тому моменту уже прочно увязла в любви, из-за которой я собственно здесь и очутилась… - Она присела на край его капсулы. - Думала, я на грани сумасшествия, а оказалась на грани миров.

Лиз пыталась острить, но слезы булькали где-то в горле, мешая выговаривать слова.

-У меня тоже прогноз по ментальному здоровью неутешительный. Вот пророчат инвалидность, - попытался он ответить в тон Лиз, но вышло жалко.

-Так это же не у вас, как выясняется, прогнозы, у другого Георгия Орлиевского. Не расстраивайтесь, у него и жизнь совсем другая. У нас с вами все будет отлично. Немного сумасшествия только придаст шарма.

Они посмотрели друг на друга и внезапно рассмеялись, хотя, казалось бы, реальный повод для потери разума буквально парил межу ними.

-А у меня пожизненное ментальное расстройство. Вы знаете, у меня за всю жизнь был один единственный мужчина, - вдруг выпалила Лиз, в упор глядя на капитана. – Вы представляете?

Георгий кивнул. Нет, Анна не была первой и единственной в его жизни, но он прекрасно представлял, что так могло бы быть, встреться она ему раньше. Вообще, все, что было с ним до нее, даже тот первый полет на экспериментальном трехногом малютке-корабле, который они с Тамерланом запустили под Хургадой, сегодня ушло в небытие, стало неважным и пустым. Существовало только одно: Анна. И эта милая золотистая Мэг…Вернее, Лиза, с ее любовью до смерти во всех смыслах слова, такая понятная, милая и забавная, вовсе не казалась ему странной или старомодной. Вот полюбила бы она его, примчалась бы на космодром за автографом, и вся жизнь пошла бы другой дорогой. Дорогой, идущей мимо черной дыры и ментальных расстройств.

-Так кто же этот счастливчик? Он что, среди нас? – наконец спросил Георгий.

-Я не назвала бы его счастливчиком, капитан. – Она встала, сделала шаг к двери и замерла на пороге, привалившись плечом к стене. - Он тоже прожил не свою жизнь…Я много лет пыталась понять, почему мы вместе, но даже сейчас, получив почти все разгадки, я не могу сложить этот паззл. Мы с разных звезд, наши орбиты не могли пересечься. И в одном я теперь уверена точно: он никогда меня не любил. Это невозможно.

-Вас невозможно совсем не любить, Лиз.

Орлиевский встал к ней и заглянул в лицо, для чего ему пришлось заметно наклониться. Лицо было бледное, заплаканное, глаза смотрели так несчастно, что капитан приобнял ее как ребенка и прижал к себе.

-Ну как вас можно не любить? Конечно, он вас любит. Не плачьте, мы обязательно вернемся.

-Скажите, Гоша, зачем мы все тут очутились? Есть же в этом какой-то смысл?

-Я не знаю, Лиза…

-Я хочу лететь с вами, с вами не так страшно.

Он снова заглянул ей в глаза и вытер слезу со щеки.

-Отправим Картера и Билла, и полетим.

-Прекрасный план, - раздался совсем рядом голос Анны. Георгий дернулся и отпрянул от Малкин. Анна смотрела насмешливо.

-Я рада, что ты нашел утешение, Грэг.

-Не несите чушь, - с неожиданной злобой рявкнула Лиза. На ее лице выступили ярко-красные пятна. Орлиевский мог так и оставаться солнечным героев-великаном, если б не эта женщина.

-Это я несу чушь? – подняла Анна бровь. –Однако…

Георгий стоял не шелохнувшись. Лиза же, как кошка, наступала на Анну. Казалось, она сейчас вцепиться той в волосы.

-Мэган, сделайте одолжение, остыньте. Я буду очень рада, если у вас с Грэгом все сложится, - усмехнулась Анна.

Лиза зашипела, потом беспомощно обернулась к Орлиевскому, тот мягко взял ее за плечи.

-Идите, Мэган, - он закрыл собой Лиз, подталкивая ее к выходу. - Не стоит тратить на Анну нервы. Она их есть на обед. Мы обязательно договорим.

Лиза, все еще неуверенно оглядываясь, пошла по коридору. Орлиевский же тяжело опустился в низкое кресло у иллюминатора.

2

-Эта твоя Мэган задала один дельный вопрос, Грэг.

Анна села за стол и смотрела на него снизу вверх.

– Какой?

– Какими составами летим.

Капитан застыл, широко расставив ноги и глядя на нее в упор.

– Я ожидал этого вопроса, моя Венера.

– Тем более, и у тебя есть готовый ответ?

– Есть.

Они сверлили друг друга глазами. Джерри Картер, появившийся вслед за Анной, молча стоял у двери. Он понял, что сейчас произойдет. Внутри все скрипело от противоречий.

Когда-то давно, когда ему было лет шестнадцать, они поехали в лес. Джон любил прогулки в лесу на самом рассвете, часов в пять утра. Когда все звуки призрачны, воздух прозрачен и странно мерцает перед глазами, кажется, что его видно какими-то мелкими частичками. «Струны, – думал тогда Картер, – мир из мельчайших струн». Старик Джон шел впереди Джерри. Он ничего не собирал, не рассматривал. Просто глубоко дышал. Даже глаза были как будто прикрыты.

– Прекрасно, – выговорил он. – Так прекрасно, даже не знаю с чем сравнить.

Помолчал немного и продолжил:

– Хотя нет. Знаю. Как самая прекрасная в мире женщина.

Обернулся к Джерри и тихо сказал:

– Ты когда встретишь самую прекрасную женщину в мире, ты ее не отпускай, сынок. Никуда.

Маленькому Картеру тогда эта внезапная откровенность показалось странной и не к месту. А сейчас все встало на свои места.

Теперь он стоял перед этой женщиной. И он знал, что нельзя ее отпустить, что не простит себе этого никогда. Только омерзение от собственной подлости было настолько липким, что Джерри никак не мог себя заставить поднять на командира глаза.

– Все очевидно и просто, – проговорил Георгий. – Мы с тобой военные люди, лейтенант, не правда ли?

– Да, – выдавил Картер.

– И мы несем ответственность за гражданских. При этом мы понятия не имеем, как поведет себя шаттл, сможем ли мы вылететь за пределы этого пространства и не взорвемся ли при взлете. Поэтому первый шаттл должен быть испытателем. И вести его должен опытный пилот. Ты, Картер. Возьмешь нашу шлюпку.

– Согласен, командир.

– С тобой полетят Родригес и Смит. А второй шаттл, с Мечты, воодушевленный успехом первого, как я надеюсь, уже перенесет остальных. Как говорится, женщин и детей. Микки, Мэг и Анну. И поведу его я. Уместимся, полагаю.

Картер молчал. Анна закинула ногу на ногу, откинулась на спинку и усмехнулась.

– Все будет немного не так, Грэг. Я согласна с тем, что ты хочешь сделать первый полет экспериментальным. И совершить его должен опытный пилот, Картер. Я согласна, что Смит должен лететь с ним. Просто потому, что должен и все. Но Родригес понадобится тебе тут. Насколько я понимаю, назначать друг другу свидания при полете в разных шаттлах вам уже не придется.

– Очень трогательная забота о моей дружбе с Родригесом, дорогая. И кого же ты предлагаешь оставить вместо него?

– Меня, – просто ответила женщина, спокойно глядя на мужа. – Я полечу с Картером.

– Нет, – Георгий даже еле заметно улыбнулся. – Ты не полетишь с Картером. Никогда.

– Грэг, давай не устраивать драм, – брезгливость мелькнула на ее лице, но в тот же миг оно снова стало абсолютно спокойным.

– Никаких драм. Поясняю.

Орлиевский тоже сел за стол.

– Присаживайся, лейтенант, поговорим по-семейному.

Джерри медленно сел поодаль от обоих. Он смотрел в свои сжатые кулаки, не поднимая взгляда.

– Так вот, – продолжал Орлиевский, обращаясь к Анне. – Рассказываю. Ты не полетишь без меня. Я знаю, что ты чувствуешь, но мне плевать. И я тебя не отпускаю.

Он помолчал. Анна тоже ждала продолжения.

– У нас на борту есть люди, которые зависят от нас. И я осуществлю полет с ними, только видя, что лейтенанта уже и след простыл, а ты сидишь пристегнутая позади меня. Иначе они останутся здесь. Все, включая этого умненького мальчика. Искренне жаль такой генофонд.

– Капитан, – Картер поднял глаза. – Я не улечу без нее.

– Ок, – ответил Георгий. – Не летишь ты – не летит никто. Живем все здесь, небольшой, но дружной семьей. Можете даже попробовать сбежать вдвоем. Только вспоминайте там нас иногда, на Голубой планете, если долетите, конечно. У меня в этом уверенности нет никакой. Единственный человек, ради которого я готов раствориться под этой черной дрянью или взорваться в шаттле, это ты, Венера.

– Грэг, ты бредишь? – надменно спросила Анна.

– Нет. Я просто стараюсь разговаривать цивилизованно. – Улыбка ушла с лица командира. Он заговорил коротко и жестко:

– Значит, так. Смит ранен, вести не может. Картер может, конечно, попробовать меня убить, но в этом ему помешает Адэхи. С тех пор, как я продал «Анну», чтобы купить ему новую поджелудочную, он очень нежно относится к нашей дружбе и с удовольствием проломит голову любому, кто меня обидит. Это ясно? Так вот, Картер. Летишь со Смитом и Родригесом. Он отличный пилот и проследит, чтобы безо всяких глупостей на взлете. А я, помахав тебе платком, благополучно взлетаю

следом. Иначе все живем здесь с Куперами. Все. Вопрос исчерпан.

– Командир...

– Исполняй свой долг, лейтенант. У меня нет к тебе претензий. Ты боролся, я видел. – Орлиевский направился к выходу.

– Я не полечу без нее, – крикнул ему вслед тоже поднявшийся на ноги Джерри.

Командир Орлиевский подошел к нему вплотную. Они стояли лицом к лицу, глядя друг другу в глаза.

– Полетишь. Я не буду устраивать дуэлей. Я тебе все сказал. И, как говорится, да пребудет с нами сила!

Орлиевский неожиданно громко рассмеялся и, также внезапно замолчав, вышел из салона.

3

Смит пытался натянуть комбинезон. Вновь обретя возможность стоять на ногах, он старался никого к себе не подпускать. И Анна, и рыжая Мэган почти постоянно находились рядом с ним, отчего Билли уже сильно устал и стремился отделаться от их присутствия всеми правдами и неправдами. Ему трудно было понять, давно ли произошел весь этот кошмар со смертью Акиры и Ли Чи, но чувствовал он себя намного лучше и, как и Анна, был готов рискнуть многим, лишь бы убраться отсюда. Лиза-Мэган рассказала ему про выводы Микки и про планы Орлиевского, и у Смита появилась мотивация прийти в норму как можно быстрее.

О том, что вылет, наконец, состоится в ближайшие часы, ему сообщил сам Орлиевский. Капитан выглядел плохо. Бледный, небритый, глаза нездоровые, с голодным блеском. Но говорил Орлиевский спокойно, инструкции дал ясные и четкие, приказал начинать подготовку.

Смиту удалось справиться с брюками, и теперь он мучительно пытался засунуть левую руку в рукав. Без помощи правой это оказалось весьма сложно. Наконец он устало присел на край спальной капсулы. Правое плечо горело огнем, перед глазами вертелись лиловые круги, а во рту была песчаная сухость. Он прикрыл глаза и сосчитал до десяти. Затем снова начал бороться с рукавами.

– Давай помогу, – раздался голос Анны. Она стояла, прислонившись к краю отсека.

Смит помотал головой:

– Не, справлюсь. Просто надо приноровиться.

Анна, не став больше спрашивать разрешения, придержала верх комбинезона, и Смит засунул руку в рукав. Анна молча застегнула молнию.

– Так. Справилась-таки со мной, – усмехнулся Смит. – Ладно, все равно еще ботинки, – и он без сил откинулся к стенке.

– Как ты вообще, Билли? – спросила Анна неожиданно настолько мягким тоном, что Смит снова удивленно открыл глаза.

– Да ничего. Почти порядок. Набираю форму. Вернее, забираюсь в форму. Эй, ты что, Анна?

Слезы катились по ее лицу. Анна смотрела на него огромными бархатными глазами и беззвучно рыдала. Смит застыл. Слезы Мэган были понятны и естественны. Анна же казалась ему воплощением властной величавости, его сознание отказывалось принять ее плачущей и слабой. Он осторожно коснулся кончиков ее пальцев, до сих пор не веря, что она может нуждаться в утешении. Почувствовав его прикосновение, Анна упала ему на колени и разрыдалась уже совершенно безудержно. Он пытался успокоить ее содрогающиеся плечи, и шептал что-то невнятное, пока она не затихла, так и оставшись лежать на его коленке.

– Анна, – тихонько позвал Смит, подождав несколько минут. – Это из-за Джерри?

Она кивнула, толкнув лбом его колено. Смит подышал сочувственно. Чего-то подобного он и ждал.

– Я подозревал, что так оно и есть, – пробормотал он. – Он еще тогда говорил...

– Когда? – перебила его Анна.

– Тогда, давно, – дернул плечом Смит. – Я же помню, когда он у вас появился… Хотел приключений, устал от ТАКА. Мы с ним говорили перед этим экспериментом вашим. Он уже тогда какой-то тухлый был. Я еще поржал: ты же искал проблемы, пилот Картер, почему ты им не рад, чего маешься? А он заунывно так: не те это, Билли, проблемы, личные... Мне еще любопытно стало. Чужие личные проблемы – что может быть интереснее? Своих у меня тогда уже не было: я только развелся, – усмехнулся он. – Вот меня за любопытство-то, видимо, небеса сюда и притащили. Сиди, говорят, любуйся личными проблемами друга, – и он попытался сквозь боль

улыбнуться Анне своей фирменной улыбкой «тридцать два зуба».

Анна поднялась с коленки Смита и с интересом слушала, забыв рыдать дальше.

– Я не увижу его больше никогда, – сказала она тихо. – Ты знаешь, Билл, я не полечу. Если Джерри улетит без меня, я не вижу смысла никуда отсюда улетать. Тем более с Грэгом. Я не смогу больше быть с ним. Я чувствую себя свиньей, предателем, сукой, но быть с ним больше не могу. Останусь здесь, с Куперами.

– Организуете колонию. Первые вечные поселенцы антипространства. А я наймусь диспетчером, и буду подсылать вам периодически в эти координаты симпатичных молодых парней.

Но Анна даже не улыбнулась. Билл обнял ее и притянул к себе на левое плечо. Она тихо дышала ему в грудь. «Если б хоть что-то можно было сделать», – стучало в голове у Смита.

3

В это время в комнате Родригес аккуратно демонстрировал Орлиевскому небольшие емкости, наполненные темным вязким содержимым.

– Надеюсь, не вылью на штанишки, – сказал он без улыбки.

– Да уж не пролей, – капитан мрачно смотрел на фляги в руках Родригеса. Мысль об их содержимом вызывала рвотные спазмы. – Адэхи...

Командир замолчал. Они много о чем говорили с момента появления АП12, пытаясь не упустить ни одной мелочи, планируя исход из этой дыры. Но сейчас Орлиевский заговорил о другом. Родригес знал и так, что командир хочет ему сказать. Они хорошо изучили друг друга, будучи вместе с первого полета еще на его первом шаттле, «Анне». И в горе, и в радости, и в болезни, и в бедности Георгий Орлиевский мог положиться на этого огромного, сильного, мудрого особой животной мудростью индейца, само имя которого – Адэхи – означало «Жизнь в лесах». Казалось, значение имени наложило отпечаток на личность. Когда-то Родригес прощался с жизнью, попав на грани жизни и смерти в самый жесткий кризисный перелом в медицинском обслуживании. Вся искусственная пирамида страховок наконец рухнула, цены на лечение стали невообразимыми, и шанс на жизнь оставался даже не у богатых, а только у здоровых граждан. Орлиевский тогда ни на минуту не засомневался в выборе приоритетов и продал шаттл

«Анна». И не пожалел ни секунды. Да что там – не пожалел, даже мыслей таких не возникало. Орлиевский подкоркой чувствовал, что это единственно верное решение и ближе, надежней, преданней человека в его жизни нет и будет никогда.

– Я все понял, командир, – прервал застывшего в собственной внутренней тишине командира Родригес. – И еще, командир. Все будет как надо.

– Кому надо? – мрачно ответил Георгий и обнял Родригеса, прижав его на какую-то секунду со всей силой, какую только имел. – Счастливо. Пусть просто что-то еще будет. Умирать неохота.

Родригес улыбнулся и вышел.

Картер и Смит уже ждали у отсека со снаряжением. Предстояло поверх летных комбинезонов еще натянуть слой термосинтетики и шлем.

Картер подошел было к Смиту, чтобы помочь ему застегнуться, но тот достаточно ощутимо оттолкнул его здоровой рукой. Картер от неожиданности слегка отпрянул, но промолчал. Им так и не удалось заговорить друг с другом, словно тот, другой Картер, с прядью крашенных волос и без шрама на руке, стоял рядом и посмеивался над ними.

– Как вы мне все надоели сегодня, – рявкнул Билл. Его заметно пошатывало, но он резко отвернулся и направился к Лизе, стоящей у входа в отсек с Микки и Куперами. Билл долго смотрел на ее бледное лицо с проваленными от страха глазами, и вдруг нежно погладил ее по голове.

– Я тебе обещаю, – подмигнул он ей заговорщицки, молча пожал руки Микки и Мэтью и ушел переодеваться. Джерри был уже готов и ждал Смита и Родригеса. Он подошел к Микки, приобнял его и похлопал по плечу.

– Все будет отлично, парень, ты молодец.

Микки только кивнул. Лиза и Оливия обняли лейтенанта. Слов не было. Оставалось только надеяться на сопутствующую ему удачу. Георгий ждал у выхода, ему предстояло скоординировать вылет.

– Будете готовы – поднимайтесь. Жду сигнала из шаттла.

– Командир... А Анна ... – слова выползли из Джерри с трудом.

– Я предлагал ей попрощаться с вами всеми, – спокойно ответил капитан. – Она предложила мне проследовать в ад. Так что извини, это не мое решение.

Картер только кивнул и захлопнул шлем. Смит и Родригес, полностью одетые, пошли вслед за Картером к люку главного транспортного отсека и стали спускаться в невесомость. Оба минишаттла, готовые к вылету в никуда, ждали своих хозяев. Родригес поставил одну пластиковую емкость рядом с тем шаттлом, в котором должен был лететь после них Георгий.

– Вот, командир, – глухо раздалось из-под шлема. – Только осторожно. Пусть Лиза, что ли, льет... Анне я бы не предлагал.

Капитан кивнул. Взмахнул рукой, прощаясь, и пошел к центральному компьютеру. Предстояло поочередно открыть все шлюзы и выпустить шаттл.

По видеосвязи он пронаблюдал, как все трое залезли внутрь. Готовность один: закрыть проход. Готовность два: раздвинулись ворота между отсеками. Готовность три – внешние огромные створки закрутились открываясь. Шаттл с шипением потащило в пространство. Оставалось только надеяться, что он уйдет из поля видимости, не озарив черноту взрывом.

2034

1

Картер легко выпрыгнул из такси и почти бегом направился к шаттлу, мерцающий в ночи корпус которого маячил метрах в трехстах, за главным ангаром космодрома. Лейтенант толком не знал, что именно он собирается сказать Анне, и даже не пытался приготовить конкретные слова. Ему казалось, что если он просто вернется сейчас, окажется перед ней, то можно будет вообще ничего не говорить. Просто увидеть ее глаза. Взять за руку. Одним словом – быть рядом, весь, целиком.

Он стремительно пересек территорию космодрома и вскочил в лифт. Кругом было пусто и темно, ни намека на какую-либо деятельность; ни людей, ни роботов, ни малейшего шума или светового пятна. Одинокий шаттл на огромном поле пустого космодрома. В этом было что-то щемяще пугающее. С шаттла тоже не доносилось ни звука. Картер быстро взобрался в шлюзовое помещение и, броском преодолев нижнюю рубку, стал подниматься по лестнице в верхний салон. Однако до конца не дошел, остался стоять на верхних ступеньках, пытаясь осознать увиденное. Прямо перед ним в глубоком кожаном кресле сидел Орлиевский. Сидел неподвижно, глядя прямо перед собой взглядом спящего человека. Родригес, стоявший спиной к капитану, молча и деловито запихивал непослушное тело Анны в спальный мешок. Застегнув его у Анны на лице, Родригес медленно обернулся, словно почувствовав взгляд Картера. Какую-то долю секунды они смотрели друг на друга, потом индеец одним броском оказался над головой лейтенанта и обрушил на его торчащую голову огромный кулак. В голове Картера ухнуло, и вокруг наступила темнота.

2

Приоткрыв один глаз, Картер попытался повернуть голову. Получилось достаточно легко, хоть левая сторона черепа все еще ныла и позванивала. Он так же осторожно приоткрыл и второй глаз, пытаясь оглядеть сам себя. Руки – ноги были свободны, сам он оказался сидящим на полу. Родригес аккуратно прислонил его к стене рядом с люком, подложив под голову какую-то тряпку. Орлиевский по-прежнему сидел в кресле, ни поза, ни взгляд не изменились. Родригес же сел рядом с упакованным в мешок телом Анны, оперевшись

локтями на колени. Увидев, что Картер вернулся к жизни, Адэхи вздохнул и легонько покачал головой.

– Извини, лейтенант. Пришлось тебя притормозить.

Картер ничего не ответил. Его глаза прилипли к телу Анны, пытаясь донести эту информационную картину в мозг, но соединения были нарушены, и сигнал не проходил обработку.

– Как голова? Не болит?

Родригес смотрел на него мрачно, исподлобья, готовый в любой момент нанести не менее ощутимый удар в его череп.

– Вы ее убили? – выговорил наконец Картер.

– Ты зачем вернулся-то, Джерри? – спросил Адэхи, помолчав немного. – Забыл чего? Водкой от тебя несет активно, кстати.

– Я пил.

– Там, где я сказал? – полюбопытствовал Родригес.

-Нет, в другом баре… А может, и в том… Я не понял. Я не понял, Родригес: зачем вы ее убили?

– Ну все не совсем так, Джерри. Честно говоря, убил ее ты. Если по большому счету. Остальное уже детали.

– Что за бред ты несешь, Адэхи? – Картер даже улыбнулся было от нелепости этого умозаключения. Но ухмылка быстро сошла с его лица, спотыкнувшись о мрачный взгляд механика.

– Ну почему же бред, – медленно продолжал тот. – Так и есть. Ты вот прибежал обратно именно поэтому: понял, что убил, и решил исправить. А исправить, как правило, ничего уже нельзя бывает. Одна попытка у всех.

– Ты прям философ, Адэхи, – процедил Картер. Что-то внутри его отвратительно поддакивало Родригесу, и от этого становилось трудно дышать.

– Я просто опытный человек. Ты, конечно, можешь возражать сам себе, но долго не протянешь. Короче говоря…

– Короче говоря! – Картер попытался встать. Голова еще кружилась, но ему удалось подняться держась за перила люка. – Я вызываю полицию.

– Давай, вызывай. Только одно слово, лейтенант. Посмотри на капитана.

Джерри перевел взгляд на фигуру в кресле. Никаких признаков жизни Орлиевский не подавал. Картеру вдруг показалось, что даже если выстрелить прямо в лоб капитану, то тот не подаст и признаков смерти, то есть останется сидеть в той же позе и с тем же взглядом.

– Как считаешь, ему нужно правосудие, Картер?

– Так это он… ее…

– Он. Хотя, по сути – ты. Вот так у них сложился последний разговор. Не в ее пользу. Но ты смотри, смотри, лейтенант. Нужно ему правосудие и наказание?

Родригес резко подошел к Орлиевскому и тряхнул его за плечи. Тот словно не ощутил прикосновения, ни одна мышца на его лице не шевельнулась. Взгляд по-прежнему был устремлен на стену, приклеившись к точке где-то в ее середине.

– Это еще у него все хорошо. Это он в шоке, не осознал. А ведь поймет. И тогда… тогда будет плохо. Хуже, чем сейчас ей.

Картер смотрел на капитана, и вдруг словно начал переселяться в его тело. У него отяжелели руки, ноги, дыхание становилось реже, будто он проходил сеанс гипноза. И тут по нему пополз ужас. Именно пополз, как реальное существо, паук или змейка, или комок сухих веток. Точно он не мог понять, сухое ли прикосновение у этого ужаса или липкое, но то, что это само воплощение ада, сомнений у Джерри не вызвало. Ощущение усиливалось, ужас подползал все ближе к лицу, ко рту, к глазам. Захотелось орать. Неимоверным усилием воли он заставил себя вывалиться из транса, только мурашки на шее продолжали ползти, разбегаясь по всему телу, как живые тараканы.

– Что ты хочешь от меня? – выдавил он, обращаясь к Родригесу.

– Ничего, – тот медленно пожал плечами. – Уходи. Просто иди куда шел.

– А ты? Ты там был? Ты видел?..

– Как она умерла? – уточник Адэхи. – Нет. Я вышел на звук. Когда она упала. Это имеет значение?

Лейтенант молчал. Теперь ему казалось, что у Анны открыты глаза, и она смотрит на него сквозь металлическую материю мешка. Смотрит и иронично усмехается.

– Уходи, Картер. Не тебе судить. Ты и так принял слишком много участия в счастье этой семьи.

– А тебе судить? – Картер уже не хотел, не имел сил сопротивляться. Он застыл, чувствуя на себе взгляд распахнутых черных глаз из темноты застегнутого мешка. Ему стало очень страшно, но Родригес в роли верховного судии пробуждал в нем остатки сопротивления.

– И мне не судить. Я и не собирался. Мы сейчас все тут поспим. А утром улетим. Там, в Крыму, тихо похороним под кипарисами. А дальше не знаю. Поверишь, Джерри, честно не знаю, что будет дальше. Может, он сам пойдет в полицию. Может, еще как-нибудь сложится. Но пусть это будет не твое решение, лейтенант. Сделай милость. Капитан имеет право сам вынести себе приговор, если у него останутся для этого силы и разум.

Джерри изо всех сил старался не коснуться взглядом застывшего белого лица капитана.

– Здесь все в камерах. Каждый метр просматривается, – после паузы проговорил он.

– Да. Но и об этом подумаем позже. Картер, – медленно добавил Родригес. – Уходи.

– Какого дьявола ты меня обвиняешь? – заорал лейтенант, не в силах больше сопротивляться подступающей истерике. – Это я, я – случайность! Любой мог возникнуть! Это их отношения, а он убийца! И ты не смеешь лезть ко мне, ты вообще никто, понял?

Картер внезапно вскочил с пола, кинулся к телу и расстегнул молнию на мешке. Глаза Анны были закрыты, лицо повернуто набок. Белое, красивое, спокойное. Прилив энергии моментально иссяк, Джерри снова сполз вниз, уткнувшись лицом в живот мертвой женщины.

– Я никто, – спокойно продолжал над его головой Родригес. – Это я давно понял. Он – убийца. И ты – убийца. Мог быть любой, а стал ты. Это так, лейтенант. Я все сказал. Хочешь полицию – вызывай. Но и это будет снова твой выбор. Хочешь взять груз решения на себя? Дотащишь, до смертного одра-то? Не тяжеловато будет?

Родригес замолчал. Тишина звенела и снаружи, и внутри сидящих в комнате мужчин. У одного из них эта тишина была

лично своя, другие двое разделили ее пополам. Картер ощущал ее кишками и самой кровью. Он знал, что он выберет, и не мог с этим выбором смириться. Наконец, тяжело поднявшись на ноги, Джерри Картер нащупал лямку рюкзака, еще раз посмотрел на Орлиевского, на Анну. Перевел глаза на темное лицо индейца. Еще несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом лейтенант резко отвернулся и навсегда покинул салон шаттла «Венера». Быстро миновал территорию пустого космодрома, вскочил в вызванное воздушное такси, и уже через час был в Москве. Зайдя в свою квартиру, Джерри не стал включать свет. Лучик утреннего солнца едва пробивался сквозь плотные задернутые шторы. Картер скинул на пол всю одежду, остался абсолютно голым и упал на кровать, прикрывшись куском скомканного пледа. Все. Операция «Переход» была закончена. Джерри медленно выдохнул и провалился в сон.

0000

1

– Разгоняй, Картер! – Родригес вцепился в подлокотники, придавленный ускорением. Разгон был жесткий. Адски трясло и бросало. Надо было за минимальное время достичь наибольшей скорости и на ее пике добраться до топливного отверстия. Это Родригес собирался сделать сам, уж точно не доверять однорукому Смиту. – Давай же, Картер. Или ты хочешь летать по этой дыре кругами всю жизнь?

– Не ори, – Картер отвечал глухо и сдавленно. Все его силы и нервы были скручены в ком, рука вцепилась в джойстик ускорителя. Пять км в секунду. Четырнадцать. Шестнадцать. Есть.

– Лей, – бросил он через плечо Родригесу. Тот ослабил ремень и потянулся к нижней части приборной доски, где почти у пола, под правой рукой Джерри, был предусмотрен доступ к горючему. В тесном пространстве, рассчитанном на плашмя пристегнутого к креслу человека, это было сложно. Надо было свинтить крышку люка, потом предохранитель, и, оставаясь в крайне неудобной позиции, положить в лючок шарик черной субстанции. Родригес, открывший доступ в бак, выпрямился в кресле и попытался открыть крышку. Она не поддавалась, он слишком тщательно завинтил ее перед взлетом. Нужно было снять пластиковые перчатки, чтобы удалось открыть емкость. Родригес стащил перчатки и откинул шлем. Он был весь мокрый, пот застилал глаза.

-Давай же, Адэхи! - прокричал Картер. Родригес дернул изо всех сил, и в этот момент шаттл тряхнуло как-то особенно сильно. Небольшой черный шарик красиво выплыл в невесомости вверх и застыл перед лицом индейца. В этот же момент Смит, быстро отстегнув ремень, осторожно коснулся перчаткой шарика и пододвинул его вниз. Этого момента хватило Родригесу, чтобы спрятать руки и лицо обратно под костюм и специально приготовленным куском металла запихнуть шарик в лючок. Затем он плотно закрыл топливное отверстие и молча откинулся на спинку кресла. Остальные тоже молчали. Джерри, держа по-прежнему руки на приборах, неотрывно следил за монитором.

– Правая рука, – проговорил Родригес через минуту тишины.

– Ты о чем? – не понял Картер.

– Смит пододвинул пузырь правой рукой, – медленно сказал Родригес. – У Смита больше нет правой руки, – так же тягуче закончил он. И, повернувшись назад к Смиту, произнес:

– Снимай шлем.

Смит не шелохнулся. Тогда Родригес протянул руку и одним щелчком откинул закрывающее лицо астронавта черное стекло. На него не мигая смотрела Анна.

Картер, повернувшийся к ним, на мгновение замер. Потом плавно, как в замедленной съемке, начал поворачивать голову к индейцу. Родригес же, казалось, окаменел, упершись в нее горящим взглядом. Еще доля секунды нужна была ему для быстрого и окончательного выполнения своей внутренней клятвы командиру.

Тут что-то мелькнуло перед его боковым зрением. Он с трудом заставил себе перевести взгляд и вдруг заорал:

-Мы движемся, Картер! Мы изменили координаты! Мы страшно быстро движемся!!

Картер и Анна уперлись глазами в монитор.

– Земля, – глядя в иллюминатор, отрывисто выдохнул он. – Мы в нашем пространстве. Скорость...

– Какая? – спросила Анна.

Картер смотрел на показатели на ожившем мониторе.

– Девяносто км в секунду.

– Боже правый, – протянула Анна. – А куда? В каком направлении?

– По орбите. Высота одиннадцать тысяч.

– Тормози, лейтенант!

– Я стараюсь! Он несется вопреки всему! Такая скорость вообще невозможна!

– Ну, на нашем топливе сейчас все возможно. Будем ходить кругами, пока не сбросим обороты. А то мы будем дома минут через пять. Прямо головой в сортире, – проговорил Родригес и внезапно снова заорал:

– Тормози же ты, мать твою! Не снижайся, пока не скинешь хотя бы до двадцати! Не понимаю, почему мы еще тут не сдохли. Должны были уши отлететь у всех!!!

«Вот что значит не знать, на каком ты свете, – подумала Анна. – Не понятно, по законам какого из пространств живем».

– Скорость? – снова рявкнул Картер.

– Пятьдесят. Сейчас было бы прекрасно снести какой-нибудь спутник. Их тут скоро будет много, между прочим.

– Не думаю, мы еще намного выше.

Шаттл, словно безумная комета, несся по орбите, совершая витки вокруг земли. В кабине висела тишина, если можно назвать тишиной резкий рев двигателя, шипение, звон в ушах. Эта невероятная карусель вокруг планеты казалось вечной. Анна считала витки. Первые три они совершили действительно за считанные минуты, на четвером шаттл вроде как начал притормаживать, и ей стало чуть легче дышать. Пятый, шестой... Наконец, когда расстояние было уже около трехсот километров, скорость снизилась до теоретически возможной для захода на посадку.

– Если больше двадцати км в секунду – сгорим в атмосфере, выдохнуть не успеешь.

– Я успею, – сжав зубы, рявкнул Джерри. – Еще полтора витка и сажаю.

Родригес напряженно смотрел на летящую в него Землю.

– Слушай меня, лейтенант, – он сидел, строго глядя перед собой. Картер подождал продолжения, оно не последовало.

– Что?

Родригес повернул голову к Джерри и сказал:

– Ты сейчас войдешь в атмосферу, спустишься до пяти километров, и вы катапультируетесь.

– Зачем? – ошарашенно спросил тот. – Я посажу.

– Эту пакость нельзя сажать, лейтенант, – покачал головой тот.

– Шаттл? Нельзя сажать шаттл? Почему?

– Потому что мы не знаем, что осталось у него в баке. И мы не знаем, как и куда именно ты сядешь. Если хоть капля этой дряни коснется воды или земли, то не останется ни травинки. Не будет голубой планеты, будет огромный черный шар. Так что переползай назад и пусти меня на свое место.

– Глупости, Родригес. Сядем все вместе и взорвем его, – зло ответил лейтенант.

– А ты уверен, что ты тихо и плавно сядешь? А если в море? А если не совсем плавно? Ты представляешь себе эту посадку, лейтенант? В нашем баке жидкая смерть. И ты собрался тащить это на Землю?

– А что ты собрался делать? – проорал Картер. – После входа в атмосферу от шаттла останется один ободранный скелет, и то, если останется. На нем никуда нельзя будет улететь! Мы вместе летели и вместе сядем. Все. Я сказал.

– Хороший ты парень, Джерри. Но идиот, – грустно ответил Родригес.

Короткий удар железным кулаком в голову отбросил Джерри с такой силой, что он вылетел бы наружу, если бы не ремень. Голова его дернулась и повисла. Родригес, изо всех сил напрягая каждый мускул, одним броском вытащил лейтенанта из кресла пилота назад к Анне и занял его место.

– Пристегни его к себе. Приготовься. Если ты, конечно, не хочешь, чтобы я вас выбрасывал по очереди.

Он повернулся и гаркнул через плечо:

– Быстро, я сказал! – Анна моментально выполнила его приказ. Они заходили на посадку.

– Адэхи... Не надо!!!

– Надо, Анна, – он кричал, стараясь перекрыть голосом треск и тряску. – Я не знаю, надо ли было тебя сейчас убить. Но момент в любом случае упущен. Тащить это на планету нельзя ни в каком виде. Все. По счету три.

В вечернем светло-синем небе мелькнула очень яркая звезда. Если бы кто-нибудь наблюдал за ней, то заметил, как из нее вылетела еще одна маленькая звездочки и плавно, как светлячок, полетела вниз. Сама же звезда-мать, обливая небосвод хищными желтыми вспышками, под странным углом взмыла обратно в небо, и набирая немыслимую скорость, растворилась в пространстве.

Анна и Джерри, вжатые друг в друга в тесной капсуле катапульты, медленно приближались к Земле.

2

Орлиевский застыл, упершись взглядом в экран. Внешний портал был закрыт. Несколько секунд с шаттла долетал сигнал радиосвязи, но уже давно в наушнике было тихо. И ни всплеска, ни вспышки в черной мути за иллюминатором.

«Неужели удалось?», – он не мог поверить в это. До последнего Георгий был уверен, что весь этот план неосуществим, и если что-то и произойдет, так это совместное самоубийство. Впрочем, это его уже не пугало. Анна принесла в его жизнь

настоящий действующий ад, так что совместная с ней гибель начала казаться ему даже заманчивой.

Он заставил себя оторвать взгляд от монитора. С трудом пошевелив затекшей шеей, Георгий огляделся. Он был один. Супруги Куперы после отлета первой шлюпки не показывались из своего отсека, Мэган и Микки остались ждать команды к отправлению наверху, у шлюзовой камеры.

– Анна, – позвал Орлиевский. Он знал, что общение с ней сейчас будет невыносимо тяжелым, но в любом случае этого не избежать.

Он прошел в ее каюту. Он расчитывал застать ее там, но было пусто. Георгий быстро пошел по кораблю, заходя во все отсеки поочередно. Анны не было. Капитан застыл, кожа под волосами похолодела. Он резко развернулся и побежал вниз, в холодильник. С размаху открыл дверь и снова замер. Лейтенант Картер-2 с Корабля Мечты спокойно лежал на своем месте в полном одиночестве.

«Да она готовится к вылету, тупица», – пронеслось в голове у командира. Он стремительно двинулся к транспортному отсеку, пройдя мимо Микки и Мэг, сидящих у подъема в отсек. Не обратив на них ни малейшего внимания, он быстро прошел внутрь отсека и метнулся к хранилищу с костюмами.

– Анна, – его голос странно повис в пустоте. Орлиевский резко открыл дверь. Перед ним на низкой скамье молча сидел пилот Смит.

Все недолгое время, прошедшее с того момента, как улетели одетая в его костюм Анна, Картер и Родригес, Билл размышлял. Он сидел здесь, за аккуратно развешенными летными костюмами, и пытался сообразить, как теперь появиться перед остальными. Ему было бы значительно легче, если бы он сразу знал, что говорить ничего не придется.

Дверь открылась, на пороге стоял Орлиевский. Билл успел подумать, что впервые в жизни видит, как человек сходит с ума. Буквально в один миг личность командира Орлиевского рухнула в небытие. Перед пилотом стоял совершенно незнакомый и абсолютно безумный человек. Бросив на Смита один короткий взгляд, капитан размахнулся и ногой ударил пилота в лицо, сломав ему нос и челюсть. Дальше тремя короткими ударами сапога он поочередно переломал ему правую голень и пару ребер, потратив не более нескольких секунд. Все происходило в полной тишине. Оставив Смита лежать в крови на полу, Орлиевский почти бегом двинулся наверх. Далее, введя в компьютер серию команд с отложенным

стартом, он, промчавшись мимо ничего не понимающих Микки и Лизы, поднялся в ангар, схватил емкость, приготовленную Родригесом и вылил в топливный бак. На Родригеса он и возлагал свою последнюю надежду. До старта оставалось 10 секунд. Он залез внутрь шаттла. Закрылся люк отсека, капитан включил стартовый механизм, открылся внешний портал, и через мгновение шаттл с командиром Орлиевским выскочил наружу.

Микки и Лиза-Мэг подбежавшие к иллюминатору, успели заметить только мелькнувший мимо корабля силуэт. А потом темноту прорезала невероятной силы вспышка. Шаттл разделился на миллион огненных частей, которые с безумной скоростью летели прямо в корпус «Венеры».

3

Куперы вдвоем сидели в комнате. Оливия крутила в руках то ли винт, то ли шуруп, каким-то чудом оказавшийся на столе. Мэтью сидел рядом.

– Ты еще можешь успеть, Мэтти, – говорила Оливия Купер. – Я все-таки думаю, что тебе не обязательно так поступать. Правда, – добавила она, наконец взглянув на него.

Мэтью молчал грустно улыбался, разглядывая ее такое родное и милое лицо. Он хотел бы ей возразить, но не знал, как именно. Слишком много всего сразу приходило в голову. Ему хотелось рассказать ей про ее особенную овсяную кашу, подобно которой не выходило больше никогда и ни у кого. Про удивительное свойство выходить из любого помещения, всегда направляясь строго в противоположную нужной сторону. Про то, что даже сейчас, спустя более сорок лет брака, когда ему грустно, когда необходим глоток чего-то хорошего, он вспоминает их самое первое свидание. Как она стояла, серьезно наморщив нос, и говорила, чтобы он даже и «не смел выдумывать всякие дурацкие приключения» на этот вечер. И всегда, всегда улыбается, представив себе ее ту, с большим пучком на голове и в рюшках.

Слишком много всего, слишком много, чтобы нарядить в правильные слова. Поэтому он просто сказал:

– Я очень люблю тебя, Ливи. А места мне все равно никакого там нету. Не влезу уже. Поэтому посидим тут с тобой. В конце концов, когда я тебе надоем, можешь меня прикокнуть.

– Ты знаешь, я думала об этом, – совершенно серьезно ответила Оливия. – Эта возможность у нас ведь действительно

есть. Мы можем сделать этот выбор, если почувствуем, что пора. Потому что выбирать в обратную сторону редко выпадает шанс. А нам он выпал, – взяв его за руку, тихо добавила она. – Мы счастливые люди, Мэтти.

Горящий обломок шаттла достиг «Венеры». Он на огромной скорости влетел в иллюминатор и одним ударом убил Мэтью и Оливию Куперов, которые даже не успели понять, что именно с ними произошло.

Если бы Оливия могла бы наблюдать это со стороны, то она, посещавшая каждое воскресенье церковь, однозначно приняла бы это как карающий меч огненного ангела, обрушившийся на голову мелким и ничтожным, посягнувшим решать вопросы вне своей компетенции.

4

Лиза и Микки застыли у иллюминатора, глядя на летящие в них раскаленные куски металла. В следующий миг первый мощный удар сотряс транспортник. «Разгерметизация. Начать эвакуацию. Разгерметизация. Начать эвакуацию», – спокойным строгим голосом начала повторять система. Лиза в ужасе смотрела на Микки.

– Какую эвакуацию? – прошептала она. Из-за грохота падающих в корпус более мелких кусков погибшего корабля, рева сигнализации и треска горящего металла, Микки не услышал ни слова, только смотрел на шевеление ее губ. Но смысл был понятен. Им не на чем было эвакуироваться отсюда.

Никогда мысль Микки не работала так спокойно и четко. Как только речь заходила о какой бы то ни было ненаучной, бытовой проблеме, вплоть до самых ничтожных, парень бледнел, потел, мямлил и не оказывался способен что-то решать.

Ситуация, в которой он сейчас оказался, была посложнее, чем борьба с прачечной, не доставившей вещи в срок. Но он был странно спокоен. Его разум решал логическую задачу высшего уровня. В голове проносились все отрывки бесед, данных, картинки их пребывания на «Венере». Лиза, зажав уши руками, сидела на корточках, вжавшись в угол, и тихонько подвывала, не обращая на него никакого внимания. Микки с силой потряс ее за плечо.

-Мэг! - проорал он ей в ухо, - Франкенштейн!

Она не была способна его услышать. Эта была та степень паники, при которой человек уже не в силах сопротивляться. Микки потянул ее за руку – она не поддалась. Тогда он схватил ее за волосы и с силой дернул вверх. Она, ошарашенная, поднялась на ноги и посмотрела ему в лицо.

– Мэг, мы идем в самый дальний ангар. Там, куда они загнали сферу, – он орал ей в лицо, а она только едва кивала, изумленная. – Быстро, к транспортному.

Он потащил ее за собой. Лиза, казалось, снова обрела способность идти. Она изо всех сил пыталась успеть за каким-то незнакомым, новым Микки.

– Нам надо надеть костюмы. И еще кое-что...

К этому моменту они были уже в транспортном отсеке. Микки по-прежнему тащил Лизу за собой. Отдавшись полностью этой безумной гонке, Малкин не заметила, что юноша остановился, и со всего размаха врезалась ему в спину. Когда к ней вернулась способность дышать, она увидела, что Микки стоит на коленях, а перед ним на полу лежит неподвижно пилот Смит.

– Он же улетел... – пошевелила губами Лиза. Голос снова пропал. В транспортном отсеке было намного тише. Основной удар обломков пришелся на нижнюю часть корабля. Здесь было относительно спокойно. Но тем не менее сотрясение от постоянных ударов в корпус ощущалось отчетливо. Микки потряс Смита, повернул его лицом к себе. Тот дышал.

– Нужна вода, – сказал Мики. Лиза отстегнула висящую у нее на поясе фляжку, протянула Микки, и тот протер лицо пилота. Смит дернулся, шумно вздохнул и приоткрыл один заплывший глаз.

– Привет ребята, – просипел он разбитым ртом.

– Смит. Надо валить отсюда. Сейчас повсюду будут черные шары, – спокойно сказал парень. Лиза в ужасе уставилась на него. До нее только сейчас начал доходить весь смысл происходящего.

– А командир? – спросил Смит.

– Он улетел на твоем шаттле. И сразу взорвался. «Венера» сейчас развалится и сольется с этим миром. У нас несколько минут.

В подтверждение этих слов небольшой черный шарик медленно проплыл перед глазами Лиз. Используя любой намек

на воду, антипространство вплывало в разгерметезированный искореженный шаттл.

-И на чем мы летим? – просипел Смит.

-Они говорили про еще один. На котором не стоит летать.

Смит посмотрел на него долгим взглядом и коротко выдохнул:

– А, Франкенштейнчик... Класс.

Смит замолчал и закрыл глаза. Микки снова потряс его.

– Давай, Билл. Вставай, раз ты здесь, то у нас точно есть шанс.

– Достаточно небольшой, Микки. Я не очень в форме, – Смит говорил неразборчиво, челюсть не шевелилась. На середине предложения он с трудом выплюнул зуб и тяжело втянул воздух. – Двигаться толком не могу. И потом... Нам же нужна эта дрянь.

– Вот уж чего навалом, – мрачно проговорил Ямото, глядя на целое скопление очень мелких, величиной меньше горошины, черных кругляшков, вытекающих прямо сквозь стены. – Вы с Мэгги идите, а я соберу наших гостей на горючее, – сказал Микки и встал на ноги, оставив Лизу поддерживать голову Билла. – Давайте, ребята, ползите к ангару. Я сейчас.

Микки, осторожно обходя еще редкие в этой зоне скопления антипространства, направился к заблокированную Родригесом часть транспортного отсека, в ангаре которого хранился шаттл АП12, принесший на «Венеру» и гибель, и надежду. Пожар, возникший после столкновения с обломками в нескольких частях шаттла, разгорался все сильнее, завоевывая уцелевшие от разгерметизации отсеки «Венеры». Становилось невыносимо жарко и все труднее дышать. Постоянные толчки и тряска не давали сохранять равновесие, Микки мотало во все стороны. Черные маслянистые пятна, поглотившие сержанта Ли и руку Смита, тоже сотрясались и плотоядно перекатывались перед лицом Микки. Ему предстояло приблизиться к одному из них и зачерпнуть немного субстанции во фляжку, взятую им у Лизы.

Тело вдруг стало неловким, будто не родным. Микки казалось, что он слышит внутренний скрежет мышц в руках, плечах, ногах, словно организм протестует против приближения к этой живой, глумящейся над ним смерти. Быстро вдохнув, он одним движением наклонился и провел фляжкой над чернотой. Капля антивещества прокатилась в миллиметре от его мизинца и упала обратно. На дне оказалось совсем немного так необходимого им топлива. Микки трясущимися руками

завинтил крышку. «Все, больше не могу», – пронеслось у него в голове. Он попятился и покинул проклятый отсек.

Задымление было таким, что ему пришлось подолгу не дышать, пробираясь обратно. Глаза, разъедаемые гарью, судорожно сканировали каждый сантиметр, пытаясь не пропустить ни одного черного шара, плывущего из середины корабля. Голова кружилась, подташнивало. Он шел к самому дальнему отсеку, где хранился Франкенштейнчик, как нежно назвал этот аппарат Картер. Микки еще не пришлось увидеть этого произведение инженерной мысли, но отзывы были не самые лестные.

Когда он подошел к люку шаттла с дурной репутацией, Лиза и Билл, оба одетые к вылету, сидели на полу перед ним. Лиза тяжело дышала: ей пришлось буквально волоком тащить Смита по проходу.

– Ну что, парень? – спросил Смит.

Микки показал ему фляжку и прошел к валяющемуся на полу своему летному костюму. Быстро оделся и попытался поднять Смита. Тот, наступив на перебитую ногу, коротко закричал и упал обратно.

– Смит, стой! Надо подняться, – прижав его к лестнице, проговорил Микки ему в ухо.

– Нога. Я не могу... не держит.

– Плюнь на ногу, пилот! – заорал Микки так, как никто и не мог предположить, что он способен. – Тащи свою задницу!

Смит, оторопевший от подобного тона со стороны нежного и мягкого Микки Ямото, повернулся к лестнице и попробовал опереться на ногу. – Плюнь на ногу, – бормотал он, – плюнешь тут, когда и руки тоже нет.

Лиза и Микки, прижимая Билла с обеих сторон, тащили его в невесомость. Путь казался бесконечным, запах гари усиливался. По мере перемещения в безгравитационное пространство передвигаться становилось легче. Смит, несмотря на предобморочное от боли и напряжения состояния, упорно двигался вперед.

Наконец они висели у входа в ангар. Странного вида летательный аппарат, маленький, несуразно вытянутый, располагался очень близко к первым внутренним воротам.

– Какая вещь, – присвистнув, протянул задыхающийся Смит. – И как эта штука работает?

Микки пожал плечами и приблизился к кораблю. Это была весьма оригинальная смесь шаттла и того, что называется ракетой-носителем. Главное, что в нем было – это способность взлетать с места. В остальном же это была лежащая на боку ракета. Сплющенная узкая сигара, только невероятно маленькая. Самое большее по всей длине в ней было метра три.

– Мы в это не залезем, – проговорила Лиза. – В ней меньше метра в ширину.

-Небось японцы делали, – сказал Смит. – Они все стремились создать самый маленький корабль. Но теперь еще и людей туда запихивают, оказывается.

– Ты в таких не летал? – спросил Микки.

– Нет. Лет пятнадцать назад были какие-то испытания. Целая серия, но те были побольше, хоть и похожи. Так они взрывались один за другим.

– Двенадцать, – проговорила Лиза каким-то странным тусклым голосом. – Двенадцать лет назад. И далеко не все взрывались. Была удачная серия.

– Откуда ты знаешь? – Смит вытянул шею в сторону Малкин, так как не мог к ней повернуть ни лицо, ни единственный рабочий глаз.

– Я знаю… Я хорошо знаю человека, который их изобрел, – Лиза посмотрела на Микки, кажется, впервые за все время взглянув ему прямо в глаза. – Это был мой муж.

– Микеланджело? Твой муж – Микеланджело? – каркнул Билл, на долю секунды даже забыв о физической боли.

– Да, – ответила Лиз, не сводя глаз с Микки. – И он… Он верил в него… Во Франкенштейна. Так что стоит поверить.

– Сейчас уж придется, – сказал Микки, словно приклеенный к ней взглядом. Звуки, долетающие с горящей части корабля, были все более и более угрожающими, дым ел глаза. Микки стоял, не сводя взгляд с Лизы, пока Билл не толкнул его в спину.

– Там окислитель. Горючее, видимо, в нижней камере.

Микки посмотрел на Смита:

– Как этот монстр летает? Выглядит как детская модель Восток-1.

– Вот тебе и говорят – Франкенштейнчик. Нам уже его не разобрать на запчасти. В самом лучшем случае, все сгорит в атмосфере, пока мы будем спускаться в капсюле. То, что

горючее смешивается, даст нам шанс не повторить подвиг капитана. Был бы один топливный бак – рвануло б сразу.

Микки скользнул к баку с окислителем и попытался его открыть. Бак был затянут наглухо. Уходили драгоценные минуты. Пот размывал осевшую на лице гарь, в висках стучало мерзкое эхо от постоянно звучавшего голоса: «Эвакуация. Срочно покинуть корабль».

Казалось, этого не произойдет никогда, но бак он открыл. Микки опрокинул туда фляжку и выпустил внутрь небольшой черный шарик. Все. Никак иначе этого сделать было нельзя.

– Лезь внутрь, – крикнул он Лиз. Та снова посмотрела на него длинным взглядом, медленно кивнула полезла внутрь. Ямото подошел к Смиту и подхватил его, чтобы подсадить на вход. – Давай, Билл, ты должен нас вывести отсюда.

Билл, скрипя зубами от боли, полез в тесное пространство в самом носу. Шаттл был рассчитан на двоих, полулежащих в затылок друг другу, человек.

– Не представляю, как сюда можно залезть втроем, – пробормотал Смит. Ему надо было разобраться хоть приблизительно, как управлять этой штукой. Микки залез вслед за ним. Разогнуться было невозможно. Места для третьего не оставалось.

– Билл, надо убрать отсюда второе кресло, – сказал Микки. Иначе никак.

– Делай что хочешь, – скривился Смит. – Мне вообще пока не понятно, что тут и как…

– Надо немного расчистить пространство, – сказал Микки и выплыл наружу. Он помнил, что там, где Родригес брал тесак в злополучный день прибытия АП12, было еще пару подходящих инструментов. Он двинулся к хранилищу, отталкиваясь от стен, и очень быстро вернулся с молотком и несколькими отвертками.

– Что ты делаешь? – опешила Малкин. Микки молча начал откручивать намертво впаянное кресло. Ничего не выходило.

– Перестань мучиться, – сказал наконец Смит. – Вы оба худые. Посадишь ее на себя сверху. Все! – гаркнул он в ответ на попытку Микки возразить. – Я разобрался. Поехали.

С трудом воткнувшись в крохотное пространство кабины, они постарались как-то расположиться, дыша буквально в шею друг другу. Лиза лежала прямо на Микки и чувствовала себя со всех точек зрения отвратительно. Какая-то дурная шутка,

глумление самой Вселенной над всем ее существом. Вопреки всем событиям, ужасу и возможной смерти, она вдруг ощутила себя той девочкой, легкой, беззаботной и так искренне ждущей любви, что была готова увидеть ее в каждом парне, идущем ей навстречу. И того, кто оказался перед ней, она долгие годы ощущала всем своим существом, независимо от того, какое расстояние их ни разделяло во времени и в пространстве. Каждой клеткой тела, каждой фиброй души, каждой мыслью и вздохом, с первой встречи. Все мышцы Лиз окаменели, она чувствовала дыхание Микки на шее и в тысячный раз поражалась какому-то невообразимо безмерному чувству юмора Создателя.

«Идиотка», – обращаясь к себе, думала она. «Надо просто выжить!».

Смит набирал левой рукой команды на приборной доске. Выход был задраен. Запах гари проник уже и в кабину. Повсюду, медленно и плавно вращаясь, висели крупные черные шары. «Надо немедленно убираться», – подумал Билл, окинув взглядом ангар.

– Подготовка к взлету, – заговорил вдруг женским голосом компьютер. – Проверка систем. Подготовка к взлету.

Система продолжала отдавать сама себе необходимые команды. Смит, полулежащий в кресле, заставил себя смотреть только на мониторы.

– Начинаю обратный отсчет, – проговорил металлический голос. Все, обратного пути не было. Смит жал на кнопку пульта внутренних ворот. Они не реагировали. Через тридцать секунд откроются внешние ворота, открывающиеся системой управления шаттлом, и корабль рванет сквозь закрытые внутренние на волю.

– Мы не улетим, – глухо произнес Микки. – Отменяй старт, Смит!

– Это невозможно. Мы взлетим на воздух!!! Точно рванет! Микки, – проорал Смит, - ты успеешь. Там есть пульт, слева у шлюза! Они должны от него открыться!

Микки, вжатый Лизой в кресло, дернулся. Лиза с силой оттолкнулась от него и выбралась наружу, не обратив внимание на протест Микки. Оставалось несколько секунд, чтобы добраться до пульта, открыть ворота и вернуться. Лиз, оттолкнувшись посильнее, двинулась к шлюзу. Огромный черный шар завис прямо перед ее лицом, парализовав женщину. Через секунду, подавив инстинктивное желание

отмахнуться от угрожающего предмета, Малкин заставила себя продолжить движение. По словам Билла, система управления должна была находиться слева от ворот. Пульс отсчитывал секунды. Она увидела пульт слишком поздно, в самом низу, достаточно далеко от шлюза, когда до старта оставалось не более десяти секунд. Броском нажала на кнопку, и хотела было направиться обратно в ангар, но не успела: большое скопление антиводы полностью перегораживало путь. Внешние ворота тоже начали раскрываться, автоматически совмещая раскрытие с временем взлета.

«Меня высосет наружу», – подумала Лиза Малкин, и одним броском выкинула свое тело за пределы ангара и заблокировала вход. В следующий миг Франкенштейн со свистом вылетел за пределы корабля.

2023

Микки выл. Он выл безостановочно несколько часов. Даже когда Билл сказал ему, что видит Землю, он ни на секунду не остановил этот жуткий животный вой, исходящий откуда-то из кишок и попадающий Биллу прямо в солнечное сплетение. Смит сам тоже выл. Только старался не выпустить этот звук наружу, иначе сумасшествие бы полностью заполнило их летательный аппарат.

«Мы должны долететь», – сказал себе Смит. Должны. Просто обязаны. Он не смог спасти женщину, которой он это обещал, теперь он обязан донести живым до земли этого парня. И он, пилот Смит, не позволит себе сдаться и опустить свою последнюю руку, когда ему почти удалось доставить парня на Землю.

С того момента, как Земля и свои, такие родные и знакомые звезды, снова появились вокруг, он никак не мог справиться со скоростью. Он не давал кораблю спуститься ниже двухсот километров на поверхностью, так как боялся врезаться в многочисленные спутники. А их маленькому кораблику было достаточно столкновения с гораздо менее крупным предметом, чтобы погибнуть немедленно. Их витки вокруг земли превращались в шаманский танец безысходности. Наконец, эта чертова пляска начала сбавлять свой невиданный темп.

«Странно, что НАСА еще не прислала народ посмотреть, что за НЛО тут скачет», – думал Смит. Он осторожно спускался на более низкую орбиту, периодически поглядывая на уровень кислорода, который начинал стремительно падать. «Лафа закончилась», – мрачно подумал он. Он понимал, что просчитать эту посадку он не сможет. Что на такой скорости и с такой высоты, с какой он должен будет начать приземление, шансов выжить будет предельно мало. Он уже не знал, сколько он висит над Землей. Звуки, издаваемые Микки, слились для Смита со скрежетом металла и шумом в собственной полубессознательной голове. Он заходил на посадку. Через несколько мгновений кораблик превратится в огненный хвост, сгорая в атмосфере, а капсула, несущая Смита и Микки Ямото на Землю, повиснет под парашютом над Тихим Океаном.

1975

Грэхем Бакли не был путешественником. Единственный раз, когда ему пришлось переместиться на достаточно большое расстояние, запомнился ему как нечто неприятное, унылое, и по большому счету бессмысленное. Ему было четырнадцать лет, когда родители переехали из измучившей их засухами Новой Зеландии в Австралию, и осели здесь навсегда. Долгое путешествие в самых дешевых каютах показалось юному, измученному морской болезнью Грэхему настолько утомительным, что при малейшей угрозе какого-то бы ни было перемещения он замолкал, уходил в себя и оставался на месте. То есть на приобретенной его родителями сорок шесть лет назад ферме в ста пятидесяти милях от Кэрнса, недалеко от парка Боулинг Грин Бэй.

Его здесь все устраивало. Он подозревал, что где-то далеко есть другие города, даже, возможно, больше Сиднея, в котором ему все-таки пришлось как-то очутиться. Но его это не волновало. Волновали его только кролики. По сути дела, за все его жизнь никто и ничто не волновало его порой так отчаянно, как эти твари. Правда, надо отдать должное этим умным парням, которые все что-то колдуют и изобретают, и последние лет двадцать стало значительно легче, но года до середины пятидесятых эти хищные мохнатые гаденыши пакостили Грэхему неописуемо, уничтожая огромное количество его, Грэхема, трудов.

Сейчас, благодаря какой-то новой болезни, их поголовье сильно уменьшилось, но привычка обходить свои владенья на предмет отлова и отстрела врага не покинула мистера Бакли, и теперь он шел вдоль посадок сахарного тростника, высматривая кроликов. Солнце уже садилось, Грэхем собрался повернуть к дому, но тут внимание его привлекло нечто не вписывающееся в его представлении о порядке. Он остановился и приглядываясь, подошел поближе. Из-под одного из высоких кустов, чуть в стороне от прохода, торчала нога. То, что это именно нога, Грэхем понял не сразу. Сначала он долго прикидывал, что это может быть, так как одета эта нога была во что-то светлое, блестящее, из неизвестного ему материала. Грэхем долго смотрел на нее, потом отодвинул куст и поискал остальное тело. Под листьями оказались двое, мужчина и женщина. Женщина спала, мужчина придерживал ее голову и в упор смотрел на Грэхема. На нем тоже было что-то белое и блестящее, но изрядно потрепанное, покрытое черными пятнами то ли грязи, то ли гари. Лица обоих имели на себе следы ударов и все той же черной сажи, что была на их

одежде. Грэхем застыл, глядя в глаза мужчины. Время текло медленно, впрочем, Бакли и не торопился, с обходом он закончил, и у него были и мысли, и время их обдумать.

В отличие от Картера. С того момента, как он вытащил Анну из загоревшейся капсулы, мыслей у него было только две. Какое счастье, что они живы, и как позаботиться об Анне. Подумать над более или менее правдоподобным пояснением, кто они и как здесь оказались, задачи перед ним не стояло. И сейчас он очень ругал себя за это, глядя в медленное лицо этого приятного пожилого парня.

Их капсула летела на бешеной скорости в ночи, оставив позади уносящийся в космос горящий остов шаттла. Они рухнули в паре километров от этого поля, на берегу моря, чудом дотянув до побережья. Анна была не в состоянии идти, да и сам Джерри чувствовал себя готовым упасть лицом в песок и заснуть. Но он отдавал себе отчет, что им очень повезло, что они никому не попались на глаза. Из последних сил тащил он полуживую Анну подальше от открытого берега, пока они не оказались в зарослях тростника. Здесь, уложив ее, он и пытался думать, но мысли были все те же самые, всего две. И дальше них дело не шло.

Грэхем все так же молча смотрел на Картера и медленно жевал жвачку. Джерри набрал полную грудь воздуха и максимально доброжелательно произнес:

– Привет, – он даже покивал головой, словно подтверждая свои слова.

Фермер молчал. Только жевать стал активнее. Потом сплюнул и спросил:

– Ты кто?

Анна зашевелилась. Она приоткрыла глаза и резко села, увидев Грэхема. Тот слегка наклонил голову вбок, разглядывая ее лицо. Анна схватила Картера за руку, не отводя горящего взгляда от фермера.

– Какое счастье, что вы нас нашли!

– В смысле? – задумчиво спросил Бакли.

– Мы не надеялись, что нас найдут, – низким грудным голосом веско произнесла Анна и ужасно закашлялась. Посадка не прошла даром.

– А вас надо искать? – слегка приподнял брови Грэхем. Джерри тоже приподнял свои брови, точно повторяя выражение лица фермера.

Анна, с трудом преодолев приступ кашля, секунду молчала, возмущенно глядя на Грэхема, а потом воскликнула:

– Нас похитили! – неприкрытый упрек читался в ее глазах.

Теперь кашлял Картер, и не менее долго и мучительно, чем Анна. А Грэхем не кашлял, он думал.

– Кто это вас похитил? – наконец спросил он. И тут он вспомнил свой первый вопрос:

– Вы кто?

– Мы мистер и миссис Картер. Нас похитили. Ради выкупа, – уточнила она. – Очень давно уже. Схватили, связали, затолкнули в мебельные коробки и увезли.

– Давно?

– Я уже даже не знаю, как давно. Сбилась со счета, ни дня, ни ночи же не видно. Какое сегодня число?

– Пятнадцатое, – произнес Бакли, с сомнением глядя на предполагаемую миссис Картер.

– Какого месяца? – спросил лейтенант, начиная что-то соображать.

– Ну сентября, - протянул Грэхем. – Если уж так все обстоит.

– Год какой? – коротко выдохнула Анна.

– Вы чего, совсем того, что ли? – спросил недоверчиво Бакли и грешным делом прикинул, не пойти ли ему отсюда.

– У моей жены стресс, вы не представляете, сколько мы пережили, – сказал чистую правду Джерри. – Просто назовите нам год. И, если можно, глоток воды.

Грэхему стало немного стыдно за свою черствость. Действительно, лежат оба, грязные, головой битые, числа не знают. Голодные, видать. А может и вовсе раненые. Он присел на корточки перед Анной, вгляделся ей в глаза и взял руку, щупая пульс. Анна спокойно дала ему потрогать себя.

– Сегодня пятнадцатое сентября тысяча девятьсот семьдесят пятого года, – Грэхем подумал и добавил многозначительно:

– Осень уже.

Через час он вернулся за ними на повозке с небольшой в яблоках кобылой и отвез к себе. Вечером, за похлебкой и отличным самогоном, Анна подробно рассказала фермеру историю своего похищения, как их мотало по морям-океанам, трясло в поездах, как их мучители бросили их обоих в чистом

поле. Грэхем не без любопытства выслушал ее сказания и сообщил, что спать им можно в сарае, и что у него есть даже пара отличных одеял.

Весь ужин Картер продержал Анну за руку, не давая ей нормально есть. Он боялся, что если отпустит сейчас ее, не будет чувствовать ее кожу в своих руках, то снова очутится на транспортном корабле, в черной мглистой пустоте среди смазанных звезд.

После ужина, закопавшись по уши в густое сено, Анна устроилась на его плече так, чтобы носом касаться кожи. После самогона было чуть легче поверить во все произошедшее, но она отдавала себе отчет в том, что еще долго будет привыкать к тому, что все это правда, и она действительно сейчас и здесь, то есть в семьдесят пятом году в Австралии, а не в две тысячи тридцать четвертом на космическом корабле. Жизнь, ведя свою собственную, никому не постижимую линию, сделала виток, приведя ее сюда, на этот сеновал. У нее больше не были связаны руки и ноги, но воздуха по-прежнему не хватало в груди, только теперь от заполняющей все ее существо нежности. Она провела пальцем по груди Джерри, словно проверяя, что это действительно он.

– Что теперь будет, лейтенант? – еле слышно произнесла она.

Он прижал к себе ее голову и не ответил. Через несколько секунд Анна уже спала. Картер лежал, глядя в темноту невидящим взглядом и еле уловимым движением перебирал ее волосы.

Что теперь будет, хорошая моя... Теперь мы будем жить долго и счастливо, как минимум тридцать лет. А может, и не очень счастливо. Старый Джон никогда не рассказывал об этом. Точно одно: мы будем здесь, в Австралии. Бороться с потомками кроликов, жаб, выращивать пшеницу и тростник. А потом... Потом что-то случится, и я останусь один. Соберу свое барахло, продам ферму и поеду в далекий Техас. Возьму там мальчишку по имени Джерри, на все вырученные деньги открою маленькую забегаловку и назову ее «Однорукий Билл». Я разве тебе не говорил? Именно так называлась забегаловка, старика Джона Картера в окрестностях Хьюстона. Да, я не говорил...

Я не знаю. Я не знаю, что будет. Может, я и не поеду в Техас. А может, на этот раз мне очень повезет, и ты не оставишь меня. И мальчик, оставленный в приемной семье, никогда не увидит никаких лепестков розы на руке. Не пойдет в армию и не полетит в космос. У меня есть тридцать лет, тридцать долгих

лет, чтобы найти все правильные решения. Спи, моя Анна. Самая прекрасная женщина на свете. Мое раннее утро в осеннем лесу.

Джерри-Джон Картер засыпал. Мысли становились все легче, прозрачней, дальше. Последним, что мелькнуло перед его внутренним взором, было лицо его командира Георгия Орлиевского, который, улыбаясь, поздравлял их с приземлением. Картер крепко зажмурил уже закрытые глаза, вздрогнул и заснул.

2055

Корабль Мечты завершил свой первый полет точно по расписанию. Он красиво завис над космодромом, надменно любуясь сам собой и наслаждаясь своей необыкновенной технической мощью и возможностью вот так, безо всякой суеты, роскошно и неспешно сесть на землю.

На встречу красавца-корабля также собралась толпа народа, как и на проводы. «Все-таки самому глазами посмотреть всегда интересней, как ни верти. Так сказать, эффект личного присутствия», – думал Билл. Он стоял поодаль, ожидая, пока пассажиры, сверкая глазами и предвкушая неподражаемый эффект от своих рассказов, покинут корабля. Проводил глазами высокую фигуру баронессы, красиво несущую себя в сопровождении бывшего магната. Шумно вывалились футболисты. Тихо переговариваясь друг с другом, покинули здание космодрома Куперы. За ними шел Микки.

Это снова был его Микки, Микки Ямото, его мальчик, его великий Микеланджело, страстно желающий создать правильного, быстрого и просторного Франкенштейна, и разбившийся в борьбе с собственным чувством вины. Его друг, которого он тоже так и не смог сберечь. Акира что-то резко говорил сыну по-японски, тот слушал с улыбкой и интересом. Билл замер. Долгие годы он ждал этого возвращения. Ждал и боялся. Мечтал снова увидеть Микки живым хоть на минуту, и покрывался испариной, представляя себе этот момент. Это было еще одно раздвоение пространства, явление, ставшее для Смита частью его жизни, но так и не принятое самим его существом. Много лет он ждал этого дня, подтверждающего все предположения и надежды запертых, потерянных в космических изгибах людей. Долгие годы, с самого падения в океан он шел к этому дню, дню приземления Корабля Мечты. Он выжил, нашел молодую Лиззи, прожил свою странную альтернативную жизнь, но так ничего не смог ни исправить, ни предотвратить. Прелестная рыжая девочка стала несчастной нелюбимой женщиной, талантливый мальчик разбился сам, предварительно разбив девочке жизнь. А он, Билли Смит, бывший пилот и бывший друг, лишь наблюдал, внутренне рыдая от собственного бессилия.

Чужой Микки уходил вдаль от него. Теперь уже, видимо, навсегда. «Будь счастлив, парень», – пробормотал Билли и увидел Лизу.

Она выходила последней. На лице ее застыла растерянность. Она вышла в гостевую зону и, не поднимая головы, пошла

вперед. Смит пошел за ней следом. Лиза повернулась к первой попавшейся лавочке и села. Билл, затаив дыхание, подошел и тихо окликнул ее.

– Лиза? – ему было очень страшно. Он думал, она его ударит. Или закричит, или скажет то, после чего ему останется только бежать. Лиза подняла на него бледное лицо и вскочила навстречу.

– Билл! – выдохнула она и обняла Смита. Тот стоял, замерев, приобняв ее левой рукой.

– Билл, все зря, Билл, – прошептала Малкин. – Мы весь день были рядом. Мы даже летали в сфере вместе, ты представляешь? Он меня не знает. Он ни разу не посмотрел на меня. А я чувствую, что схожу с ума. Вроде точно он, а лицо другое. Какое-то... совсем спокойное. Микки никогда не был таким, – она поискала слово, – совсем спокойным. Билл, ответь мне, это же был Микки?!!

– Нет, конечно, – ответил Смит.

– Конечно, да, это был он, – каким-то дежурным голосом произнесла Лиза и продолжала:

– И ничего не случилось. Вообще ничего, Билл. Только пилот умер.

– Пилот умер? – хрипло спросил Смит.

– Да, – кивнула Лиза. – Прямо во время полета нашего в Сфере. Вдруг, без причины. Сердце, наверное. Она отстранилась и испытывающе посмотрела в лицо Смита. Смит молча смотрел на нее.

– Все испугались, когда узнали, – продолжила Малкин. – Но все нормально для нас закончилось, второй пилот доставил назад... Второй пилот, Билл! То есть ты!

Лиза снова почувствовала, что подступает истерика. Она лишилась всего: здоровой психики, любимого мужчины, привычной жизни. Теперь она снова нищая, не получив ни одного – ни одного! – ответа на свои вопросы. Все стало только хуже. Те несколько часов, проведенные рядом с Микки и веселым молодым и двуруким Биллом Смитом, вышибли остатки внутреннего равновесия, к которому она стремилась поистине любой ценой.

Смит обнимал ее, изо всех сил прижимая к себе.

– Прости меня, девочка моя, – беззвучно шептал он ей в макушку, – я виноват перед тобой. Я всю жизнь виноват перед тобой...

– Что ты говоришь? – спросила Лиза сквозь слезы.

– Поехали ко мне, – ответил Смит. – Отдохнешь. Я дам тебе варенье из апельсиновых корочек. Помнишь мое варенье?

Она кивнула, как уставший от собственных капризов ребенок.

– Поиграешь со мной в шахматы, Билл? – втирая слезы, спросила она. У нее не было больше сил. Вообще ни на что. Хотелось сесть, закутаться в плед и смотреть на красивые резные фигурки шахмат. И все. Как будто ничего вокруг нее больше нет. Ни вопросов, ни желаний, ни проигранной жизни.

– Поиграю, – ответил ей Билл. Он крепко обнимал Лизу, стараясь развернуть ее лицом в другую сторону от корабля. Трое высоких людей в белом вывозили накрытое тело. Стюардессы, командир Илья Орлиевский и второй пилот Билл Смит стояли рядом, прощаясь с Картером. Смит беззвучно рыдал, Орлиевский стоял молча, не шелохнувшись. Когда тело погрузили, он коротко сжал плечо Билла и тяжелой походкой зашагал прочь от корабля. Вокруг губ залегла привычная горькая складка. Он шел высоко подняв голову и едва заметно приволакивая ногу. Старый Смит еще долго смотрел вслед командиру корабля Илье Орлиевскому, опекуну капитана Георгия Орлиевского. Билл обнимал плачущую Лизу и изо всех сил старался не перевести взгляд на того, второго Смита, все еще стоящего у входа на Корабль Мечты. С этого момента у пятидесятилетнего Билла Смита номер один начиналась та часть жизни, о которой восьмидесятилетний Билл Смит номер два не знал ничего. И не должен был узнать. Пора было разорвать этот порочный круг.

– Кстати, мне недавно звонил твой наставник шахматист. Спрашивал о тебе. – оторвав взгляд от себя самого, сказал он Малкин.

– Да ты что! И как он поживает, мой милый старый Янкель?

– Всех переживет. Он тебя любит, – тихо добавил Смит.

– Билл, – снова спросила она после паузы.

– Да, Лиззи.

– Скажи только одно, – Лиз снова остановилась. Она не смотрела на Билла, но он чувствовал ее взгляд прямо в своей душе. – Только скажи правду. Я клянусь, что перестану спрашивать. Только одна вещь.

Смит ждал. Он знал, что она спросит. Он слышал этот главный для Лизы вопрос тысячу раз. И тысячу раз врал ей.

– Билл, – она помолчала. – Только честно: он любил меня? Когда-нибудь?

– Всегда, Лиззи, – как обычно ответил ей Смит. – С первого взгляда.

Малкин недоверчиво посмотрела на него, хотела еще что-то спросить, но не стала. Он все равно не ответит.

– И я любил тебя всегда, Лиза, – это была чистая правда. Только эта правда была ей неинтересна. – Всю жизнь, – добавил он.

– Я тоже люблю тебя, Билл, – Лиза снова по-дружески тепло обняла Смита, и он улыбнулась ему. – Поехали к тебе. Она взяла его под руку и вдруг рассмеялась:

– Представляешь, один пианист вообще никуда так и не полетел. Просидел в углу пьяный весь полет.

Они медленно шли от космодрома, не обращая внимания на подлетающие такси. Лизе хотелось пройтись, уйти как можно дальше от всего, что бежало за ней следом, прежде всего от самой себя. Она крепко держалась за единственную руку пилота Смита и думала только об ожидающем ее варенье из корочек, шахматах и глинтвейне.

2023

Было холодно. Холодно до боли. Словно чья-то рука скручивала нервы поперек и держала, не давая разогнуться. Его трясло, и он подпрыгивал от этой тряски на жесткой лежанке. Боль в ноге была такая, что Смиту казалось, что он сейчас разорвется в клочья и забрызгает собой все вокруг.

Снова чья-то рука. Теперь она приподнимает его голову и льет ему в глотку нечто обжигающееся, отчего у него перехватывает дыхание и слезы брызгают из глаз смешным фонтаном, как у героев мультфильмов. Только ему не смешно. Он снова проваливается в нечто черное и вязкое, и оно ползет по нему, пожирая его тело, мысли, силы, разум...

– Можем не успеть доставить, – сказал помощник. Капитан, с изрытым ледяным ветром и солью лицом, смотрел на него, ожидая продолжения. Было холодно, судно сильно качало. Мун перевел хмурый взгляд на лежащего без сознания незнакомца. Тот сжался в комок на койке, странно выставив вперед ногу.

Врач покачал головой и добавил, словно нехотя:

– Температура сорок. Когда будет вертолет?

– Какой вертолет, Пэк? Мы на таком расстоянии от берега, что к нам пока никто не долетит. Еще минимум сутки до вертолета. Если на полном ходу идти.

Капитан помолчал. Два дня назад он выловил их из океана. Буквально выловил. Забросил сеть и вытащил этих двоих. Не понятно во что одетых. Не понятно, как сюда попавших. Они провели в воде не меньше нескольких часов. Оставалось предположить, что их странный наряд был чем-то вроде гидрокостюма, но подобных капитан раньше не видел. Один из них крайне тяжелый – бред, жар, бессознательное состояние, второй в сознании, но молчит и стонет. Сидит, раскачивается и стонет. Первый чернокожий. Второй вроде азиат, но тоже не поймешь до конца. Ни о чем говорить не получается, хотя на борту есть англоговорящие.

– Я не знаю, что с ними делать, Пэк, – после паузы тихо сказал капитан. – Ты можешь предположить, кто они могут быть?

Пэк пожал плечами. Он сам ломал себе голову над этим вопросом. Единственное, что в нее приходило, не стоило докладывать капитану. Тот и так был недоволен расходом виски на борту.

Дело в том, что пару дней назад, уже под утро, он решил выйти подышать. Иногда, после рюмки другой, ему это было просто

необходимо. Плавали они давно, на душе было муторно. И вот, сел он на палубе, и вдруг звезда огромная как промелькнет над его головой. И впереди, прямо по курсу, упала в море. Как комета. Вот после этого и нашли двоих в воде. Часа через три уже. Но идти с таким рассказом к капитану Пэк готов не был. Слишком много вопросов к нему могло возникнуть, ему этого хотелось меньше всего. Сейчас его волновал тот, что старше, с поломанной ногой, смятым лицом, без руки, да и без сознания к тому же. «Что ж с тобой произошло такое, парень?», – размышлял Пэк. Он набрал в шприц антибиотик, повернул беднягу слегка на бок и сделал ему внутримышечную инъекцию. Потом снова набрал, уже болеутоляющее, и сделал еще один укол. На лбу у лежащего выступили огромные капли пота, Пэк потрогал его. Лоб пылал, а пот был холодный.

«Держись, парень», – подумал врач и вышел из каюты.

Именно эти слова: «Держись, парень!» были последними, которые смог произнести Смит, перед тем, как они упали в воду. Потом были ускользающие от него волосы Микки, которые он судорожно нащупывал, чтобы ухватить. Он схватил их в кулак, оттолкнулся и рванул, извиваясь как русалка, всем своим требующим жизни телом наверх, туда, где был воздух. Они не должны были выплыть. Они не должны были выжить. Этому могло быть одно-единственное объяснение: то пространство, в котором они провели последний кусок жизни, еще как-то влияло на их организмы и на общий ход вещей.

Микки не хотел всплывать. Он сопротивлялся, но Смит, будто обезумевший кит, толкал его головой, телом, ногами к жизни, даже не замечая его сопротивления.

Теперь Микки сидел на полу каюты рядом с лежащим на койке Смитом. Он перестал стонать, но внутри него все еще стоял надрывный вой и скрежет. Он не мог остановить это крушение внутри себя. То, что произошло, было настолько невыносимо для самого его существа, что боль можно было заглушить только смертью. Микки размахнулся всем телом и сильно ударился головой об пол. Из глаз пошли искры, но на какой-то миг стало легче, боль физическая заглушила боль душевную.

– Парень, – прошептал Смит.

Микки молчал. Он не мог разговаривать ни с кем, особенно с ним, с соучастником, свидетелем, таким же предателем и убийцей как и он сам, Микки Ямото.

– Эй, – голос Смита, слабый и хриплый, прозвучал чуть настойчивей. – Ответь.

– Я тебя ненавижу, – проговорил Микки.

Смит полежал какое-то время тихо. Он был рад получить этот ответ. Это было даже хорошо, что парень переключил сво эмоцию на него. Больше всего Билл боялся, что Микки что-нибудь совершит над собой. Причинит себе вред. А этого Биллу Смиту очень бы не хотелось. Это было бы слишком. Совсем слишком. Поэтому он не стал возражать парню. Пусть ненавидит.

С этими мыслями ему удалось заснуть, и черная жижа не терзала его. На следующий день он был уже в состоянии проглотить две ложки супа. Помощник капитана с корейского рыболовецкого судна смотрел на него с настороженным интересом. Когда он понял, что Смит пришел в себя, он позвал капитана. Тот пытался задавать ему вопросы, но Билл был не в состоянии говорить. Он выслушал все вопросы, переведенные ему на английский каким-то парнишкой, откинулся на подушки и снова заснул. Он знал, что все эти вопросы последуют еще не раз, и что придется что-то говорить и пояснять, но пока у него не был сил ни физических, ни душевных, давать какие бы ни было пояснения. Тем более, каждое слово надо было обговорить с Микки.

В следующий раз он проснулся среди ночи. Рядом, в полной темноте раздавался плачь. Именно плачь, а не стоны и не надрывные рыдания. Детский, полный горя и обиды, он сжал сердце Билла особенно остро.

– Микки, – позвал он парня. Тот не отвечал, но всхлипы стали чуть реже.

– Микки, ответь. Послушай, мальчик мой дорогой, я тебя умоляю, ответь мне!

Смит сам готов был рыдать. Он чувствовал, как горло сжимается, а глаза наполняются едкой влагой.

– Микки!!

Он приподнялся на левом локте, всматриваясь в темноту.

– Я здесь, – не сразу отозвался Микки.

– Послушай меня, сынок, – Смит громко шептал, повернув голову на голос. Тьма стояла кромешная. – Послушай меня.

– Я слушаю, – ответил Микки. Я слушаю... Смит был счастлив, услышав от него человеческую речь, только вот он абсолютно не знал, что ему говорить. Все слова, которые приходили ему на ум, были такие заведомо бессмысленные, что он даже боялся

себе представить, насколько издевательски они могли прозвучать в его ушах.

Ты ни в чем не виноват, парень? Мне очень жаль, что так вышло? Вся эта невыносимая дешевка из бульварных романов могла только толкнуть Микки с борта этого корабля. Смит снова почувствовал холодный пот на лбу и вдруг, неожиданно для самого себя, произнес:

– Я клянусь тебе, парень, мы найдем ее.

– Кого? – медленно переспросил Ямото.

– Мы найдем Мэг.

Смита начало трясти. Он вдруг понял, что это действительно возможно.

– Как ты ее найдешь, Смит? Ты с ума сошел, Смит?! Она же там, на погибшем...

– Тихо парень. Она не только там. Подумай. Она и здесь. И ты сможешь... – пилот поискал нужное слово.

– Сможешь все исправить, – проговорил Смит и зажмурился. «Что же я делаю», – пронеслось в голове. «Это нельзя, невозможно, недопустимо».

Повисла пауза.

– Что ты знаешь о ней, чтобы искать? – прервал молчание Микки.

– Я знаю, что она Мэг Мерфи.

– Это не очень много, Билл. Если это вообще так. Я слышал, некоторые на корабль вошли под псевдонимами. Так что...

Билл задумался. Обрывки какой-то далекой беседы пронеслись в мозгу. Он тогда тоже лежал, тоже перевязанный, тоже с острой болью...

– Я знаю, Микки. Я знаю, что она любит шахматы! Нетанья!

– Ты смеешься, Билл?

– Поверь мне, это не так уж мало, парень. Я клянусь тебе, мы ее найдем!

Микки замолчал, а Смит окончательно почувствовал себя подлецом. Он даже толком не мог сформулировать, что именно в этом поступке подлого, но ощущение было непереносимым. Он зажмурился и тряхнул головой. «Нельзя было этого делать».

Эта мысль будет неотступно крутиться у него в голове. Часы, годы, месяцы. Всю жизнь. Всегда, глядя на Лизу Малкин, в

замужестве Ямото, или миссис Микеланджело, как она сама себя в шутку называла, с невыразимой нежностью глядя на своего мистера Микеланджело, он будет вспоминать именно этот момент, когда трусливо предложил Микки разыскать ее, исковеркав тем самым всю ее жизнь, снова, собственными руками, приведя ее, Лизу Малкин, на Корабль Мечты. И только потом его мысль будет возвращаться к тому мгновенью, когда сам он, Билл Смит улетел с транспортного космического корабля «Венера», оставив там на смерть эту же, но совсем другую, женщину. Смерть в пустоте.

0000

За спиной послышался особенный свист и грохот. Видимо рухнула переборка. Лиза вжалась в стену, насколько это было возможно в невесомости. Глаза ее, все еще не утратившие надежды, метались в поисках какого-то волшебного выхода из этой абсолютной смерти. Кораблю оставались считанные минуты, это был самый последний неохваченный пламенем отсек. Там же, где еще не было пламени, висели черные сгустки антипространства. Лиза заставила себя выдохнуть застрявший в легких воздух и остановиться. «Хорошо. Даже если это и правда конец, перестань метаться. Должен же человек достойно...».

Мысль прервалась. Ее взгляд уперся в Сферу. В ту самую сферу, на которой она и попала на этот корабль. Это был тоже своего рода летательный аппарат. Не очень управляемый, вовсе не независимый. Но летательный. Сейчас, когда все летело к своему концу, любой призрачный намек можно было считать выходом. Лиза оттолкнулась от стены, скользнула к панели и снова открыла дверь в отсек. Сфера с распахнутыми дверями, словно приглашала ее внутрь. Она рывком сняла блокировку с опор Сферы. Та сразу слегка приподнялась над полом, и Лиза скользнула внутрь. Посмотрела на датчики – все показатели были на том же уровне. Она глубоко вздохнула, набрав полную грудь воздуха, и нажала на кнопку закрытия дверей. Прозрачная дверь легко закрылась, отсекая Лизу от красно-черной смерти корабля «Венера». Подумав немного, она пристегнулась и замерла.

Ожидание было долгим. Ей казалось, что ничего больше никогда не произойдет. Ей даже не было страшно. Она просто застыла внутри стеклянного шара, как муха в янтаре. Висела в пустоте, глядя наружу из-за стекла.

А потом все кончилось. Раздался взрыв, видимо, огонь наконец добрался до горючего, а потом все увеличилось в миллион раз, только звука уже не было, и Лиза Малкин буквально кожей ощутила, как черная вязкая мгла входит в реакцию с топливом, превращая шаттл в космическую пыль. Все рухнуло. Нереальной силы толчок выкинул Сферу в черное пространство.

Когда она очнулась, никакого корабля не было. В полной темноте, единственный отсвет к которой давали мерцающие показатели приборов на металлической панели сферы, можно было различить только размазанные по небу звезды,

повернутые к ней своей изнанкой. И все. Ни планет, ни комет. Полная пустота.

Она снова внимательно посмотрела на приборы. Прекрасно. Кислород, давление. Ни есть, ни пить не хочется. Ну что ж, теперь у нее, пожалуй, действительно есть время все обдумать.

Малкин ждала, когда начнется паника. Она понимала, что это произойдет, и замерла, прислушиваясь к себе. Но, как ни странно, она была спокойна. Мысли были четкие, ясные, даже немного ироничные. И самым забавным было то, что она действительно получила все ответы. Она теперь знала, что именно сделала для своего будущего мужа, за что он всю жизнь не мог их обоих простить. Ни себя, ни ее. Действительно, подумала она, внутренне усмехнувшись, бедный парень. Как с этим жить.

И Билл. Билл-то... Как он мог мне это рассказать?.. Мог бы, с другой стороны, что-нибудь сочинить, чтобы я не мучилась, – возразила она сама себе. Нет, Лизок, не мог. Он все эти годы не мог думать об этом. Он, наверное, хотел убедить и себя тоже, что он параноик, и ничего подобного не было.

Тут неожиданная мысль настигла ее. Ей вообще сейчас казалось, что ее мысли летают вокруг ее головы в сфере и садятся ей по очереди на голову медленно, как бабочки. И она их также медленно думает, а потом они взлетают и исчезают. А эта мысль прилетела без очереди, и призывно помахивала сочными бархатными крыльями.

Лизка, Билли Смит же не знает, что ты здесь летаешь! Он думает, что ты просто погибла при взрыве! Как жаль, что никто и никогда не увидит тебя, вечно парящую в стеклянном шаре посреди чуждого космоса... Как жаль!

Лиза даже улыбнулась в пустоте. Да, это могло бы произвести впечатление на пилота Смита. А ее Микки наверное бы просто умер немедленно. Он очень тонкий мальчик.

Ей вдруг стало грустно, и мысли перестали быть бабочками, а превратились в унылые жухлые листья. Микки никогда меня не любил. Зачем он меня искал? Как он мог меня найти? Слава Богу, я никому не сказала ничего о себе. Может, мне повезет, и на новом витке им не удастся разыскать молодую беззаботную Лиззи и испортить ей жизнь...

«Смогу ли я вас простить?». Это были уже не листья, а мелкие капли холодного дождя, капающие ей на лицо. Смогу ли я простить? Смогу ли я пройти через эту вечность? Где она, обратная сторона реальности, изнанка жизни?

Перед ней проносились лица. Смотрел грустными серыми глазами командир Орлиевский, задорно подмигивал лейтенант Картер, застенчиво улыбалась чета Куперов. Суровый Акира... Да, Микки, ты был прав, говоря про своего отца с таким уважением. Вот мы и познакомились...

Микки... Твои глаза, мой драгоценный мальчик. Твои всегда полные затаенной горечи прозрачные глаза. Мой ненаглядный, неспокойный, непонятый и не доживший до своих звезд. Ты так хотел сделать этого Франкенштейна лучше, шире, быстрее… А выходило только так. Узко, медленно, ненадежно. И места для Лиз Малкин в нем так и не нашлось. А ведь она любила тебя. Я всегда любила тебя.

Сфера плыла по никому не известной орбите по другую сторону мироздания. Женщина, замершая в ней, прикрыла глаза. Она не хотела больше думать. Она могла отложить все размышления. Она все успеет, перед ней простиралась вечность.